

Библиотечка военно-исторического журнала
ОРЛОВСКИЙ ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК
Выпуск № 30

**АРМИЯ ШЛА
ПО ОРЛОВСКОЙ ЗЕМЛЕ**

УДК 82-1+94(47)+335/357

ББК 84(2р)6

Р 69

Издание осуществлено при поддержке
Орловской региональной общественной организации
«СОЮЗ ВОЕННЫХ ЛИТЕРАТОРОВ»

Серийное оформление обложки: Александр Ухин

Редакционная
коллегия:

С. А. Ветчинников (главный редактор),
А. И. Кондратенко (составитель, редактор),
А. М. Польшинкин (примечания и комментарии)

Библиотечка «Орловского военного вестника», выпуск № 30

Р 69 **Армия шла по орловской земле** / Редактор-составитель А. И. Кондратенко. –
Орёл: Союз военных литераторов, издательство «Картуш», 2023.– 220 с.

ISBN 978-5-9708-1132-0

В данное издание включена часть опубликованных дневников воронежского уроженца, писателя и литературоведа Н. В. Романовского – то, что было написано им в 1942–1943 гг. во время работы в армейской газете на территории Орловской области.

Это первая попытка комментированного издания военных дневников Романовского. Книга адресована тем, кто интересуется историей Великой Отечественной войны на Орловщине и ведёт поисковую работу, а также изучает летопись населённых пунктов региона. Знакомство с дневниками будет полезно и современным журналистам, студентам отделений и факультетов журналистики. Работа коллег в исключительно сложных условиях, их отвага и смелость, умение оперативно и профессионально делать газету – хороший урок для тех, кто продолжает романтическое дело уже в XXI веке.

Во второй части библиотечки – воспоминания Николая Семёновича Майорова, который 17-летним пареньком ушёл на фронт. Получил три медали «За отвагу», а ещё и «За боевые заслуги». Очень гордился медалью «За взятие Будапешта».

Николай Семёнович оставил после себя бесхитростные, но удивительно ёмкие и волнующие воспоминания о своей юности, которой, по большому счёту, и не было. Прямо из детства он шагнул во взрослую жизнь, отдав армии 13 лет. Как и многие победители, прожил очень трудную, но удивительно яркую и достойную жизнь.

УДК 82-1+94(47)+335/357
ББК 84(2р)6

ISBN 978-5-9708-1132-0

© Н. В. Романовский (правопреемники), 2023
© А. И. Кондратенко, 2023
© А. М. Польшинкин, 2023
© Н. С. Майоров (правопреемники), 2023
© Союз военных литераторов, 2023
© ООО ПФ «Картуш», 2023

От составителя

В данное издание включена часть опубликованных дневников Н. В. Романовского – то, что было написано им в 1942–1943 гг. во время работы в армейской газете на территории Орловской области. Текст публикуется по изданию: Романовский Н. В. По фронтовым дорогам: Рассказы, очерки, фронтовые дневники, письма. – Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 1971, с. 132–165, 168–246.

Во время подготовки настоящего издания в выбранный текст были внесены незначительные изменения – исправлены опечатки, очевидные ошибки в датах и написании географических названий. Дневники сопровождаются примечаниями и комментариями, где приведены сведения о населённых пунктах, воинских частях и боевых действиях, о некоторых упомянутых в дневниках лицах.

Это первая попытка комментированного издания дневников Романовского. Вполне возможно, что по мере поступления архивных материалов появится возможность подготовить новое, дополненное издание подобного рода. Однако уже этот вариант, вне сомнения, окажется весьма полезен читателям, в первую очередь, тем, кто интересуется историей Великой Отечественной войны на Орловщине, летописью её населённых пунктов, а также тем, кто ведёт поисковую работу – устанавливает имена павших бойцов, исследует хронику действий тех или иных воинских частей, обстоятельства и последствия оккупации.

Резонно предположить, что знакомство с дневником фронтового корреспондента будет небезынтересно и современным журналистам. Работа коллег в исключительно сложных условиях, их отвага и смелость, умение оперативно и профессионально делать газету – хороший урок для тех, кто продолжает романтическое дело уже в XXI веке.

Во второй части библиотечки – воспоминания Николая Семёновича Майорова, который 17-летним пареньком ушёл на фронт. Получил три медали «За отвагу», а ещё и «За боевые заслуги». Очень гордился медалью «За взятие Будапешта».

Николай Семёнович оставил после себя бесхитростные, но удивительно ёмкие и волнующие воспоминания о своей юности, которой, по большому счёту, и не было. Прямо из детства он шагнул во взрослую жизнь, отдав армии 13 лет. Как и многие победители, прожил очень трудную, но удивительно яркую и достойную жизнь.

Алексей Кондратенко

Идут в наступление строки

«Армия шла по орловской земле» – эта строка из стихотворения Павла Антокольского вынесена в название книги не случайно. Его коллегой по перу, боевым газетчиком, сражавшимся на Орловщине, был Николай Романовский (1909–1944), дневники которого давно уже стали уникальным свидетельством военной поры.

Вот начало стихотворения Антокольского:

Армия шла по орловской земле,
Мимо развалин, заросших бурьяном,
Рвов перекопанных, кладбищ в золе,
Танков, потерянных Гудерианом...

Такие же картины встают перед современным читателем и со страниц чудом сохранившегося дневника корреспондента газеты 48-й армии Романовского. Литературная история Орловщины периода Великой Отечественной войны ещё ждёт своего вдумчивого и внимательного исследователя. Но без всяких оговорок можно утверждать, что она неразрывно связана с именами многих известных прозаиков, публицистов и поэтов. Строки об Орловщине звучат в стихах Бориса Пастернака и Евгения Долматовского, Арсения Тарковского и Александра Твардовского, Елены Благиной и Семёна Кирсанова, в прозе Андрея Платонова и Бориса Полевого, Василия Гроссмана и Константина Федина, в публицистике Ильи Эренбурга и Александра Серафимовича.

Этот перечень можно продолжать и продолжать. Понятно, что Николай Романовский не был бы в первых строках перечисления именитых авторов. Да, он был талантливым писателем, его хорошо знали в соседнем с Орлом областном центре – Воронеже. Но до войны, помимо публикаций в ли-

тературных журналах, у Романовского вышла только одна небольшая (в полсотни страниц) книга прозы. Он мечтал создать большое эпическое полотно уже после войны. Однако этому замыслу не суждено было осуществиться. Как не суждено было вернуться с полей сражений миллионам наших соотечественников...

Николай Владимирович Романовский родился 19 декабря 1909 года в селе Коденцово Острогожского уезда Воронежской губернии (ныне Каменский район Воронежской области). Его родители – Владимир Михайлович и Антонина Васильевна – были учителями земской школы. Вскоре семья переехала в село Тарасовку, расположенное на Дону. В годы гражданской войны отец служил в Красной Армии, мать работала сестрой милосердия в госпитале. Ребёнком Николай Романовский увидел всю жестокость лихолетья: немецкая оккупация, расправы белогвардейцев над коммунистами, голод, нищета...

По окончании гражданской войны семья Романовских переехала сначала в Орёл, затем в уездный город Щигры Курской губернии. Здесь Николай в 1926 году вступил в комсомол, окончил среднюю школу. Работал пионервожатым, организовывал художественную самодеятельность, участвовал в ликвидации безграмотности. Он полюбил слесарничать и столярничать, мечтал поступить в индустриальный вуз и стать изобретателем. Но постепенно всё сильнее и сильнее давала знать о себе увлечённость литературой. Пробует писать стихи, читает их сверстникам:

Я вышел в поле на заре.
Шептались сонные колосья.
В кубышке – квас, в котомке – хлеб,
А в сердце радость нёс я.

Это было восхищение жизнью и грустное воспоминание о трудном прошлом. За подписью «Юнак» печатал стихи в курских губернских пионерской и комсомольской газе-

тах. Первый его рассказ («Иван») появился на страницах литературно-художественного сборника «В гору», изданного в Курске в 1927 году.

В 1928 году Романовский поступил на литературно-лингвистическое отделение педагогического факультета Воронежского государственного университета. Простенько одетый, похожий на застенчивого старшеклассника, поначалу был незаметен в шумных коридорах и аудиториях ВГУ. Но вот появились первые публикации в Воронеже, Романовский вышел на сцену вечеров поэзии и любительских постановок университетского клуба. Читал стихи Пушкина, Лермонтова, Маяковского, иногда свои. Осенью 1929 года он был избран в бюро Центрально-Чернозёмного областного общества крестьянских писателей. Затем стал редактором многотиражной газеты «Красный университет», выпускал рукописные литературные журналы.

В 1931 году, окончив ускоренный курс университета, Романовский поступил в аспирантуру при кафедре литературы и русского языка Воронежского пединститута. Там же был преподавателем, вёл занятия по русской литературе XX века, литературе народов СССР и теории литературы. Его лекции были наполнены чтением наизусть множества отрывков. А ещё остроумными наблюдениями, шутками. Неудивительно, что после звонка вокруг молодого преподавателя собирались студенты и разговор, начатый на лекции, длился ещё и всю перемену.

Романовский работал над диссертацией на тему «Роман-эпопея М. Горького «Жизнь Клима Самгина»». Занимался также исследованием творчества В. В. Маяковского, Ш. Руставели, К. Хетагурова, И. Франко, публиковал статьи о воронежских писателях И. С. Никитине, П. Н. Прудковском, М. М. Сергеенко.

Литературно-критические статьи, рецензии (в том числе и театральные) и рассказы Романовского регулярно появлялись на страницах журнала «Подъём», альманаха «Литературный Воронеж», в областных газетах «Коммуна» и «Молодой коммунар».

Первая книга рассказов «Статуй» вышла в воронежском издательстве «Коммуна» в 1933 году. Она была доброжелательно встречена критикой и читателями. На её появление откликнулся столичный журнал «Молодая гвардия» (№ 6 за 1934 год): «Небольшая книжечка Романовского «Статуй» заслуживает самого пристального внимания. Три рассказа из четырёх, помещённых в книге, о гражданской войне. Романовский сумел предельно насытить эти рассказы драматизмом, подлинной, но не крикливой патетикой героики революционных битв. Он нашёл правильный художественный подход к своим острым, содержательным темам – в крайней лаконичности и простоте, и потому эти очень небольшие по объёму рассказы запоминаются читателям... Первая книжечка молодого писателя радуется своей свежестью, незаурядным литературным дарованием, тем художественным тактом, который необходим каждому писателю».

На областном литературном конкурсе на лучший рассказ, прошедшем в Воронеже в 1933 году, Романовский разделил победу с коллегой по перу Борисом Песковым. Воронежский писатель Владимир Кораблинов вспоминал: «Меж собой они разнились во всём, кроме любви к русскому слову, драгоценному для обоих. Песков – молчун, Романовский – говорун-смешливец. Песков не пил, капли в рот не брал, Романовский – всегда был не промах выпить... Песков писал профессионально, едва не каждый день, а Романовский – когда блошица укусит. Из Пескова вышел бы большой писатель, а из Романовского... да что теперь об этом впустую сетовать. У обоих по их дару человеческому и литературному судьба не сложилась. Оба – ещё до войны ошельмованные, а в войну – ушедшие на передовые»¹.

Секретарь обкома ВКП(б) Иосиф Варейкис доброжелательно отзывался о творчестве Романовского: «Маленькие

¹ Подробнее см.: Дьяков Д. Исчезнуть, не дожидаясь рассвета: воронежские писатели, погибшие в годы Великой Отечественной войны // Подъём.– 2015.– № 8. – С. 152–161.

рассказы надо всячески поощрять. Мы страдаем отсутствием маленьких рассказов типа Генри, Чехова, рассказов в стиле молодого Горького, Мопассана и Диккенса. Не случайно, что на страницах наших журналов всё чаще и чаще появляются статьи, посвящённые проблеме маленьких рассказов, маленьких пьес... Романовский встал на правильный путь и ему надо всячески помочь»¹.

Историк литературы Дмитрий Дьяков считает, что в иных своих публикациях Романовский представал в роли, скорее, партийно-литературного функционера, нежели сочинителя. В пример приведены такие строки из публицистики: «Воронежская губерния в период царизма, в период господства капиталистов, помещиков и кулаков, была известна своей нищетой и бескультурьем... Эта страшная действительность запечатлевалась трудовым населением в его песнях и сказаниях, в них запечатлевалась и ненависть и стремление уничтожить власть буржуазии и помещиков и великая, чудесная вера в то, что именно мужественный и великий трудовой народ станет хозяином своей жизни, своего счастья. Немногие из этих песен и сказаний дошли до нас, ибо воронежские помещики и буржуа пускали в ход любые средства, чтобы убить, чтобы заглушить и авторов песен и сами песни...

О литературе же, в которой отразились бы думы и чаяния народа, о воронежских писателях, вышедших из народа, – говорить не приходится. Огромная Воронежская губерния в период империализма... не выдвинула ни одного писателя из народа, т.к. малейшие попытки приобщения к культуре талантливых одиночек немедленно пресекались «всевидающей» и «всеслышащей» полициейщиной»².

А вот строки Романовского о современности: «Наше сегодня величественно и прекрасно. Каждый день нашей жизни

¹ Подробнее см.: И.В. [Варейкис]. Об одном примечательном литературном конкурсе. Письмо в Оргкомитет Союза советских писателей ЦЧО // Подъём.– 1933.– № 10. – С. 96–100.

² Подробнее см.: Романовский Н., Булавин М. Воронежские писатели за 20 лет // Литературный Воронеж.– 1937.– № 1. – С. 224–234.

есть поэма о трудовом и боевом героизме, о новых победах страны, согретой и освещенной могучим гением Сталина. Мысль о том, что нами руководит, с нами живёт и работает Сталин, стала источником творческого вдохновения, бодрости и мужества. Само имя Сталин есть символ несокрушимости наших сил, их организованности и неисчерпаемости»³.

В 1933 году Романовский опубликовал в «Подъёме» большую обзорную статью «Орловские поэты»⁴. Надо полагать, что автор хорошо знал многих орловских коллег. Критик обратил внимание читателей журнала на творчество орловцев С. Юдкевича (его стихи периодически печатались в «Подъёме»), М. Толстова, Б. Николаевского, А. Целинова. Микрорецензии Романовского носили весьма критический характер. К примеру, рассмотрел такую строфу из стихотворения Семёна Юдкевича:

Небеса не жалеют вод
На кирпичный, на наш завод.
Стеллажи холодит сквозняк,
Но бригаде сквозняк – грош...

Романовский писал: «Мало того, что бригадники здесь выступают в образе «ура-молодцов», которым на всё наплевать, но они ещё и обезличены, все слиты в один механизм, которому приданы переживания автора».

А по поводу «Стихов о кирпиче» Целинова («У сараев сожмались бока, до отказа закрыты люка...») заметил: «господствует тот же безудержный восторг, подкреплённый скаковым ритмом». Романовский с иронией цитировал стихотворение Целинова о вредителях (!?):

Недодали семь тысяч вчера,
Поломалась у шнека часть:

³ Романовский Н. Сталин в художественной литературе // Литературный Воронеж.– 1940.– № 1. – С. 37–49.

⁴ Романовский Н. Орловские поэты // Подъём.– 1933. –№ 1–2. – С. 95–99.

Кто-то бросил стали кусок,
У цилиндров вырвало бок.
Значит люди такие есть –
Их работа – заводу месть.

Ещё больший сарказм у автора рецензии вызвали строки М. Толстова:

Как герой настоящий
Он в труде забывает о всём
И бывает в цеху некурящим
Семь ударных часов.
Он работать отлично умеет
Лучше тех, кто маляр много лет,
И быстрее у него зеленеет
Плуга чёрный скелет.

«Досталось» в «Подъёме» и известному в Орле поэту Борису Николаевскому. «Неумение» – так однозначно охарактеризовал Романовский следующие строки:

Три года уж с тысячами другими
Я строю социализм,
Шагаю вовсю по ударным дням,
А путь их не лёгок, не ровен,
За это и месячным отпуском я
Товарищами премирован.

Общий вывод критической статьи: «Советская литература создаётся не только широко известными мастерами, но и в гуще колхозников, в гуще рабочей массы... Ударники, вчера пришедшие в литературу, не отрываясь от производства, уже дали ряд произведений большой художественной значимости... Недостатков много, они свидетельствуют о необходимости серьёзной и плановой работы над каждой строчкой стиха. К этой

работе нужно привлечь слои советской интеллигенции, связанные с литературой, имеющиеся в Орле, нужно внимательнее обсуждать продукцию поэтов на собраниях литкружков, сделав главный упор на качество. Лучше меньше, да лучше»¹.

Дмитрий Дьяков подметил: «Если в публицистике им владеет исключительно жёсткая партийная целесообразность, то в небольших рассказах автор пробует уйти от партийной рациональности в сторону революционной романтики. Есть свидетельства, что Романовский учился писать рассказы по книгам Бабеля. Однако учёба эта привела воронежского литератора не к выработке уникального арсенала художественных средств, а лишь к созданию в своих произведениях подчас вычурной, олитературенной действительности»². В пример приведён отрывок из рассказа «Вань-Вань»: «Дыня упала из рук, ударилась о ступеньку, другую, третью, упала на землю, разбилась пополам. Выглянуло нутро плода. Сукровично-жёлтая вытекала слизь. Вытекала воедино связанная, подрагивающая масса семечек – дынный мозг и кровь. Красноармеец ахнул, рванулся вперёд. Череп его ударился о камень, тупо хрустнул и лёг рядом с дыней». И ещё отрывок, из рассказа «Концерт»: «Флейта свистнула вдруг, как свистит молодой суслик, изумленно взглянувший на мир. Птахами запели скрипки. Умолк барабан. Из звуков рождалась степь. Донская степь – истерзанный тысячами ног и копыт, политый кровью и матерщиной, великий шлях гражданской войны... Аплодисменты сорвали музыкантов с мест, аплодисменты склонили перед публикой упрямую голову дирижера... Крутолобов вытер шершавым, как рашпиль, пальцем слёзы во впадинках под глазами».

Убеждённый в том, что «Сталинская Конституция – поэма о счастье народов», Романовский на писательских собраниях всегда выступал с самых жёстких партийных позиций. Своего коллегу Бориса Пескова он мог назвать «фашистским аген-

¹ Там же. С. 99.

² Дьяков Д. «Исчезнуть, не дождавсь рассвета...»: воронежские литераторы, погибшие в годы Великой Отечественной войны // Бюллетень лаборатории региональной журналистики. Вып. 7. – Воронеж, 2020. – С. 262–263.

том» только за то, что Песков считал «белогвардейского писателя» Бунина великим.

... Вечером 4 ноября 1938 года на квартиру припозднившегося с занятий и заседания литературного объединения доцента пединститута Романовского нагрянули чекисты. Был долгий изнурительный обыск. Изъяли документы, письма, рукопись кандидатской диссертации, черновые наброски рассказов и литературно-критических статей. Только около трёх часов ночи, попрощавшись с матерью, арестант покинул свой дом под конвоем...

Почти шесть десятилетий было неизвестно, в чём конкретно тогда обвинили писателя. И только в 1994-м и в начале 2000-х годов в печати появились очерки Д. Д. Лаппо¹ и В. Шматова², где приведены выдержки из следственного дела. Вот отрывок из протокола первого допроса.

«Вопрос: Следствие располагает данными о том, что Вы являетесь активным участником антисоветской фашистской группы писателей. Признаёте себя виновным?»

Ответ: Нет, не признаю, так как, являясь кандидатом в члены Союза советских писателей с момента его организации, вёл активную работу по укреплению советской литературы, как в своих теоретических выступлениях (опубликованных в журналах и газетах, и публичные лекции и доклады) и в практике молодого писателя – мои рассказы, опубликованные в журнале «Подъём» и в альманахах, издававшихся в Воронеже.

Неоднократно выступал против контрреволюционной авербаховской политики ликвидации советской литературы с чтением публичных докладов в пединституте и в местном отделении Союза советских писателей, что могут подтвердить как партийная группа Союза советских писателей, в частности, Ольга Кретьова, Подобедов М. М., Михаил Яковлевич Булавин, Виктор Иванович Петров, и беспартийные писатели Николай Алексее-

¹ Лаппо Д. Д. Романовский Николай Владимирович // Лаппо Д. Д. Жертвы беззакония. – Воронеж, 1994. – С. 139–144.

² Шматов В. Праведный путь Романовского // Подъём. – 2002. – № 6. – С. 210–217.

вич Задонский и Михаил Михайлович Сергиенко. Все они проживают в Воронеже.

Отзывы о моих художественных произведениях опубликованы в журналах «Резец» за 1934 год и «Молодая гвардия» (№ 6 за 1934 год). Кроме того, давался ряд отзывов в журнале «Подъём». Последний, краткий, отзыв о моей литературной работе опубликован в «Литературной газете» за 20 или 25 октября 1938 года в статье Алексея Карцева «О писателях, живущих в Воронеже».

Его обвиняли ещё и в том, что среди студентов оказались враги народа Георгий Петров и Николай Якушев. Якобы Романовский был их идейным вдохновителем. Все обвинения он отрицал, признавая только то, что способствовал публикации стихов своих студентов в воронежских газетах и журналах...

Следствие затянулось. В начале февраля 1939 года начальник Воронежского областного управления НКВД подписал постановление о возбуждении ходатайства перед НКВД СССР о продлении срока следствия по делу Романовского. В том документе, в частности, говорилось: «Ввиду того, что по делу необходимо произвести дополнительные аресты и требуется дальнейшее расследование для вскрытия практической контрреволюционной деятельности участников группы литераторов по городу Воронежу и связи их с другими городами СССР, срок же ведения следствия истекает 4 февраля 1939 года, постановил: возбудить ходатайство перед НКВД СССР о продлении срока следствия и содержания под стражей обвиняемого Романовского Николая Владимировича на 2 месяца, т.е. до 4 апреля 1939 года».

Это не помогло следователям. Не сработали клеветнические доносы В. С. Божко и К. Ф. Толкачёва. Первый сообщил о том, что Романовский принадлежал к антисоветской организации. Второй утверждал: «Преступная деятельность Романовского на идеологическом фронте дошла до того, что, участвуя в литературной группе при газете «Молодой коммунар», он проводил линию так называемой «чистой поэзии», в которой советская действитель-

ность не отражалась, а наоборот, приветствовалась пустая, бессодержательная поэзия, в которой отсутствовало воспитание нового человека, воля к победе»¹.

Арестованный отрицал обвинения, стойко отказывался компрометировать друзей и товарищей. Одна из последних записей, сделанная следователем в деле: «По агентурной разработке активно разрабатываются следующие лица: Песков, Булавин, Подобедов, Задонский, Петров и другие, допрос которых по делу арестованного Романовского считаю нецелесообразным, так как это может помешать дальнейшей разработке этих лиц. 4 июня 1939 года».

Состряпанное на скорую руку громкое дело «воронежских писателей» в итоге развалилось. Тогда же, 4 июня старший следователь Кутьянов подытожил: «Предъявленное обвинение Романовскому об антисоветской деятельности построено на неконкретных показаниях одного обвиняемого Божко В. С., которые он дал в 1936 году... Таким образом, следствием не добыто достаточных данных для предания Романовского суду. Уголовное дело в отношении Романовского прекратить, из-под стражи освободить, о чём уведомить областного прокурора»².

Так, спустя ровно семь месяцев арестант вышел на свободу. Что-то из отобранного при обыске ему вернули, но вся личная переписка, наброски новых рассказов, дневники ещё в начале февраля были сожжены. Надо было начинать жизнь сызнова. Романовский с головой уходит в преподавательскую деятельность. Весной 1940 года он напишет в одном из писем: «Я должен дать за учебный год 711 лекционных часов. Мне все эти часы сконцентрировали в первом полугодии. Начиная с сентября по март, я работал с огромным напряжением, приходилось читать лекции по 8–10 часов подряд перед аудиториями в 100–200 человек, в различных помещениях, холодных и жарких, сырых и сухих...»

¹ Лаппо Д. Д. Указ. соч. С. 142–143.

² Лаппо Д. Д. Указ. соч. С. 143.

А в журнале появилась его статья «Сталин в художественной литературе»: «Хорошо жить в нашей стране. Легко в ней творить. Весь народ стал творцом. И такой страну сделал Сталин»³.

Будущий профессор, а тогда студент Романовского Филипп Луценко вспоминал: «Лекции свои по истории советской литературы и по литературе народов СССР Николай Владимирович читал увлечённо и, я бы сказал, изящно. Этому способствовали природная острота ума и большая эрудиция, выразительная внешность и умение владеть голосом и жестом, а также огромная эмоциональность, с какой он читал стихи, отрывки из прозаических произведений, которых знал наизусть великое множество»⁴.

В первый же день Великой Отечественной войны Романовский пошёл в военкомат. Но его не призвали в действующую армию: бронь – преподаватель вуза должен оставаться в запасе. Ещё несколько раз ходил в военкомат, вступил в истребительный батальон, а к осени уволился из института и всё же ушёл рядовым бойцом на фронт. Участвовал в Керченском морском десанте, ходил в разведку (отлично владел немецким языком), был стрелком-радистом на танке, инструктором политотдела дивизии.

Своему другу ещё студенческих лет писал о той поре: «Был в войсках Лопатина⁵ и шёл вместе с ними в боях за Ростов. Потом начал работать в газете, но не выдержал и отпросился к ген[ералу] Камкову⁶. Работал в разведке. Участвовал в части

³ Романовский Н. Сталин в художественной литературе // Литературный Воронеж. – 1940. – № 1. – С. 37–49.

⁴ Лаппо Д. Д. Указ. соч. С. 143–144.

⁵ Генерал-майор Антон Иванович Лопатин (1897–1965), с конца 1941 г. – командующий 37-й армией, наступавшей на направлении главного удара в Ростовской наступательной операции Южного фронта в ноябре – декабре 1941 г.

⁶ Генерал-лейтенант Фёдор Васильевич Камков (1898–1951), с конца ноября 1941 г. по середину февраля 1942 г. и с конца апреля по середину октября 1942 г. – командующий 18-й армией, которая в составе Южного фронта успешно действовала в Ростовской наступательной операции, а в составе Северокавказского фронта – в Армави́ро-Майкопской оборонительной операции.

в подготовке одной крупной операции на юге. Ходил по немецким тылам. Был в глубоких рейдах и десантно-морских операциях».

И ещё строки из того письма: «Окружали меня интересные люди – смелые и беспардонные. Они хорошо дрались с немцами, только одна «беда» – не удавалось им захватывать пленных фрицев. Ведь это были моряки с Азовского и Чёрного и донецкие шахтёры, у которых в большинстве семьи были уничтожены немцами.

Что они делают с нашими гражданами, я насмотрелся уже так, что уже, вероятно, во всё могу поверить. Самое страшное, что я видел, это распятые дети в возрасте 4–8 лет. Немцы прибывали их к белым, чистеньким хаткам конскими гвоздями. Руки и ноги детей, пробитые гвоздями, имели ужасный вид. Под ребрами у них были штыковые раны.

Однажды мы поймали начальника тех карательных отрядов, которые казнили население Днепропетровска и Кировограда. Эта стерва-каратель плакал и говорил, что у него жена и двое детей, что во имя их он просит пощадить его. А когда у него спросили: «Зачем вы убиваете тысячи русских детей?» – он ответил: «Мы делаем историю».

Женщина в Ростове зарубила топором семерых таких «историков»...

Обо всём этом я невольно вспоминаю всегда, да и можно ли это забыть?»

После череды непрерывных боёв Романовского на короткое время отправили в Москву – за новым назначением. Он вспоминал о том коротком отпуске: «В Москве каждый день бывал в клубе писателей и вынес оттуда ощущение человека, которого окунули в нафталин, а потом в дерьмо. Основное, чем они заняты, – это поиски «новых эстетических эквивалентов». И когда мне об этом сказала Адалис¹, я ей посоветовал снять вошь с воротника жакетки, убить её и отыскать гнид, которых оставила вошь. А дамочка обиделась и начала спрашивать, кто

¹ Аделина Адалис (Аделина Ефимовна Ефрон, 1900–1969), поэтесса, прозаик, переводчица.

я такой и как попал в клуб. Выручил Соловьёв², приехавший в ту пору из Севастополя. Он сказал, что я санинструктор, это меня спасло от гнева поэтессы, не могущей зарифмовать такие слова, как «война» и «обеденные талоны», «немец» и «любовь»³.

В апреле 1942 года Романовский получил направление на новое место службы – в 48-ю армию⁴. Вновь созданная газета армии получила название «Слово бойца». Её редактором был назначен Николай Пысин⁵.

Больше года Романовскому предстояло провести в боевых условиях на земле Орловской – земле, знакомой ему с детства, всегда притягательной и заманчивой, – в тех благодатных соловьиных местах, где родились гиганты русской литературы Тургенев, Тютчев, Фет. Волею судьбы воронежец, писатель, по стилю чем-то родственник Андрею Платонову, Романовский оказался в числе защитников и освободителей Орловщины. Она стал ему родной, о ней он с сердечной привязанностью напишет: «Эх, жить бы здесь да любоваться закатами!»

Техник-интендант 1 ранга, а затем старший лейтенант административной службы, Романовский занимал далеко не самое заметное место в военно-журналистской иерархии, но газетчиком был вполне мобильным и геройским. Один из воронежских

² Леонид Васильевич Соловьёв (1906–1962), писатель, сценарист, автор диалогов о Ходже Насреддине. Во время войны был военным корреспондентом газеты «Красный флот» на Чёрном море.

³ Романовский Н. Письмо другу // Чтобы память не прерывалась... – Воронеж, 2010. – С. 45.

⁴ Первоначально 48-я армия была сформирована в первых числах августа 1941 г. на Северо-Западном фронте на базе Новгородской армейской оперативной группы. Тогда в неё вошли 70-я, 128-я, 237-я стрелковые дивизии, 21-я танковая дивизия, 1-я дивизия народного ополчения и ряд других соединений и частей. В августе вела оборонительные бои на новгородском направлении, с 19 августа в составе Северного, с 27 августа – Ленинградского фронтов (на Шлиссельбургском направлении). 14 сентября 1941 г. управление армии было расформировано, а войска переданы на доукомплектование 54-й армии. Вновь 48-я армия была создана в конце апреля 1942 г. на Брянском фронте. В неё вошли 1-я и 6-я гвардейские, 8-я, 211-я и 284-я стрелковые дивизии, 109-я, 118-я и 122-я стрелковые бригады, 202-я танковая бригада и ряд отдельных частей. Постоянно вела бои на территории Орловской области. 13 марта 1943 г. 48-я армия была передана в состав Центрального фронта – участвовала в битве на Курской дуге.

⁵ Подробнее о нём см. комментарии.

литературоведов позднее так напишет об этой странице фронтовой биографии писателя: «Он работал в самом боевом отделе газеты – в отделе армейской жизни. Романовский очень быстро вошёл в круг своих обязанностей, бывал в действующих частях, беседовал с воинами, командирами и всякий раз приносил богатый материал об армейских буднях. В одном случае это были заметки самих фронтовиков, которые он обрабатывал часто на передовой, в другом – его собственные корреспонденции, статьи, очерки. Романовский не любил засиживаться в редакции. Сдав материал, охотно отправлялся в новую командировку»¹.

К тому же материалы газеты со станции Красная Заря, где размещалась редакция, возили набирать и печатать в Елец, и Романовскому нередко приходилось выполнять обязанности курьера. Он писал в дневнике: «Редактор неоднократно говорил мне, что он наметил меня послать на командный пункт армии постоянным представителем газеты. Обязанности эти несложные, я их знал хорошо: ежедневно просматривать политдонесения и оперативные сводки, немедленно сообщать в газету обо всем интересном, связываться по телефону с дивизиями, брать информацию у них»².

Так, в Ельце, в штабе партизанского движения он увидел комплект оборудования, предназначенного специально для лесной типографии: «В небольшом чемодане размещалась наборная касса с корпусом³ и заголовочными шрифтами, в другом – «карманная» печатная машина»⁴. Всего Орловский обком ВКП(б) перебросил для подпольных партийных центров 32 типографии и необходимые для них краски, материально-технические принадлежности, бумагу⁵.

Во время службы в редакции газеты «Слово бойца» на орловской земле Романовский получил горькие вести о боях за

¹ Толстой И. Он остаётся в строю: Очерк жизни и творчества Н. В. Романовского // Романовский Н. В. По фронтовым дорогам. – Воронеж, 1971. – С. 19.

² Романовский Н. В. По фронтовым дорогам. – Воронеж, 1971. – С. 153.

³ Корпус – размер шрифта, более крупного, чем стандартный петит.

⁴ Выстояли и победили! – Орёл, 2005. – С. 212.

⁵ Очерки истории Брянской организации КПСС. – Тула, 1968. – С. 262.

Воронеж и под Воронежем, о горьких утратах. Он писал другу в августе 1942 года: «Что касается семьи, то нет уже никаких сомнений в её гибели⁶. Переживал я это весьма тяжело, ведь сразу, за один день, потерять всех⁷ – надо вытерпеть. А я, как на грех, виделся с семьёй в конце апреля и был убеждён, что скоро увижусь снова, и им внушил мысль о полной безопасности. Всего же я потерял в Воронеже, считая и двоюродных родственников, около 20 человек, да на Дону, в станицах Вёшенской и Каменской – человек 10. Сколько же теперь я должен получить с немцев шкур ихних в уплату долга?

А сколько друзей и знакомых погибло!

Вот почему я всё время рвусь на передовую, да не всегда отпускают»⁸.

Оглядываясь на события всего одного только военного года, Романовский добавлял: «Как иногда я говорю, ни разу не был ни убит, ни ранен. Один раз горел в танке, но потерял только полы ватной куртки... Иной раз бывало до физической боли страшно, особенно когда оставался один в поле, вдалеке от своих. Но и убегать никогда не убегал от опасности, а теперь мне вообще жизнь не дорога. Кроме головы, мне терять теперь нечего»⁹.

Вот одна из записей из фронтового дневника Романовского: «За три дня я побывал на четырёх батареях, создал всюду корреспондентские пункты, собрал для газеты материал. Эта работа меня увлекла. Я был с людьми, которые воевали. Здесь всё было просто, бесхитростно, всё мелочное отброшено. Люди знали, что они «ходят по краю смерти», знали, зачем прибыли сюда, и жили дружно»¹⁰. Дневник газетчика – документ особый, в нём нашли отражение такие сторо-

⁶ Во время бомбёжки Воронежа был разрушен родной дом Романовского, погибли его дневники первых военных месяцев.

⁷ В живых, вопреки дошедшим до Романовского вестям, осталась мать писателя Антонина Васильевна.

⁸ Романовский Н. Письмо другу // Чтобы память не прерывалась... – Воронеж, 2010. – С. 39.

⁹ Там же. С. 41.

¹⁰ Романовский Н. В. По фронтовым дорогам. – Воронеж, 1971. – С. 142.

ны фронтовой жизни, о которых нельзя узнать из передовых статей. Например, встречаем упоминания о том, что остальные журналисты не очень стремились попасть на передовую. Романовский приводит слова комиссара полка в селе Трудки: «У нас тут уже бывали из газет, но никто дальше штаба полка не ходил. Вы будете первым, побывавшим среди наших бойцов на передовой»¹. И ещё цитата: «У автоматчиков я взял три заметки и снова, пригибаясь, и лавируя в узком ходе сообщения, отправился с политруком «домой», – на командный пункт роты. Уже после оглянувшись на пройденный путь и подумал: три заметки, написанные бойцами на передовой! Для меня эти три листка бумаги с отпечатками масляных, грязных пальцев были очень дороги. Я знал, как будут читаться эти заметки в окопах, когда туда попадёт газета, сколько разговоров вызовут они. Боец, написавший заметку, вырежет её и будет носить в кармане вместе с документами, а может быть, отошлёт родным, чтобы они сберегли её...»². И ещё пример – из Верхней Залегощи: «Командиры (роты. – А.К.) – молодой смелый лейтенант Канищев, такой же молодой политрук Панфёров – встретили меня радостно и удивлённо:

- Ведь сюда из газет пока ещё никто не приходил!
- А вот теперь пришли, – ответил я не без гордости»³.

Романовский увлечённо писал о пулемётчиках Захаркине и Жилияеве, которые в жарком бою сдержали натиск 45 гитлеровских автоматчиков; о снайперах Гусеве, Хивинцеве и Степанове, которые до войны были охотниками, а потом ходили в засаду на врага; о разведчике-наблюдателе Баранове, который по малейшим приметам мог определить местонахождение противника, размещение его огневых точек. Героями его материалов были летчики и танкисты, артиллеристы и сапёры, рядовые бойцы и командиры. Нередко разрабатываемые им темы поднимались до уровня больших обобщений,

¹ Там же. С. 146.

² Там же. С. 151.

³ Там же. С. 156.

и они широко использовались агитаторами, пропагандистами, политработниками. Так, очерк «Бессмертный подвиг Бурана Исимбаева», где дан образ казахского юноши, повторившего подвиг Александра Матросова, и очерк «Трагедия в селе Трудки», в котором описаны фашистские зверства на нашей земле, рекомендовались для прочтения в частях наравне с лучшими пропагандистскими материалами. Романовский хорошо разбирался в вопросах военной науки. Побывав в стрелковом полку, поговорив с командирами, он записал в своей тетради:

«Военком подробно расспрашивал меня о моих впечатлениях, и я понял, какое большое значение придавал он моим оценкам. Понял я и другое – как много нужно знать фронтовому журналисту. Нужно знать и ПТР, и артиллерию, и стрелковое дело, и пулеметы, и минометы, и танки, и авиацию. Нужно быть универсально образованным в военном отношении человеком, чтобы работать на передовой, где каждое твое слово воспринимается как совет, а порой и как приказ...»⁴.

Романовский внимательно следил за поведением и действиями противника, пытался понять особенность немецкой тактики, изучить новинки гитлеровской техники, чтобы затем со знанием дела писать об этом в газете. Он обстоятельно знакомился с техническими данными новых немецких танков, «тигров», и, учитывая это, а также опыт противотанкистов, выступил с большой статьёй «Всеми средствами уничтожай танки врага».

Характерную зарисовку о редакции военной многотиражки находим в очерке Константина Федина «На марше»⁵. Для неё «небо является крышей, поваленное дерево – корректорской, ноги печатника – типографским двигателем». Писатель наблюдал за работой походной типографии в тот момент, когда там печатался экстренный выпуск газеты с сообщением о том, что взяты Сумы. Федин писал: «Печаталась газета, и мастер, накладывая бумагу, размеренно давил ногою педаль «американки». Сколько раз сделает он это движение за

⁴ Там же. С. 149.

⁵ Опубликовано в книге «В боях за Орёл» (М., 1944).

время войны? Это – его марш, его неустанный, тяжелый, всё преодолевающий поход за победой, в котором он, как всякий солдат, не может ни на минуту отойти от своего оружия»¹.

Фронтовой журналист И. М. Михалёв, который трудился в редакции бок о бок с Романовским и не однажды ходил с ним на задания, в 1945 году писал о своём друге: «Быстро свыкшийся с суровым фронтовым бытом, Романовский трудился в любых условиях. Часто я видел его склонившимся при свете 45-миллиметровой «лампы» над большой железной табакеркой. Личная храбрость Романовского не один раз подтверждалась его участием в боевых действиях. За участие в бою летом 1942 года, когда обстановка заставила газетчика сменить перо на винтовку, Николай Владимирович был награждён медалью «За боевые заслуги»².

В наградном листе отмечалось: «Романовский показал себя настоящим журналистом-бойцом. Помимо проявления инициативы по улучшению качества газеты, он участвовал непосредственно в бою под Дишной³ 26–28 августа, где проявил мужество и отвагу. Тов[арищ] Романовский – храбрый командир-журналист. При выездах в командировки он всегда бывает на переднем крае и часто под огнём противника беседует с бойцами, поднимает их боевой дух и организует материал для газеты. В работе дисциплинирован, показывает пример другим литературным сотрудникам редакции»⁴.

И на фронте Романовский оставался писателем, в свободную минуту или затишье между боями писал о фронтовых буднях однополчан, героизме и подвигах солдат. Работал над циклом «Донбасских рассказов», повестью «Корень жизни». Глава из повести «Добрый путь» датирована «7 октября 1942 года, село Бегичево Орловской обл.». В армейской газете

¹ Цит. по: Первый салют. Т. 1. – Орёл; Курск, 1995. – С. 288, 291.

² Цит. по: Толстой И. Он остаётся в строю. Очерк жизни и творчества Н. В. Романовского // Романовский Н. В. По фронтовым дорогам. – Воронеж, 1971. – С. 19.

³ Дишня – железнодорожная станция в Залегощенском районе Орловской области на линии Орёл – Верховье.

⁴ Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 33. Оп 682524. Ед. хр. 924. Л. 8.

те были опубликованы очерк «Пан комендант» (о коменданте села Тимирязевки), заметка «Палачи» о зверствах немцев в Верхней Залегощи и в селе Коробка (21 июля 1942 года). Был опубликован и рассказ о зверствах фашистов в Малинове⁵.

На фронте вести дневники и рядовым бойцам, и командирам, и журналистам не разрешалось. В доказательство приведу отрывок из воспоминаний редактора главной военной газеты страны «Красная звезда» Давида Ортенберга: «Как известно, фронтовикам категорически, под угрозой наказания было запрещено вести личные дневники, даже если в них не назывались номера воинских частей, не были указаны названия населенных пунктов, словом, не разглашались никакие секреты. Не знаю, кому пришло в голову наложить табу на дневники. У нас в редакции, кроме Константина Симонова, никто не вёл дневников. И то, вернувшись из очередной командировки и продиктовав стенографистке новые страницы дневника, он приносил записи мне, а я хранил их в своём сейфе. Сколько потеряла наша документальная и художественная литература из-за этого ничем не оправданного запрета!»⁶

Запрет был неофициальный, его исполнение контролировали политработники и сотрудники особых отделов. Нарушение наказывалось строго – вплоть до трибунала «за разглашение» и отправки в штрафной батальон. Видимо, Романовскому со своими нелегальными рукописями каким-то образом удавалось проскочить мимо бдительных взоров ответственных лиц. Чтобы и в самом деле не выдать по неосторожности врагу военных секретов, писатель опускал «стратегические» детали, подробные описания воинских частей и вооружений, порой сокращал некоторые названия и фамилии до одной буквы, использовал другие методы.

Однако на войне подстерегала и другая опасность: как сохранить эти сокровенные военные тетрадки, уберечь их от утраты во время бесчисленных переездов, бомбёжек, пожа-

⁵ Романовский Н. В. По фронтовым дорогам. – Воронеж, 1971. – С. 83–84, 176–177, 188.

⁶ Ортенберг Д. И. Сорок третий: рассказ-хроника. – М., 1991. – С. 353.

ров? Поначалу казалось, что самое надёжное – по мере заполнения блокнотов передавать их домой, матери в Воронеж. Но в трагические дни лета 1942 года предыдущие фронтовые записи Романовского, хранившиеся у родных, погибли. Та же участь вполне могла ждать и «орловские» дневники. Это можно назвать чудом, но и в самом деле тетради, прошедшие через многие руки, сохранились.

Воронежский литературовед О. Г. Ласунский, работавший с этими рукописями в 1970-е годы, писал: «Очень трудно передать словами то внутреннее нервное напряжение, которое охватывает при подобного рода чтении. Одно дело, когда в благолепии архивных зальцев просматриваешь ветхие бумаги, и судьбы, в них запечатлённые, отделены от тебя более чем вековой дистанцией. И совсем другое – когда знакомишься с интимными записями человека, который мог бы жить рядом. Он уже отделён от нас неотвратимой гранью, но ещё не отошёл в ту даль, когда размываются личные черты и остаётся лишь факт некоего чужого существования. Две общие тетради и пачка несброшюрованных листов... Они исписаны разными чернилами, под разное настроение, и даже сам почерк как будто отчасти меняется. На отдельных страницах – подтёки: видать полевая сумка не всегда спасала от влаги. Заполнялся дневник в редкие дни затишья, между редакционными командировками. Иногда по месяцу не удавалось выкроить минутки – так стремительно было продвижение войск»¹.

«Дорога на Орёл» – так в послевоенных сборниках называли ту часть дневника писателя, где описаны бои на орловской земле, начало летнего наступления 1943 года. К этому времени Романовский обрёл весомый опыт фронтового газетчика, был принят в коммунистическую партию. Ему предстояло попасть в город своего детства, в город, переживший почти двухлетнюю оккупацию. Страницы дневника Романовского – уникальный исторический документ, свидетельству-

¹ Ласунский О. Г. Волшебное зеркало. Разыскания. Исследования. Этюды. – Воронеж, 1984. – С. 205.

ющий о возвращении Орла к мирной жизни, о грандиозных злодеяниях фашистов, разрушениях и лишениях.

Романовский сохранил в рукописи имена отважных патриотов: «Анатолий Ефремов (тридцать лет) и Николай Балакин написали от руки несколько листовок, направленных против вербовки молодежи в Германию. Гестаповцы опознали их почерк. Затем пытали, били шомполами и кусками колючей проволоки, обвивали руки раскаленной проволокой, не давали воды. После Николая Балакина с женой отправили в концлагерь в Германию, разлучив их с ребенком, а Анатолия Ефремова еще долго били, затем повесили. Матери Ефремова палачи сказали: «Забудь, что у тебя был сын, и не смей говорить о нём никому»»².

Другая запись в дневнике: «Я видел, как сотни юношей и девушек шли в горком. Юноши сразу же спрашивали, где можно записаться в Красную Армию, а девушки просили немедленно послать их на работу»³.

Фронтовые заметки писателя (ныне дневники хранятся в фондах Воронежского литературного музея имени И. С. Никитина) – своеобразная летопись той уникальной эпохи, времени великих испытаний, утрат и надежд. Ценность этих давным-давно пожелтевших страниц состоит ещё и в том, что они запечатлели каждодневную борьбу на фронте, увенчанную освобождением Орла и первым салютом Великой Отечественной войны. Журналист был участником возвращения на Орловщину мирной жизни, донёс до читателя современного и будущих времён радость освобождения, победы, единения людей, переживших неимоверные тяготы. Вполне возможно, что со временем эти торопливые строки стали бы материалом для большого литературного произведения о войне. Но земной путь автора составил всего 34 года. Николай Романовский умер от отравления 13 января 1944 года. Похоронили его в братской могиле в городе Речица Гомельской области Белоруссии.

² Романовский Н. В. По фронтовым дорогам. – Воронеж, 1971. – С. 246.

³ Там же. С. 244.

В Воронеже после войны, благодаря стараниям матери писателя, неоднократно издавались прозаические произведения Николая Романовского, его фронтовые дневники, письма. Вышли книги «Избранное» (1950), «Единство» (1954), «По фронтовым дорогам» (1958). К сожалению, в последнем издании текст дневников был напечатан с рядом пропусков и редакторских (редактор К. И. Маликова) изменений (например, на с. 64 вместо «Нет, не Сталин, а Гитлер делал война..» было «Нет, не русские, а Гитлер...»; на с. 65 вместо «На станцию Красная Заря» было «На станцию назначения...» и т.д.). Эти изъяны в значительной степени были устранены во 2-м, дополненном, одноимённом издании 1971 года (редактор-составитель И. Е. Толстой).

Романовскому были посвящены публикации в воронежских газетах и журналах. Его коллеги и ученики делились с читателями воспоминаниями о талантливом писателе (перечень статей и очерков приведён в разделе «Краткая библиография»). В здании областной писательской организации была установлена мемориальная доска в память о не вернувшихся с Великой Отечественной войны литераторах-воронежцах. Есть на ней и имя Николая Романовского.

Николай Романовский

**Армия шла по орловской земле.
Из дневника военного корреспондента**

Николай Романовский

Дневник

Дорожные впечатления (1942 год)

Вечером 29 апреля мы отправились поездом в Касторную и ночью были уже там. Долго блуждали, пока нашли военного коменданта. Он сказал, что наша армия отбыла на Брянский фронт, и посоветовал ехать в Елец, где находилось политуправление фронта.

Через сутки мы были у цели.

Едва вышли из вагона, как над городом появился «юнкерс». Самолёт пролетел над вокзалом и быстро помчался на запад. Да, здесь уже чувствовалось дыхание фронта.

Елец изменился мало с тех пор, как я побывал в нём в 1935 году. Но в нём хозяйничали немцы. Правда, они занимали его только четыре дня и отступили настолько поспешно, что не успели разрушить его. Но грабежи учинили. На улицах виднелись остатки ещё «наших» противотанковых рвов и преград, ходило немало военных.

Мы разыскали политуправление фронта и направились в отдел кадров одного из товарищей. Скоро он вышел оттуда, улыбаясь:

– Прибыли по назначению. Идите получайте путёвки.

В этот же день, вечером, мы вышли за город к КПП (контрольно-пропускному пункту), чтобы найти попутную машину до станции Красная Заря. Там должен был располагаться второй эшелон армии.

На КПП я случайно встретил Б. Тимина¹. Он направлялся в штаб 13-й армии, где в газете «Сын Родины» работали и он и М. Козловский². Коротко рассказали друг другу о своихключениях и разъехались в разные стороны.

¹ Тимин Б. В. – воронежский художник.

² Козловский М. И. – курский писатель.

Но нам не повезло. Грузовой автомобиль, в котором двигались к месту назначения, всё время останавливался, чихал. В колонне было четыре грузовика. Скоро один выбыл из строя. Спешно перегрузили ящики с аварийной машины на нашу и еле-еле к полуночи добрались до большого села Афанасьево¹. Село сохранилось, немцы не разрушили его. Я давно уже отвык от таких мирных сёл.

Началась жизнь на Орловской земле, в местах, известных мне по рассказам Тургенева.

Хозяйка напоила нас молоком. Рассказала о том, как были у них немцы, что творили, как вели себя.

Один немец как-то сказал хозяйке:

– Матка, ваш Сталин начал война.

Но, когда он ушёл, другой немец сказал:

– Нет, матка, не Сталин, а Гитлер делал война... Его надо – во! – и показал, что Гитлера нужно повесить. Потом он ласкал детей хозяйки и опять-таки жестами объяснял ей, что у него дома осталось трое детей, что им нечего есть.

– Они теперь – капут!..

Это означало, что в немецкой армии нарастала усталость от войны, нежелание погибать на неудобной, холодной и злой русской земле...

Рано утром мы поехали дальше. Лил непрерывный дождь. Дороги размокли. Машины то и дело буксовали, шли медленно. Сначала промокла шинель, потом гимнастерка и белье. Шинель стала твёрдой и тяжёлой.

Так добрались мы до Ливен. Здесь был устроен отдых часа на четыре.

Немного обогрелись, напились горячей воды, называя её «чаем», чтобы казалась вкусной. Снова поехали. Но оказалось, что переехать маленький ручей около Ливен невозможно. Слишком вязкий был грунт.

От местных жителей мы узнали, что до нужной станции в такую распутицу проехать нельзя: дороги залиты, машины загрузают.

¹ Ныне село в Измалковском районе Липецкой области на трассе Орёл – Тамбов.

И тогда мы решили ехать поездом. Размешивая сапогами жидкую грязь, пошли километра за четыре на вокзал. Но, увы! Никакого вокзала не было там, где полагалось ему быть. Виднелась лишь груда горелого кирпича и щебня, остатки железных конструкций.

Однако именно на этом-то «вокзале» нам повезло. Отсюда вскоре должен был отправиться поезд.

И снова мы очутились в теплушке, на этот раз настоящей. Растопили железную печку, уселись вокруг, начали сушить бельё и шинели. Пар валил, как в прачечной.

В Красную Зарю приехали не то 1, не то 2 мая, холодным дождливым утром. Здесь тоже всё было сожжено и разрушено. Расположившись на развалинах водонапорной башни, мы позавтракали тем, что у меня оставалось от продуктов, которые дала мне на дорогу мама (надо прямо сказать, что если бы не эти продукты, то нам пришлось бы туго; по старому обычаю мне приходилось подкармливать всех, по тому же старому обычаю все потом, когда улучшалось положение, подкармливали только себя).

Потом мы пошли искать свое начальство в село Россошное. Село начиналось здесь же, у станции, и тянулось далеко по обе стороны оврага. Россошное уцелело, в нём не пострадала ни одна крестьянская хата, но вокзал и его служебные постройки, школа, больница, мастерские, лабазы, – всё было сожжено. Гитлеровцы пробыли здесь только две недели, но поели почти всю птицу, свиней, вдоволь попили молока и, лишь когда убегали от наших бойцов, не успели взять с собой ничего.

Мы разыскали политотдел армии. Зарегистрировались и узнали, что кроме нас троих прибыл ещё один сотрудник редакции.

Май – июнь

Люди переднего края

Началось томительное ожидание начала работы. Скоро приехал редактор¹ нашей газеты, но не было ни остальных работников, ни машин, и газету делать было нельзя. Мы скуцали от безделья. Редактор заметил это и провёл с нами два или три совещания, где, поминутно откашливаясь, рассказывал о нашем затруднительном положении.

Я ходил «на разведку» в АХО, в АДО (автодорожный отдел), в местную типографию, пытаюсь заранее подготовить всё возможное для успешного начала работы. Но все армейские организации только что создавались, и мне приходилось возвращаться ни с чем. Не теряя времени, я знакомился с местными жителями, изучал их быт, особенности речи, запоминая наиболее примечательные слова.

В деревне, где мы разместились, как и в большинстве деревень этой полосы, было много кирпичных домов с соломенными крышами, с хорошими, большими и глубокими погребами. Около некоторых домов имелись крытые скотные дворы. Камня и кирпича здесь было вдоволь, и потому все постройки и стены были выложены из этого материала.

В хатах же полы преимущественно земляные, потолки обязательно деревянные из некрашенных досок.

Мы жили на самой лучшей в Россошном квартире. Хозяйки – сёстры – любили чистоту. Стены в их хате были чисто выбелены, выбелен был и потолок. Дощатый пол они часто мыли, тем более что мы спали на полу.

Я присматривался, что делают жители... В селе почти не оставалось мужчин. Были только старики, инвалиды да мальчишки. Всё делали женщины.

Медленно поднимались озимые хлеба, а яровых было посеяно мало: не было ни тракторов, ни лошадей – всё съела война.

¹ Это был Николай Пысин. Подробнее о нём см. комментарии.

Некоторые жители копались на своих огородах, надеясь получить с них больше, нежели с полей, по которым не сегодня-завтра могли пойти войска и танки и вытоптать всё. Почти каждый день ходили они в поле и рыли прошлогодний картофель. Его много осталось не выкопанным в бороздах. За зиму он вымерз, превратился в крахмал, пропитался землей. Этот картофель выбирали из земли, промывали водой, сушили и толкли. Получался ржавого цвета крахмал. Из него пекли лепёшки, добавляя немного муки.

Май был холодным. Часто шли дожди, холодно было, как осенью. К 1 мая ещё не появился ни один листок на деревьях, лишь желтели прошлогодние травы. Только с половины месяца деревья покрылись листвой, начала подниматься зелень, и жители в предвидении неурожая сэкономили муку и зерно.

Люди Россошного рассказывали, почему некоторые из них ходили в немецкой одежде и обуви. Оказывается, наши окружили здесь фрицев, и они, удирая, бросили огромный обоз с продуктами и амуницией. Крестьяне быстро «разбомбили» этот обоз: унесли домой мыло, сапожный крем, обмундирование, обувь, рассуждая так:

– Немцы нас разграбили до нитки, так почему нам нельзя возместить потери и убытки?

Россошенцы многое испытали за время оккупации. Особенная кара падала на тех, у кого обнаруживали оружие.

Одна женщина рассказала мне: немцы задержали недалеко от Россошного Ваню Пальцева, местного жителя, шестнадцатилетнего парня. При нём нашли комсомольский билет и револьвер. Немцы решили, что Ваня партизан, привели его в село и повесили на вербе. Он висел несколько дней, потому что труп было запрещено убирать, но кто-то ночью обрезал верёвку и похоронил труп. Я видел дерево, на котором висел Ваня. Обычная верба в ряду других верб, только один толстый сук был оттянут книзу, словно он до сих пор испытывал тяжесть Ваниной души...

Наш редактор снова собрал совещание и объявил, что пора готовить материал.

9 мая двое работников редакции отправились в запасную гвардейскую часть, а я с молодым сотрудником К. – в действующий артиллерийский полк. Адрес нам был дан чрезвычайно неопределённый: 124-й миномётно-артиллерийский полк, район Верховья, примерно в тридцати пяти километрах от Красной Зари.

Нам удалось устроиться на открытой площадке бронепоезда. Ночь была холодная, ветер пронизывал до костей, бронепоезд шёл тихо. Порою небо разрезали лучи прожекторов. Они метались по небу, как чьи-то призывные руки. Из трубы паровоза вылетали огненным шлейфом искры. Мне было весело и интересно – начиналась уже знакомая, тяжёлая, но привычная жизнь, особенно приятная после долгого безделья.

Мой приятель впервые ехал на фронт. Он настороженно наблюдал за ночной жизнью прифронтовья, и я спросил его: «Страшно?» – «Ну, чего же бояться», – пожал плечами, ответил он.

В темноте промелькнули перед нами развалины станции Хомутово, потом мы подъехали к Верховью, сошли с площадки.

– Где здесь можно остановиться? – спросил я человека, стоявшего у пути.

– А идите сюда, – как-то приглушённо сказал он, и мы пошли за ним. Велико было наше удивление, когда он привёл нас в транспортное отделение милиции и сам оказался милиционером.

– Ваши документки? – спросил он.

Мы дали документы, и я заметил:

– Какие строгости!..

– А как же! Ведь вы приехали на фронт!

Мне невольно стало грустно и смешно...

– Фронт? – переспросил я. – Какой же это фронт? Фронт за двадцать километров.

Милиционер заявил обиженно, что здесь не зал ожидания и мы можем идти на вокзал. Вошёл какой-то военный и тоже за-

метил, что здесь «служебное помещение». Но в углу топилась печь, а мы промёрзли. Я сел у печки, скрутил папиросу и сказал:

– А вот согреемся, покурим, тогда и уйдём!..

Охранники обескураженно замолчали. Потом пришло ещё несколько работников железнодорожной охраны и, изредка поглядывая на нас, повели разговор об утреннем налёте немецких самолётов на Верховье.

Мы обогрелись и пошли искать вокзал. Огромное здание вокзала оказалось разрушенным. Уцелела только западная часть, где находился «зал ожидания» – большая комната, но уже без оконных рам и дверей. На полу стояла вода, было холодно и сыро. При свете спичек мы улеглись на скамейках.

Такая обстановка для меня не была новой, видел и похуже, и я заснул. Но спать пришлось мало, чёртова сырость разгоняла сон. С восходом солнца мы решили идти в какую-либо хату отдохнуть в тепле, потом начать поиски полка.

Раньше это была большая узловая станция. Теперь всюду тянулись длинные ряды развалин. Стояли под крышей только стены паровозного депо, там продолжалась работа.

Дома, прилегающие к вокзалу, были сожжены или брошены хозяевами. Мы направились в рабочий посёлок неподалёку от депо. Зашли в один домик. Было пять часов утра, и хозяева уже проснулись. Легли спать на полу на какой-то подстилке или коврике.

Проснулся я от надоедливой звука, похожего на стук падающего на железную крышу дождя. Это где-то рядом бил пулемёт. Я огляделся, – хозяев в комнате не было.

До меня донёсся гул германского аэроплана, и вновь застрочил наш пулемёт. «Что делать?» – спрашивал неподвижными глазами мой приятель, и я, словно желая подбодрить его шуткой, сказал:

– Ну, брат, прощайся с жизнью!..

Я не успел ещё досказать фразы, как в воздухе послышался заунывный вой. Это падала огромная воющая бомба. Я невольно ощутил под сердцем неприятный холодок. А про-

клятая бомба выла всё сильнее и сильнее. Потом грохнул разрыв. Весь домик вздрогнул, и с потолка упали на нас крупные куски штукатурки. Тотчас же снова послышался нарастающий вой. На этот раз бомба разорвалась ещё ближе, и мой приятель почему-то шёпотом сказал мне:

– Они уже давно бомбят...

Гул самолёта затих. Я решил выйти на улицу, посмотреть, что делается, но выходная дверь оказалась закрытой снаружи. Я огляделся и увидел вторую, запасную. Толкнул её, она открылась, но что-то с грохотом покатилося по ступенькам. Я был весьма сконфужен: оказалось, что я опрокинул кувшин с молоком, поставленный у двери на крыльце...

Против домика стоял «максим», задрав вверх дуло. Пулемётчики хлопотливо закладывали ленту в приёмник. Снова послышался гул самолёта. На высоте приблизительно восьмисот метров, ныряя в облаках, шёл Ю-88, видимо, успевший сбросить весь смертоносный груз. Он прошёл над станцией и скрылся за горизонтом.

Скоро вернулись хозяева. С сокрушённым видом я признался, что опрокинул кувшин, но хозяйка махнула рукой:

– Чёрт с ним, тут вся жизнь опрокинулась.

Хозяйка рассказала, что, когда началась тревога, она попыталась разбудить меня; трясла за плечи, дёргала за ногу, но я не просыпался, и тогда, заслышав рёв пикирующего «юнкерса», она бросилась из комнаты. Началась бомбёжка. Самолёт сбросил четыре или пять бомб, а потом со второго захода ещё две. Вот взрывы этих-то двух последних бомб и разбудили меня. А до этого, как говорится, «хоть из пушек пали». Ну и сон стал крепок! Значит, привык я к этой «музыке», а вот стоит услышать мне радио или стук пишущей машинки, и я моментально просыпаюсь.

Мы позавтракали захваченными с собой продуктами и отправились разыскивать миномётно-артиллерийский полк. Встретившиеся нам бойцы посоветовали идти в село Круглое¹.

¹ Деревня в Верховском районе.

– Кажется, туда прошли артиллеристы, – неопределённо сообщили они.

Что ж, пошли в Круглое. Но оно оказалось не «круглым», а «длинным», вытянувшимся километров на пять. Однако и здесь не было такого полка и, выходит, мы зря отмахали километров пятнадцать.

Но здесь, в сплошь выжженном селе, находился политотдел одной дивизии, и начальник политотдела, проверив наши документы, пояснил, что никакого 124-го миномётно-артиллерийского полка в природе не существует, а есть под таким же номером гаубичный артиллерийский полк резерва главного командования, или сокращённо: 124 ГАП РГК. Чтобы попасть в него, нам нужно было идти назад, на станцию Турово. Так мы и сделали. Пришлось ещё вымерять километров десять, пока нашли штаб полка.

Солнце уже было на закате, большое, красивое. Нежно-зелёная, ещё не тронутая загаром листва деревьев и пахучие майские травы. Маленький пруд с замёрзшей водой и отраженными в ней вербами. Трогательно-наивный перепел, зовущий «Пить пойдём», и пронзительный квак лягушек. Всё это дышало миром, было напоено сумеречной прелестью и торжественностью. И здесь же – развалины большого села, поднятые ввысь остовы станционных построек, дотла сожжённый вокзал и чудом уцелевший заборчик с двумя надписями: «Для мужчин» и «Для женщин». За заборчиком осталось лишь цементированное сиденье с двумя рядами очков, разделенное невысокой бетонной стенкой. Но я видел, как один красноармеец, прочитав надписи на заборчике, подошёл к очкам с той стороны, где была надпись «Для мужчин»... Сказывалась сила привычки! И неважно, что он отправлял свои естественные надобности почти на виду, важно, что он и здесь, на войне, подчинялся заведенному ещё в мирное время порядку...

Приближался вечер. Ни немцы, ни наши уже не стреляли. Казалось, что нет ни войны, ни её ужасов. Вот, немного усталый, пришёл я домой, как когда-то подростком ходил из Черемисино-

ва¹ в Азовку... Сейчас меня встретят наши, и я отдохну. Но здесь, в этом обуглившемся селе, никто меня не встречал, как и в десятках подобных сёл, по которым меня заставила пройти война.

Жителей в селе осталось мало. Многие из них эвакуировались. Оставшиеся жили на погребницах или наспех прикрыли гнилой соломой уцелевшие стены хат и сараев и имели подобие жилья. Над селом то там, то здесь поднимались к тёмно-синему небу пахучие струйки белесого дыма. Казалось – крестьяне, вернувшись с поля, готовят ужин... Нет, это всё-таки были военные костры: одни из них горели как опознавательные знаки для наших самолётов, которые должны были ночью бомбить гитлеровцев, над другими наши бойцы грели чай или жиденький гороховый суп.

Вот послышался грохот тракторов, и вновь могло показаться, что это трактористы возвращаются с пахоты, но за тракторами тянулись не плуги, а 122-миллиметровые гаубицы...

Мы разыскали в одном из уцелевших домиков штаб полка. Ответственный дежурный проверил наши документы и просил нас немного обождать, пока придёт военком полка. Мы сидели недалеко от тихого и мирного пруда, и я даже забыл, что в пяти километрах проходит фронт, в окопах сидят красноармейцы и немецкие солдаты, внимательно следят друг за другом, готовые стрелять один в другого. Ещё яростнее вели свою песню лягушки...

И вдруг разом заговорил фронт. Захлёбываясь, затрещали пулемёты, гулко бахали винтовочные выстрелы, к небу, как голубые звёзды, поднялись ракеты, помигали, помигали и, падая, погасли. Мира, тишины уже не было. Была война!..

В тёмном небе прошли самолёты – то ли наши, то ли германские. Их гул заглушил на время лягушачий концерт и крик перепела. А потом вновь наступила обманчивая тишина прифронтовья.

...Спал я в ту ночь по обычаю крепко, подставив под бока три табурета различной высоты и оставив между ними интер-

¹ Посёлок в Курской области, где в 1920-е годы жил автор.

валы, чтобы не было коротко. В изголовье я положил пачку старых газет и какую-то книгу. А шинель, как всегда у солдата, была и матрацем, и простынёй, и наволочкой, и одеялом.

Утром мы отправились на батареи. На холме в небольшом вишнёвом саду раскинулась вторая батарея. Замаскирована она была так тщательно, что мы заметили гаубицы только тогда, когда попали непосредственно на огневую. Гаубицы стояли в глубоких укрытиях, около них суетились орудийные расчёты, шла обычная, даже для прифронтовья, учёба. Обучали новых наводчиков и заряжающих, осуществляя принцип взаимозаменяемости. Орудийные расчёты действовали быстро и чётко. Люди хорошо владели техникой, верили в её мощь и любили её.

Неожиданно пошёл дождь, а затем мелкий снег (снег 10 мая!), и мы видели, как бойцы заботливо кутали орудия.

Я начал говорить с батарейцами. Большинство из них – народ бывалый. Они прошли немалый путь, прежде чем закопаться в землю здесь, в Турове. Жили они в блиндажах, нередко посылали немцам свои стальные «завтраки», «обеда» и «ужины». Но среди них были и необстрелянные.

На первой батарее мы, например, встретили одного артиллериста, который должен был в этот день впервые выполнять функции наводчика. Он был заряжающим, но быстро и точно изучил сложное искусство наводки. Я спросил этого уже не молодого недавнего колхозника:

– Ну, как будете сегодня стрелять?

Спокойно, без тени хвастовства, он ответил:

– Будьте уверены, отстреляюсь не меньше чем на хорошо.

Скоро он начал стрельбу. С наблюдательного пункта, откуда-то километра за четыре, передавали ориентиры и команды. Певуче повторял команду телефонист, за ним громко и протяжно старший на батарее, а за тем – командир орудия. Наводчик молниеносно устанавливал прицел. Заряжающий вталкивал в орудие тяжёлый снаряд, замковый запирает замок, все отбежали в сторону. Грохала гаубица, из её ствола

вырывался огненный букет, и, воя злобным воем, рассекая воздух, снаряд уносился вдаль. Но вот проходили секунды, и со стороны переднего края доносился приглушенный расстоянием разрыв. Потом снова пел команды телефонист, их повторяли командиры, и грохала гаубица...

Новый наводчик сделал пятнадцать выстрелов. Я спросил его:

– Ну, как? Уверены, что стреляли хорошо?

– Обязательно! Это штука нехитрая!

Нехитрая штука – 122-миллиметровая гаубица! Этот маленький завод, на изобретение которого понадобились столетия, нашему колхознику уже казался «нехитрой штукой»...

Несколько позже, в штабе, я узнал результаты стрельбы. Новый наводчик разбил два германских блиндажа и уничтожил около взвода германских солдат беглым огнём. Воображаю, что там у них творилось!..

За три дня я побывал на четырёх батареях, создал всюду корреспондентские пункты, собрал для газеты материал. Эта работа меня увлекла. Я был с людьми, которые воевали. Здесь всё было просто, бесхитростно, всё мелочное отброшено.

Люди знали, что они «ходят по краю смерти», знали, зачем прибыли сюда, и жили дружно.

Среди них я встретил изумительно влюбленных в своё дело. Особенно запомнился воентехник 2-го ранга Шевцов. За два месяца, проведённых на фронте, он сумел собрать из найденных им деталей восемь тракторов. Бродил по полям, разыскивая подбитые, обгоревшие тракторы, развинчивал их, переносил на себе многопудовые грузы, кропотливо работал. Теперь эти тракторы возят восемь тяжёлых гаубиц. Он нашёл кузов автобуса. «Уздечка» была, оставалось к ней подобрать «лошадь», и он подобрал. Разыскал автомобильную раму, переклепал её, подогнал под кузов, установил мотор, собранный из разрозненных частей. Сам варил, ковал, паял, и теперь у них в полку есть свой штабной автобус, действующий безотказно.

Или вот ещё тракторист Туровский.

Однажды, когда артиллеристы решили создать кочующую огневую точку, он придумал деревянную грушу с дырой посредине и вбил её в выхлопную трубу. Трактор работал настолько тихо, что гаубицу удалось подтянуть очень близко к немецким укреплениям. Артиллеристы произвели несколько выстрелов и быстро скрылись, а утром узнали, что они разбили сильно укреплённый вражеский дзот.

Я видел у артиллеристов баню. На косогоре, в отрытом ими блиндаже, они установили два котла: в одном была холодная вода, в другом – горячая. Почти круглые сутки в бане мылись красноармейцы. Приходили помыться люди и из других частей и завидовали артиллеристам, а те, смеясь, советовали:

– Возьмите лопаты, отройте себе такую же баню, вот и будете ходить чистыми.

Люди были изобретательны. Они умели работать и работали хорошо.

Вечером я наблюдал замечательную картину: над фронтом полетело три наших самолёта. Вскоре из большой тучи, ярко вырисовывавшейся на узкой полоске догоревшего заката, выкатилась яркая светящаяся точка. Она росла и медленно плыла к земле. Это была осветительная ракета, спущенная нашим самолетом на парашюте, чтобы осветить цель. Снизу, навстречу ракете, протянулись светящиеся пунктирные линии. Из доброго десятка пулемётов немцы били по ракете трассирующими пулями, чтобы только погасить её. Но из тучи вдруг потянулись к земле такие же пунктирно-огненные нити, а внизу вспыхнуло зарево. Наш самолет обстреливал немцев тоже трассирующими пулями и бомбил их позиции.

Всё это я наблюдал с высокой железнодорожной насыпи. Потом всё вдруг сразу потускнело. Бомбежка кончилась. Снова, теперь уже обратным курсом, прошли над нами наши самолёты. Настала прифронтовая тишина.

... За трое суток я как-то вошёл в быт артиллеристов, сроднился с ними, и уходить мне от них никак не хотелось...

А 15 мая мы переехали в село Соловьёвку¹, ближе к фронту. В те дни мы ждали приказа о наступлении, и вторые эшелоны подтягивались к передовой.

Жили мы в большом сарае над рекой. Река была неширокая, но с омутами, поросшая вербами.

В первое же утро после прибытия в Соловьёвку мы пошли к реке умываться. Мне в голову пришла мысль: постирать белье. И потому, расположившись на прибрежных камнях, принялся за дело. День был солнечный, тёплый, всё быстро сохло на легком ветерке. Глядя на меня, к реке потянулись и другие мои товарищи. Так всеобщей стиркой мы ознаменовали наше прибытие в новый пункт.

Местность вокруг была по-русски красивая. Невысокие холмы с обнажёнными и размытыми водою склонами, извилистая река² с берегами, опушенными вербой, глубокие овраги с бьющими в них ключами чистой и вкусной воды. И заросли жасмина и черёмухи. Целые рощи этих простых душистых цветов.

По вечерам в небе полыхали закаты, раскатисто пели в кустах фетовские и тютчевские соловьи. Падали холодные росы на сочную луговую траву. Тихо плыла река, и в ней отражались берега и хаты...

Соловьёвку немцы не тронули, они прошли через неё, поспешно отступая. Так и стояла она в своём первоизданном виде – типичная русская весь.

Эх, жить бы здесь да любоваться закатами! Но сюда чаще, чем в Россошное, доносились глухие удары пушек. По утрам высоко летели, тоскливо ноя, германские самолёты. Была война!

Наслаждаться трелями соловьёв и прелестями природы долго мне не пришлось.

22 мая я выехал в гвардейскую дивизию. Вместе со мной отправился Г., который числился при нашей редакции как писатель. Сказать откровенно, до встречи с Г. я вообще не слышал в литературе такой фамилии, теперь довелось услышать,

¹ Деревня в Краснозоренском районе.

² Видимо, река Малая Чернава.

но чем он знаменит, я не знал и до сих пор не знаю. Держится он высокомерно, считает ценным только свое мнение, не терпит критики, любит спорить...

Вот с этим-то Г. я и поехал на передовую. Мы добрались до села Васильевки³, где размещалась редакция дивизионной газеты, переночевали там и во второй половине следующего дня прибыли в штаб дивизии, к селу Мокренькое⁴. Село, как и большинство сёл этой полосы, было начисто выжжено. Штаб дивизии и политотдел помещались неподалёку от села, в овраге...

Мы разыскали начальника политотдела, отрекомендовались ему. Спутник мой, который говорил, что он пойдёт на передовую, когда ехал со мной, здесь неожиданно заявил, что останется на сутки при штабе, так как ему якобы нужно по поручению редактора заказать ряд статей командованию дивизии. Я знал, что таких поручений редактор ему не давал, и с презрением подумал об этом «писателе»: трус.

Я заявил, что немедленно отправляюсь в действующий гвардейский полк. Мне только указали направление, которого я должен был держаться. И я пошёл один по незнакомой местности. Г. пожал мне руку на прощание и заискивающе сказал:

– Берегите себя. Ведь вы уже побывали в таких местах, что здесь вам нет нужды рисковать.

Но я продолжал думать о нем – трус! Уходя, я оглянулся. Г. стоял под деревом и смотрел мне вслед. Я немного замедлил шаг. Я думал в эту минуту: если он остановит меня и скажет: «Я иду с вами», – я буду уважать его, я стану его другом!.. Но он не окликнул меня больше, возможно, догадываясь, чего я жду, и я пошёл, не оборачиваясь, быстрее и быстрее. С той поры, признавая его ум и газетную опытность, я как человека уважать и ценить его уже не могу. Ничто не может теперь поднять его в моих глазах. Только одно слово осталось у меня для него, самое страшное слово: трус!

³ Возможно, речь идёт о посёлке Васильевском Верховского района.

⁴ Ныне посёлок Мокренький Верховского района.

Мне невольно вспомнилось, что такую же характеристику дал ему и начальник штаба одного из полков. Это страшное слово в устах бывалого фронтовика звучало, как пощёчина.

Я шёл по дну неглубокого оврага. Слева на горе виднелось наполовину сожжённое большое село Елагино¹. Я вышел к развалинам какого-то хутора на правом берегу реки Труды. Немного отдохнул и, перейдя на левый берег, пошёл по свеженаезженной дороге.

Вдруг сзади что-то грохнуло, и снаряд, стена и воя, пролетел над моей головой. Была наша батарея, установленная на бугре. Выпустила несколько снарядов и умолкала. Я шёл спокойно, зная, что раз здесь стоят дальнобойные орудия, значит, до передовой ещё далеко.

Неожиданно неподалёку с треском разорвался снаряд, затем другой. Очевидно, немцы сумели засечь расположение нашей батареи и вели по ней огонь. Ещё несколько снарядов разорвалось поблизости от батареи, но вреда ей не причинили. А батарея, хитря с врагом, молчала, создавая видимость, что она уже либо разбита, либо сменила позицию...

С высокого крутого берега мне хорошо была видна долина извилистой неширокой реки. Кое-где на огородах копались женщины. Фронт был недалеко, но они всё же сажали капусту, картофель, стремясь использовать каждый клочок земли.

Подходя к селу Трудки², я обернулся и увидел, что позади медленно идёт красноармеец. Я подождал его и попросил довести меня до штаба полка. Он шёл из госпиталя. Беднягу трепала малярия. Даже на щеках у него выступила лихорадочная сыпь. Но он шёл на передовую, шёл, чтобы снова засесть в окопе, пусть в сырой и холодной земле, но ловить каждый шорох, каждый звук из стана врага и – сражаться. Он знал: нужно уничтожить фашистов, чтобы снова был мир. Он жил этой надеждой, как миллионы наших бойцов, таких же, как и он, терпеливых и стойких.

¹ Деревня Верховского района.

² Деревня в Покровском районе.

В штабе полка я встретился с военкомом – молодым парнем, вероятно, в прошлом рабочим. В его речи ещё сохранились остатки производственной терминологии. Военком расспросил меня, куда я хочу пойти, и обрадовался, узнав, что я иду на передовую.

– У нас тут уже бывали из газет, но никто дальше штаба полка не ходил. Вы будете первым, побывавшим среди наших бойцов на передовой.

Наступили сумерки, и военкому подали ужин. Он радушно разделил его со мною: жиденький суп из пшённой крупы и кружку яблочного компота.

Я решил идти к бронейщикам, в роту ПТР. Военком дал мне провожатого, и мы пошли. Днём здесь передвигаться было небезопасно: немцы занимали высоты, хорошо пристреляли все наши тропинки, и как только замечали, что кто-либо направляется к передовой, начинали бить из пулемётов и винтовок. Ночью идти было легко, немцы стреляли редко. Провожатый привел меня к политруку роты ПТР Губареву. Мы разговорились.

Губарев был уральским рабочим, попал на фронт политбойцом. Красноармейцы полюбили его за справедливость, честность, весёлый нрав. Вскоре Губарева выдвинули на политическую работу. Он хорошо разбирался в людях, быстро улавливал достоинства и недостатки каждого, умел воздействовать на бойцов личным примером.

Из разговора с ним я узнал, что состав роты хотя и молодой, но хорошо обученный. Большинство бронейщиков ещё не было в боях и лишь мечтало о том, чтобы поскорее встретиться с вражескими танками. Был в роте сержант Зайцев, который из ПТР дегтярёвского типа ловко подбивал германские танки, да ещё боец Каструба, который из такого же ружья уничтожил германский станковый пулемёт. Утром я поговорил с этими людьми и коротко записал их беседы-рассказы. Вот что говорилось теперь в заметке одного из героев:

«Как мы подбили три машины»

Наше пехотное подразделение передвигалось с одного рубежа на другой. Внезапно появились три вражеских средних танка и открыли сильный пулемётный и орудийный огонь.

Расчёт противотанкового ружья, в который входил и я, устремился на помощь пехоте. Немецким снайпером был ранен первый номер расчёта; тогда я принял на себя его обязанности.

Заметив, что фашистские танки хотят врезаться во фланг наших пехотинцев, я, маскируясь в складках местности, выдвинулся навстречу вражеским машинам.

Танки мчались к бугорку, за которым укрылся расчёт ПТР. Вслед за танками шло около четырёхсот гитлеровских автоматчиков.

Чтобы увеличить вероятность попадания, я подпустил головной танк на сто метров и начал стрелять по самому уязвимому месту – моторной группе. Фашистский танк сгорел с такой быстротой, что его экипаж не успел даже выпрыгнуть из люков.

Я начал стрелять по башне и моторной группе второго танка. Через несколько секунд и он запылал.

Третий танк повернул назад, но был атакован подоспевшими к месту боя нашими танками. Фашистские автоматчики, лишившись своей брони, опрометью побежали назад, бросая вооружение.

Гвардии сержант Н. Зайцев».

Заметки бронейщиков были напечатаны в первом номере нашей газеты, вышедшей 1 июня 1942 года.

Но вернусь к вечеру 23 мая, когда я впервые попал в роту ПТР.

Рота жила на огневом рубеже, в окопах. Взводы были расположены веером, ружейные расчёты отрыли для стрельбы ячейки и установили в них ружья. Рядом с ружьями лежали противотанковые гранаты и патроны. День и ночь велось на-

блюдение за противником, чтобы в любой момент отразить возможную танковую атаку.

Ведь под Харьковом уже начались бои. 17 мая немцы внезапно заняли Барвенково. Где-то там, в составе 9-й армии, находился полюбившийся мне П. И. Сологуб, под началом которого мне посчастливилось несколько месяцев работать в военной газете.

Здесь же, на участке 25-го полка, пока всё было тихо, но чем чёрт не шутит?..

Ночью Губарев пошёл проверять посты и боевые охранения. Я был с ним. Медленно шли мы от взвода к взводу... В темноте едва угадывались фигуры часовых. Они тихо окликали нас: «Стой! Пропуск!» Мы называли себя, сообщали пропуск, потом подходили к окопам. Губарев разговаривал с каждым часовым, проверял, как он знает свои обязанности, здесь же исправлял замеченные ошибки. Так мы обошли весь оборонительный рубеж и вернулись к: блиндажу, где жил Губарев.

Присели на бруствере. До рассвета оставалось недолго, и в роте никто уже не спал. Бронебойщики рыли ходы сообщения и маскировали их, чтобы утром немцы не заметили новых сооружений. А политработники и командиры вообще несли бессменную вахту, им разрешалось спать только в утренние и дневные часы.

В воздухе всё время хлопотливо тархтели наши самолёты, официально называемые «ночными бомбардировщиками». Тот, кто не знает их секрета, никогда не предположит, что эти «ночные бомбардировщики» – самые настоящие У-2, те самые, что до войны мирно возили почту, низко летая над городами и сёлами. На них обучалась лётному делу молодёжь в аэроклубах. На них вылетали в отдалённые сёла врачи к тяжелобольным.

Теперь У-2 возили по паре бомб. Каждый самолёт вылетал несколько раз за ночь. Перелетев линию фронта, лётчик выключал мотор, и самолёт бесшумно шёл над германскими укреплениями. Выбрасывал осветительную ракету с парашютом, и она медленно падала, освещая под собою землю. Лёт-

чик отыскивал наиболее удачную цель и аккуратно накрывал её парочку бомб. Если этого было мало, стрелок, сидевший позади лётчика, строчил из пулемёта, а порою пускал в ход и противотанковые гранаты. Затем пилот давал самый полный газ, мотор вновь начинал работать и самолёт шёл за новой порцией бомб, гранат и пулеметных лент. Посадочные площадки были здесь же, неподалёку, и самолёты успевали за ночь отбомбить гитлеровцев раз семь-восемь. Вот за это-то я и называл их «хлопотунами» взамен обидного «кукурузника». Днём эти самолёты, чтобы не быть замеченными боевыми машинами немцев, летали низко, метрах в двадцати над землёй.

На таких самолётах работают подлинные герои. Возьмём боевой да ещё скоростной бомбардировщик. Что там имеет пилот в своём распоряжении? Точные аэронавигационные приборы, огромную скорость, надёжную броню, хорошее вооружение. А здесь – никаких приборов, кроме компаса, брони нет никакой, весь самолёт построен на деревянной раме, обтянутой авиационным полотном, вооружён лишь одним пулемётом, а скорость его с выключенным мотором километров пятьдесят – шестьдесят в час. Его можно подбить даже из пистолета. Нужно быть человеком великой смелости, чтобы летать на «хлопотуне».

Нам с Губаревым легко было наблюдать работу У-2: ведь от нас до немецких проволочных заграждений было около километра, и разрывы авиабомб происходили буквально перед нашими глазами...

Наступило утро. На востоке показалось солнце, и мы пошли спать в блиндаж. В нём было тесно и сыро. Солома впитала в себя много влаги, но мы завернулись в шинели, укрылись плащ-палаткой и заснули, не чувствуя ни холода, ни сырости. Проснулись часов в девять, когда уже начало пригревать солнышко...

Днём я переходил из взвода во взвод, беседовал с бойцами, помогал им писать заметки в газету, организовывал корреспондентские пункты.

Мне довелось присутствовать на митинге, где обсуждалось только что полученное обращение Военного Совета фронта об усилении обороны, о строительстве непреодолимой для врага оборонительной линии. Выступало много бойцов, они клятвенно заявляли, что германские танки здесь не пройдут. В беседе со мной бойцы спрашивали:

– Когда же наступление? Надоело ждать. Скорей бы!

У всех было одно желание – вперёд, на запад! Люди верили в победу, в свои силы, и хотели идти вперед. Но ещё не настало время...

Часов в шесть вечера я вернулся в штаб полка.

Военком подробно расспрашивал меня о моих впечатлениях, и я понял, какое большое значение придавал он моим оценкам. Понял я и другое – как много нужно знать фронтовому журналисту. Нужно знать и ПТР, и артиллерию, и стрелковое дело, и пулемёты, и миномёты, и танки, и авиацию. Нужно быть универсально образованным в военном отношении человеком, чтобы работать на передовой, где каждое твоё слово воспринимается как совет, а порою и как приказ...

Мне дали сопровождающего, и я пошёл с ним к автоматчикам. Уже стояли сумерки, и мы спокойно шли вдоль реки Туровец, пробиваясь сквозь густые заросли лозняка, переползая по бревнам, перекинутым через многочисленные рукава реки. Сейчас идти здесь было сравнительно безопасно, а днём вся местность простреливалась вражескими пулями.

Мы подошли к полуразрушенной хате, где располагался командный пункт роты автоматчиков. В хате было темно – нельзя зажигать свет, увидят немцы. Политрук роты спросил у меня пропуск и предложил поужинать.

Потом мы пошли с ним проверять посты боевого охранения и секреты. Мы шли молча, стараясь не зацепить каблуком ни один камень, чтобы не выдать себя звуком. Начинались наши проволочные заграждения. Около самой проволоки автоматчики отрывали блиндажи. Они торопились закончить работу до утра, чтобы немцы ничего не заметили. Мы вышли за

проволоку. Здесь уже не было наших бойцов. Где-то недалеко в кустах сидели немецкие автоматчики. Мы продвинулись бесшумно вперёд, напряжённо прислушиваясь. Стояла тишина. Даже лягушки молчали.

Вдруг раздался легкий удар лопаты о камень, и кто-то выругался по-немецки. Всё было понятно. Немцы тоже рыли блиндажи. Два автоматчика, сопровождавшие нас, знаками просили у политрука разрешения «пугануть» немцев. Но этого нельзя было делать. Ведь поблизости находились вражеские секреты и боевое охранение, которые в случае чего попытались бы отрезать нас от своих. Было обидно, но мы отошли без выстрела. Через несколько минут я уже спал, вытянувшись на узкой лавке.

Рано утром начиналась жизнь ротного КП, Впрочем, сказать, что «начиналась», было бы не совсем точно: она не прекращалась, конечно, и ночью, но текла гораздо медленнее. Теперь же всё пришло в движение. Пришли из окопов автоматчики за письмами и бумагой для курева. Пришли из штаба батальона посыльные, принесли новые приказания, получили донесение о том, что ночью никаких происшествий не произошло... С кухни принесли завтрак – суп из перловки и хлеб. Командиры приготовили в порядке самодеятельности чай: вскипятили в котелке речную воду, заправили её заваркой и пили, закусывая хлебом.

Часов в восемь я и политрук пошли в окопы. Прошли по ложине – здесь было безопасно, стали подниматься на бугор – здесь уже нас хорошо видели немцы, но почему-то не стреляли. Мы перебежали через открытую площадку до хода сообщения, но ход был отрыт мелко, по пояс, и нам пришлось бежать пригибаясь. Скоро устали и ноги и спина, но уже можно было выпрямиться. Мы находились в окопе, отрытом в рост человека.

Я начал всматриваться в ту сторону, где были немцы. Они расположились по обе стороны реки в полусожжённых хатах, – дальше виднелись уцелевшие хаты: фашисты уничтожали сёла и хутора, обычно отступая.

Впереди ярко зеленела озимая рожь. Всё освещалось солнцем до резкости. Но не было видно ни одного человека. Казалось, что передо мною расстилается мертвый край. Забывалась опасность, хотелось невольно высунуться из окопа, но – нельзя. Десятки гитлеровцев следили за нашими окопами, и стоило кому-либо забытья и высунуться – десятки пуль, хлюпая, впивались в бруствер.

В ячейках для стрелков стояли наши наблюдатели и так же «ловили» фашистов на мушку.

Наблюдатели несли вахту, а остальные бойцы спали. Всю ночь они рыли ходы сообщения, маскировали их. Теперь был час отдыха.

Я разговорился с автоматчиками. Они начали рассказывать о своей учёбе, об окопных буднях. А политрук встал у бруствера с карабином в руках. Вот он выстрелил раз, другой... Потом ещё и ещё. Оказывается, заметил троих гитлеровцев километрах в полутора и начал обстреливать их. Стоящий рядом боец после утверждал, что один вражеский солдат упал и не поднялся. Но политрук не был уверен и не хотел приписывать себе лишнего.

У автоматчиков я взял три заметки и снова, пригибаясь, и лавируя в узком ходе сообщения, отправился с политруком «домой» – на командный пункт роты.

Уже после оглянулся на пройденный путь и подумал: три заметки, написанные бойцами на передовой! Для меня эти три листка бумаги с отпечатками масляных, грязных пальцев были очень дороги. Я знал, как будут читаться эти заметки в окопах, когда туда попадёт газета, сколько, разговоров вызовут они. Боец, написавший заметку, вырежет её и будет носить в кармане вместе с документами, а может быть, отошлёт родным, чтобы они сберегли её...

На обратном пути я случайно заметил у развалин хаты миномёт. Свернул туда. Оказалось, что я попал на огневую позицию отдельного гвардейского миномётного дивизиона. Комиссар батареи напоил меня чаем. Я познакомился

с командиром дивизиона, поговорил с миномётчиками, взял и здесь материал. Теперь можно было возвращаться в редакцию. В моем кармане лежало штук 20 записок на разнообразные темы. Это было неплохо, если учесть, что я работал только два дня.

Уже ночью, часов в 11, я добрался до Васильевки. Переночевал здесь. Расспросил, как пройти к Верховью, думая уехать оттуда на попутном автомобиле или на поезде. Оказалось, идти недалеко – километров семь. Пошёл.

Хорошая это была дорога. Только что прошёл небольшой дождик. Не было пыли. Пахло луговыми цветами, а их здесь – масса. Особенно много белого клевера с его медовым запахом.

Высоко в небе играла радуга. В ближнем вербняке громко и долго куковала кукушка. Мне хотелось крикнуть, как в детстве: – Кукушка, кукушка, сколько лет мне жить?..

Я вышел на большак и двинулся к Верховью. Прошёл через два полуразрушенных села, посидел, покурил, пошёл дальше... Ох, как же хорошо было вокруг, как мирно!..

Неожиданно из низко шедшего облака вывалился «Юнкерс-88». Грозно гудя моторами, распластав широкие крылья, он шёл на Верховье, а до Верховья от меня оставалось с километр. Вероятно, «юнкерс» собирался бомбить, но вслед за ним из облака выскочил Як и начал быстро настигать врага.

Наши зенитчики дали три выстрела по «юнкерсу». Я ещё ни разу не видел такой замечательной стрельбы зенитчиков – все снаряды разорвались под крыльями вражеского самолета. Но наш Як подошёл слишком близко и повёл огонь по немцу, а зенитчикам пришлось замолчать, чтобы не подбить свой самолет. «Юнкерс» захрюкал, как взбешенная огромная свинья. Он отстреливался из пулемётов, и наш Як отвернул влево, заложив почти отвесное пике. А «юнкерс» повернул на запад...

Мне повезло. Я случайно нашёл автомашину, отправлявшуюся до Красной Зари, и уселся в кузов. Но неподалёку от Соловьёвки мы увязли в грязи. Машина буксовала. Все мы, сколько нас было, вылезли из машины и начали вытаскивать её, сами

увязая по колёно. От задних колёс летела грязь, летела она и от передних. Мы скользили, когда машина рывком подавалась вперёд. Мы падали, поднимались и кое-как вытащили свой рыдван на твёрдый грунт, выпачкавшись в грязи от пяток до макушки.

Чёртовы эти дороги! Только проложат дорогу, выставят вежи, укатают её, как ком, срежут все неровности грейдером, и кажется, что такая дорога прямо в рай тебя приведёт. Но стоит упасть дождю, вся отшлифованная до блеска в сухую погоду дорога превращается в гигантский клейкий мухомор, а автомашины на ней – в мух...

Часов в двенадцать ночи я добрался до Россошного и зашагал по очень выбитому знакомому «шоссе».

Кончилось 26 мая, думал я, вероятно, наши перебазируются, и мне придётся искать их. Но дошёл до знакомой, занятой нашей редакцией хаты, и облегчённо вздохнул: все были в сборе, ещё никуда не переезжали.

...После возвращения с передовой начал обрабатывать материал и понемногу сдавать его начальнику отдела. Поездкой своей я был доволен: привёз две хорошие подборки об автоматчиках и бронбойщиках и неплохую хронику. Поэтому был вправе рассчитывать на передышку. Но отдыхать пришлось недолго.

Типографские машины ещё не поступили, и редактор, общая об этом на совещаниях, нервничал и требовал, чтобы мы не уповали на это и работали хорошо.

Газету возили печатать в Елец, и мне нередко приходилось выполнять обязанности курьера.

И всё же в те дни я имел немало свободного времени.

Написал письма домой и знакомым ребятам, работал над рассказами «Машенька» и «Синий платочек», но не успел закончить их. Привёл в порядок и вот эти свои записи. Конечно, всего сюда не запишешь – события движутся быстрее, нежели ржавое перо по бумаге, и заметки о многом пришлось опустить.

Приехала из Москвы к нам машинистка-стенографистка – довольно говорливая особа и не в меру любопытная. Её уса-

дили работать в нашей хате, и она стучала целыми днями. Я не выдержал. Отрыв себе в кустах на огороде небольшой окопчик, обложил его дёрном и скрывался там от надоедливых посетителей, работая над рассказами и газетными заметками. Мне было очень хорошо. Меня даже сфотографировал там Ильин (наш фотограф) когда я, не видя его, читал написанное и улыбался.

Редактор неоднократно говорил мне, что он наметил меня послать на командный пункт армии постоянным представителем газеты. Обязанности эти несложные, я их знал хорошо: ежедневно просматривать политдонесения и оперативные сводки, немедленно сообщать в газету обо всём интересном, связываться по телефону с дивизиями, брать информацию у них...

Но мне хотелось работать непосредственно на передовой. Я пытался всячески отделаться от нового назначения, и мне удалось выпросить ещё одну поездку в район переднего края.

Двенадцатого июня я выехал из Россошного вместе с А-чевым, уговорив его совершить эту поездку со мной. Ехал А-чев на передовую впервые и готовился так, как готовились, вероятно, лабазники к свадьбе: упаковал свой мешок, пересчитал всё, что уложено в него. Затем начал собирать другой мешок, уложил в него пачки три табаку, продукты, бумагу. Эта процедура заняла у него часов пять. Но ничего – я терпеливо ждал, заранее посмеиваясь и представляя, как-то он будет поворачиваться с этими вещами в окопах.

Наконец мы выехали в «пассажирском» поезде. Он ходил по расписанию между Ельцом и Верховьем ежедневно и сравнительно мало опаздывал. «Пассажирский» поезд состоял из десятка товарных вагонов. Ездили в них преимущественно военные да иногда мирные граждане. Билетов, конечно, никто не брал, да у военных их и не спрашивали: все знали, что если уж кто ехал, то по делам фронта, а не на прогулку.

Я заметил, что А-чев чувствовал себя растерянно, тайком копировал все мои действия. Но в то же время делал вид былого и независимого человека.

Как только тронулся поезд, я лёг на свободные нары и попытался заснуть. А-чев тотчас же улёгся рядом и сказал:

– Это вы делаете правильно. Может быть, нам ночь не придётся спать...

Конечно, и без этих слов было все ясно. Опыт фронтовой и прифронтовой жизни показывал, что лучше поспать, когда есть возможность.

Но вздремнул я всего несколько минут. Вагон так трясло и швыряло, что казалось, душа вылетит к черту.

Проехали станцию Хомутово, и поезд помчался дальше, немного сбавив ход в большой выемке. Машинист, видать, был обстрелянный, его не раз, вероятно, бомбили немцы на этом перегоне, и он не задерживался, а спешил, словно Ромео на свидание к Джульетте.

Приехали! Поглядываем по сторонам: нас окружили развалины громадной станции Верховье, которую немцы бомбили чуть ли не ежедневно.

Не задерживаясь, пошли к контрольно-проверочному посту с надеждой поймать машину до Новосиля. Здесь узнали обстановку. Дежурный красноармеец рассказал, что часа за два до нашего приезда налетел германский самолёт, сбросил бомбы в то место, где несколько дней подряд стоял бронепоезд. Сегодня бронепоезд перегнали в другое место, и германцы сбросили бомбы впустую – в противном случае бронепоезду было бы худо. Красноармеец сказал, что одна бомба не разорвалась и лежит на дороге.

– В аккурат опять прилетят скоро, – проговорил он.

Бронепоезд стоял от нас метрах в двенадцати. Не успел красноармеец досказать фразу, как послышался гул мотора, раздалась команда:

– Воздух!

Прислуга бронепоезда бросилась к орудиям, быстро поворачивая их навстречу гулу самолёта. Но это шёл наш самолёт, и зенитчики дали отбой.

Машин на Новосиль не было. Я предложил А-чеву найти ночлег в рабочем посёлке, а утром искать авто или двигать пешком. Устроились мы в семье железнодорожника. Немного поужинали и завалились на полу, на коврик, который дала нам хозяйка. А с рассветом снова отправились в путь.

Выйдя к пересечению железной и грунтовой дорог, которые вели в Турово (мне всё же хотелось вновь побывать у знакомых артиллеристов), начали ждать попутную машину. К нам пристроился вскоре мужчина лет 40–45. Он нёс пуда два муки в мешке и надеялся, что кто-либо доведёт его до Турова. Незаметно разговорились, и он сказал:

– Сам я больной. Да и жена больная. Ну, куда её эвакуируешь?.. Опять же у меня хата.

И тут этот крестьянин взволнованно произнёс:

– Она, хата, хоть и доброго слова не стоит, а всё же – свой угол. Всю зиму я в ней прожил, да ещё двенадцать бойцов при мне жили!

Сокрушённо рассказывал он о том, как немцы разорjali их село. Но был искренне убеждён, что скоро войне конец:

– Побьём мы их беспременно. Мы такая нация, что нас не осилишь!..

Один грузовик, остановленный мной, шёл в Каменку через Турово, и мы поехали с ним.

Очутившись в Турово, я почему-то сразу почувствовал, что артиллеристов здесь нет. Однако мы прошли вдоль всего села, надеясь, что ещё кого-либо захватим из штаба полка. Но и штаба не оказалось. Дом, где совсем ещё недавно располагались штабисты, был пуст.

Сели отдохнуть, а заодно и перекусить. Я развёл костёр, разогрел банку консервов – единственное мое богатство, хранившееся около месяца. Этим исчерпывались мои запасы продуктов. А-чев, которого я всё же убедил взять самое необходимое, развязал свой мешок. Съели консервы, покурили.

К нам подошла пожилая женщина, внимательно всматриваясь в нас, поздоровалась. Я спросил – уехали ли артил-

леристы и когда, но женщина ответила, что не знает, может, и уехали. Я понял, что фронт приучил её к осторожности, что она желает прежде узнать, кто мы такие. Потом, когда уже наладился разговор, она с хитрецей заявила, что не видела нас здесь раньше, хотя артиллеристов знает всех.

Несколько позже она сообщила, что артиллеристы уехали, но направление так и не указала. Молодец женщина, она сумела быть молчаливой, понимая, что передвижение войск является тайной.

Случайно мимо нас проходил один боец. Мы остановили его и выяснили, что рядом с нами находится хозчасть 896-го стрелкового полка. Полк этот занимал оборону близ села Верхняя Залегощь¹. Мы решили воспользоваться моментом и побывать в боевых порядках полка. Нас проводил один из хозяйственников до командного пункта. Здесь мы отдохнули в ожидании комиссара полка. Нас покормили кашей. Наконец пришёл военком. Познакомились. Посоветовавшись, в каком подразделении можно получить лучший материал, мы направились в первый батальон.

Стоял тихий тёплый вечер. Алая заря тянулась над тёмно-зелеными полями. Была какая-то подкупающая тишина. Пахло травами, и мне на какой-то миг показалось, что нет никакой войны и что я просто вышел на прогулку. Вот прогуляюсь и вернусь домой к своим.

На командном пункте батальона мы с А-чевым договорились, что пойдём в разные роты. Связной, когда стемнело, отвёл меня в первую роту. Командиры – молодой смелый лейтенант Канищев, такой же молодой политрук Панфёров – встретили меня радостно и удивлённо:

- Ведь сюда из газет пока еще никто не приходил!
- А вот теперь пришли, – ответил я не без гордости.

Жили командиры в глубоком овраге. По дну протекала чистая, свежая вода. Росли густые деревья. Блиндажи были вырыты надёжно и прочно в ближнем к немцам склоне оврага – их

¹ Село в Верховском районе.

могло разрушить только прямое попадание снаряда из крупнокалиберного орудия. Потом пришёл начальник штаба соседнего гвардейского полка, поговорил с ним. Оказалось, в эту ночь шестьдесят гвардейцев-автоматчиков пойдут за «языком».

Они пошли, и мы чутко прислушивались к каждому шуму. Вдруг застрочили пулеметы, замерцали немецкие ракеты. Ахнули миномёты... Пули ложились по земле и надрывно стонали. Потом на этот же бугор упало несколько мин. Осколки их начали отсекал листья на кустах у входа в блиндаж. Ракеты то и дело взмывали ввысь и гасли, словно вздрагивая от холода.

Ночной поиск сорвался. Автоматчикам удалось пройти минное поле и сделать проход в проволочных заграждениях. Но немцы оказались непредвиденно близко, всего в двадцати пяти метрах. Они услышали шорох и начали бросать гранаты, стрелять из пулеметов и автоматов. Ничего не оставалось делать гвардейцам, как отходить. Отходили при свете немецких ракет. Трое взяли чуть в сторону и тотчас же подорвались на минах. Раненых и погибших вынесли. Один из них умер уже на нашей стороне.

Вышли автоматчики как раз на нашем участке. Молчаливо стояли они над ручьём. Некоторые жадно пили воду, с трудом переводя дыхание. Начинаясь рассвет. Повторять операцию было бессмысленно.

Утром я пошёл в первый взвод. Приходилось пересекать лощину, хорошо пристрелянную немцами, бугор, хорошо видимый ими, тоже был пристрелян. Все время я ждал, что вот-вот начнут визжать вокруг меня пули. Но немцы не стреляли.

Первый взвод занимал оборону на мыске, вдававшемся в лощину. Мысок порос плодовыми деревьями. Здесь были развалины трёх или четырёх разрушенных гитлеровцами хат. В кустах валялись обломки сундуков, домашняя утварь, обрывки одежды – следы грабежа, учинённого отступающим противником.

Отсюда хорошо были видны вражеские окопы, проволочные заграждения в несколько рядов и немногие уцелевшие

хаты Верхней Залегощи. Я долго всматривался вдаль, но гитлеровцев не было видно. Они боялись наших снайперов и прятались.

К тому же вчера днём их здорово потрепали наши бойцы, устроив засаду. Я долго говорил с теми, кто был в засаде, и там же написал от их имени записку. Вот она:

«Засада»

До войны мы были охотниками. Умели бить разных зверей. А теперь научились уничтожать зверей гитлеровской масти. По старому охотничьему обычаю решили мы применить против них засаду.

Товарищи Гусев и Хивинцев пошли на разведку местности. Пробирались где ползком, где перебежкой, укрывались в кустах и траве. Часа четыре они внимательно наблюдали за вражеским расположением и, наконец, установили, что немцы начали рыть ходы сообщения.

Наши разведчики заранее присмотрели место, где можно устроить засаду. Часов в двенадцать следующего дня мы втроем взяли винтовки, гранаты, ручной пулемёт и направились выполнять боевую задачу.

День был хороший, солнечный. Дул ветер. И солнце и ветер помогали нам. Солнце светило в спину и таким образом затрудняло немцам наблюдение за нами. Ветер должен был относить звуки наших выстрелов назад. Он шевелил траву так, что вражеские наблюдатели не могли обнаружить нас.

Приползли на облюбованное вчера место. Осмотрелись. Захотелось подобраться ещё ближе к врагу. Вновь поползли. Крапива обжигала руки и лица, но она и защищала нас. Мы были уже у проволочного ограждения противника, у минного поля. Приготовили несколько укрытий, наметили ориентиры.

Гитлеровцы как ни в чём ни бывало рыли ход сообщения. Мы решили подождать, пока они пойдут на отдых или к ним придёт смена. Спешить в таком деле не приходится. Чем больше выдержки, тем вернее успех...

Вот из одного блиндажа вышел какой-то в каске, Гусев и Степанов заволновались:

– Давай стрелять!

Невыгодно было стрелять: мелковат зверь. Ещё раз прошёл мимо нас фриц совсем близко, но мы всё ждали...

Под вечер из хода сообщения вышло 35 гитлеровцев с лопатами и винтовками. Когда они оказались на открытом месте, между двумя ходами сообщения, и не более трёхсот метров отделяло их от нас, застрочил наш пулемет. Фашисты упали на землю и поползли. Мы сначала били залпами по ползущим, а потом быстро перебежали на запасную позицию, чтобы ударить с флангов.

Уходя в засаду, мы условились, что наше подразделение, заслышав стрельбу, тоже откроет огонь, чтобы сбить немцев с толку. Так и случилось.

Фашистов охватила паника. Они пытались ползти в разные стороны, но их настигали пули. Уничтожив 13 гитлеровцев, мы скрытно отошли к своим.

Заместитель политрука А. Здоров.

Младший сержант С. Гусев.

Красноармеец Н. Степанов».

Мне очень понравился Степанов. Молодой, как видно, сильный парень, среднего роста, с простым открытым лицом. Он был подвижен и сметлив. Вся его энергия и ум были отданы войне. Он уже командовал отделением, и надо сказать, что это было лучшее отделение в полку. Вместе со своими бойцами создал великолепные блиндажи, глубокие ходы сообщения, вложив в них немало труда и хорошо используя рельеф местности. В нём чувствовались прирождённые способности воина.

Приятно бывать с такими людьми, приятно сознавать, что это русский парень – он всё может и всё умеет...

Я побывал и в других взводах.

Вскоре пришёл командир полка с начальником штаба, и мы вместе отправились осматривать укрепления. Линия укрепле-

ний проходила вдоль выжженного немцами восточного края Верхней Залегощи. Обгорелые старые деревья и буйная молодая поросль. Груды щебня и ржавого пепла. А в подвалах лежали убитые гитлеровцами мирные жители... Я собрал большой материал о зверствах фашистов и подготовил его для газеты.

Когда я возвращался на командный пункт батальона, со мной произошёл забавный случай. Я шёл один по указанной мне ложине. Опять стояла обманчивая тишина, опять пахло белым диким клевером, и было так хорошо, что я вновь забыл о войне и фронте. Вдруг донёсся какой-то свист, и я невольно подумал: «А вот где-то идёт паровоз», хотя паровозу-то в этих местах взяться было неоткуда. Резкий взрыв раздался прямо над моей головой. То, что я принял за звук паровоза, было звуком летящей мины. Я сильно оробел и замер на месте. Со свистом рассекая воздух, падали, уходя в землю, осколки мины. И я сказал себе: «Эге, брат, ни на минуту нельзя забывать, что мы на войне. Не время сейчас задумываться».

Я шёл теперь настороженно, ловя каждый звук, и был готов в любой миг упасть на землю. Раз здесь упала мина, жди вторую. И я не ошибся. Вторая мина взвыла и легла на отдалённом бугре. Она была не опасна.

Я свернул вправо и увидел ротную кухню. Бойцы толпились возле неё, получая ужин. Ещё одна мина взвыла над нами. Кто-то запоздало крикнул: «Ложись!» Но и эта никому не причинила вреда.

Вернувшись на КП батальона, я А-чева там не нашёл. Оказывается, он был ещё в «своей» роте и мне пришлось отправиться за ним.

Ночевали мы во втором эшелоне полка на погребнице. А утром отправились в полк, который вёл бой за разъезд Дишня¹.

День выдался пасмурный. Дул сильный ветер. Низко шли облака. Поля казались угрюмыми. По сторонам стояла невысокая рожь. Холод мешал ей расти. Много полей поросло густым сорняком. На них ничего не успели посеять. Проклятая

¹ Железнодорожная станция в Залегощенском районе.

война прервала труд колхозников. Тяжело было смотреть на эти засорённые земли...

Мы держали направление на село Каменку¹, которое стояло на высоком бугре. Строения его виднелись на многие километры. До войны село было, вероятно, богатое. Дома все кирпичные, крытые больше железом. Скотные дворы колхоза и колхозников – из крепкого известняка.

Мы очутились в расположении одного из батальонов и пошли на его КП. Батальон находился во втором эшелоне и отдыхал после боя. Впрочем, отдых этот был чисто фронтовым. Все бойцы занимались устройством оборонительных рубежей. Берега небольшого ручья превращали в эскарпы и контрэскарпы. Но людей было немного. Вероятно, слишком велики были потери в прошедшем бою.

Мы спустились к реке, и здесь, на берегу, я поговорил со многими бойцами, участниками боя. Большинство из них пришло на фронт недавно. Держались они в бою великолепно и, несмотря на неудачный исход операции, сохранили бодрость и уверенность, что скоро возьмут реванш. Они так и говорили; «Ничего, немцы побили нас, но мы многому научились и побьём их».

В батальоне, как и во всём полку, наряду с русскими было много казахов и азербайджанцев. Дрались они хорошо. Вообще в полку было много героев.

Замечательно действовали два пулемётчика; Захаркин и Жиляев. В последнем бою они поддерживали наступление станковым пулеметом. Неожиданно случился поперечный разрыв гильзы патрона. Извлекателя у них не оказалось. Они сменили ствол, но вскоре получилась та же история. При помощи шомпола и штыка они извлекли куски гильзы. Но тут – новое дело! От бешеной стрельбы в кожухе пулемета выкипела вся вода. Тогда Захаркин ползком принёс воды в каске. Всё это делали они в разгар боя, под сплошным огнем немецких автоматов, пулемётов и миномётов.

¹ Село в Верховском районе.

Сорок пять немецких автоматчиков начали окружать Захаркина и Жиляева. Но и на этот раз наши пулемётчики не растерялись. Метко стреляя, они уничтожили тридцать гитлеровцев. Остальные разбежались.

Я внимательно присматривался к Захаркину и Жиляеву. Обыкновенные, простые люди. Но какая заключена в них сила! Сколько в них мужества и отваги. Командир сказал мне, что представил их к награде.

Колоритной фигурой был связист казах Исхан Джалмухамедов. Он находился в самом пекле боя, когда мина порвала наш провод. Исхан не растерялся и подключился к проводу соседней роты. Всё время связь у него была хорошей. Спокойный, скуластый, с лицом монгольского мудреца, он сидел передо мной в блиндаже и рассказывал о себе скупыми, спокойными словами.

Ночевали мы в блиндаже 1-го батальона. Маленький сырой блиндаж, но как хорошо в нём спалось, как, казалось нам, в нём было уютно. Моросил мелкий и нудный дождь, и лучшее убежище от него в ту ночь нам трудно было отыскать.

Потом мы пошли в Каменку, в 3-й батальон. Большое село, и оно почти не пострадало. Но штаб батальона помещался не в хате, а в большом глубоком подвале. Это была не лишняя предосторожность, как потом я убедился.

Здесь мне удалось много собрать материала от участников боя под Дишней, много услышать интересного. Почти все бойцы здесь были новички, впервые участвовали в сражении. А держались как старые, опытные воины.

Вот что рассказал мне один из них, азербайджанец Аблы Гусейнов: «Я был подносчиком патронов при станковом пулемёте. Поддерживая наступление стрелков, мы залегли у проволочного заграждения врага и поливали его огнём. Немцы заметили наш пулемёт и открыли по нему ожесточенную стрельбу. Мне хорошо были видны фашистские солдаты. Я поставил перед собой четыре коробки с патронами, удобно уложил на них винтовку и начал стрелять по врагу в упор. За

несколько минут я убил семерых фашистов, а восьмого тяжело ранил...»

Здесь передан только факт. Здесь нет во всей полноте картины боя. Аблы очень мало говорил и о себе. Не мог же он сказать, да и вряд ли догадывался о том, что сам он имеет весьма невоинственный вид. Худоват, длинноносый, он очень застенчив и свою застенчивость часто прикрывает мягкой улыбкой. Вряд ли он когда-либо собирался драться на войне, да ещё на какой войне! А вот теперь он несколько сконфуженно рассказывает мне о том, как, собственно говоря, спас пулемёт и взвод людей.

В третьем батальоне я встретился с казаком санитаром Бурбаевым, настоящим героем. В газете о нём была помещена моя коротенькая заметка «Отважный санитар». В ней рассказывалось:

«Наше подразделение атаковало вражескую позицию. Враг вёл ожесточенный огонь из минометов, пулемётов и автоматов. Некоторые бойцы были ранены.

Санитар казах Мухамед Бурбаев смело бросился им на помощь. Пробираясь ползком, он перевязывал красноармейцев, осторожно укладывал на свою спину и выносил в тыл. Одна мина разорвалась метрах в двадцати от Бурбаева, другая – в десяти.

Гитлеровцы видели санитаря и стремились убить его. Но Бурбаев, рискуя собственной жизнью, бесстрашно выносил с поля боя бойцов и их оружие. Он действовал, как подлинный советский патриот».

Бурбаев спас жизнь сорока двум бойцам. Сорок два человека он вынес из боя только за один день. А на следующий день он пополз на место битвы и разыскал своего тяжелораненого двоюродного брата.

Когда я встретил Бурбаева, то увидел широкоскулого, широкоплечего, медлительного казаха, и казалось странным, что этот человек, с виду неповоротливый, вялый, действовал так бесстрашно и быстро...

Любопытный народ и в роте пулемётчиков. Особенно интересным мне показался молодой паренёк Вежлев. Подошёл он ко мне усталой, разбитой походкой. На затылке у него отросли «косички» – следствие того, что он долго не стригся. Шинель – короче короткого. Её изодранные полы висели выше колен. На спине, на груди, на боках – всюду она была изодрана.

– Это минные осколки так порвали шинель, – как бы оправдываясь, сказал Вежлев.

Своим ручным пулемётом он действовал так решительно, что заставил замолчать два дзота. Его ранило в левую руку и в правую ногу, он имел право выйти из боя, но не вышел и дрался до конца.

С грустью покидал я полк. Всегда, когда мне приходится уходить от таких людей, я словно что-то теряю. Может, это от сознания собственных недостатков, от желания быть таким же мужественным и отважным? Вероятно, так...

Обратная дорога была тяжёлой. Весь день лил дождь и перестал лишь к вечеру. Мы с А-чевым хотели ещё сходить под Новосиль, но надо было возвращаться «домой». Трудно было идти по грязи, а путь предстоял до самого Верховья.

Едва мы отошли километра два от Каменки, как позади нас раздался взрыв. Мы остановились и с удивлением смотрели на то, что происходит: на окраине Каменки ложились снаряды. Большинство разрывалось всё же в поле и на огородах, но интересен был сам факт обстрела. Значит, немцы подтянули свою артиллерию на расстояние прямого выстрела и теперь решили поугагать наших, а может быть, всерьёз надеялись разбить какой-либо штаб или нанести урон нам в живой силе.

До Верховья дошли за четыре часа, покрыв расстояние в тринадцать-четырнадцать километров. Уже наступали сумерки, когда пришли на станцию. Поезда на Красную Зарю не было, и мы вновь пошли на прежнюю знакомую квартиру. Там у хозяев произошли изменения в семье. В спецшколу уехал их шестнадцатилетний сын. Мать была обеспокоена его судьбой, но не жаловалась: «Нужно так нужно», – говорила она.

Утром 21 июня мы были в Россошном, однако наших там не застали. Они перебазировались в Измалково. Поехали и мы туда. Но и там редакцию нашли нескоро: оказалось, она разместилась в домиках километрах в двух-трёх от вокзала.

Долго засиживаться в Измалкове мне не пришлось. Да это и не в моём характере. «Выписался», сдал материал редактору и, получив очередное задание, 27 июня снова выехал в первый эшелон – в Большую Чернаву.

Там сразу же представился в политотдел. Сходил в АХО, получил талоны в столовую, затем отправился на окраину села, где нашел для себя квартиру – одинокую хатёнку над пересыхающей летом речкой. В хате сырость, затхлость, но ничего, хозяева оказались приветливыми, жить можно.

Среди ночи проснулся, услышав выстрелы. Они звонко катились по лощинам. Я сначала не понял, где я и что происходит вокруг. Надел сапоги, навесил пистолет, застегнул пояс и медленно вышел на улицу.

Во все лопатки светила полная луна, не слышалось человеческих голосов, только раздавались выстрелы и со свистом, даже с шипением, мчались пули. Стреляли со всех сторон, но странно – я не слышал ответной стрельбы. Начал соображать, что мне делать.

Как раз в это время донёсся грохот автомобиля. В кузове громко разговаривали.

Теперь я понял одно: часовые заметили немецкий самолёт, и группа автоматчиков спешила в поле – на случай, если там высадился десант.

Только через день я узнал, что произошло в ту ночь. Часовые заметили в половине первого летящий в небе воздушный шар и начали в него стрелять.

Шар удалось сбить и найти. Представлял он собою довольно оригинальное сооружение. Он был нагружен немецкими листовками, снабжён часовым и взрывным механизмами. Листовки разбрасывались часовым механизмом, затем шар взрывался, и от него ничего не оставалось.

На этот раз механизмы отказались сработать, и уловка врага была раскрыта. А наши бойцы, посмеиваясь, из оболочки шара сделали навес от дождя и солнца...

Июль... За последнее время я сдал в редакцию около полусотни заметок и статей. Около десятка написаны от моего имени и, пожалуй, половина уже напечатана. Остальные где-то лежат у секретаря, и я боюсь, что они устареют.

Написал одну передовицу – «Всеми средствами уничтожай танки врага». Её опубликовали 20 июня. И ещё три передовицы лежат в «портфеле» редакции.

Но вернёмся к нашему фронтовому быту. Кажется, числа 5-го у члена Военного Совета фронта состоялось вручение медалей пяти бойцам и младшим командирам, тем, кто участвовал в бою за очень важную высоту на участке нашей армии. Я был послан туда в качестве корреспондента.

Явился в политуправление. Представился. Генерал сказал, что я прибыл несколько даже раньше, и велел подождать. За это время адъютант подыскал небольшую, поросшую белым клевером лужайку, и на ней выстроились наши герои. После краткой вступительной речи член Военного Совета начал вручать награды. Адъютант называл фамилию, из строя чётким торжественным шагом выходил отважный воин, генерал вручал ему медаль, наградное удостоверение и пожимал руку.

Потом все уселись на траве, и член Военного Совета долго расспрашивал бойцов, как они живут, в чём нуждаются, что их волнует.

Бойцы высказали несколько пожеланий и просьб. Попросили, чтобы в их подразделения больше доставлялось газет. Другие пожаловались на перебои с курительной бумагой.

– В остальном, – заверили они, – всё в порядке, только бы воевать.

Молчавший до этого сапёр Кострыкин неожиданно спросил:

– Когда же откроется второй фронт?..

И генерал, видимо ожидавший этого вопроса, очень обстоятельно рассказал о положении со вторым фронтом, об

обстановке, сложившейся на советско-германском фронте вообще и на участке нашей армии, в частности. Закончив свой интересный, убедительный рассказ, он попросил слушателей обо всём рассказать во взводах.

Мне понравилась эта беседа, достаточно содержательная, многое пояснившая награждённым. А когда член Военного Совета попрощался со всеми и ушёл, я помог четверым воинам составить для нашей газеты заметки об их подвиге, а о Кострыкине написал сам.[...]

Утром 9 июля на Елец вновь налетели немецкие бомбардировщики. Их удалось отогнать. За ними помчалось тринадцать наших истребителей. Вернулось двенадцать...

А часа в два немцы совершили второй налёт. Вновь бомбили мирные дома, вновь убили огромное количество женщин, и об этом рассказали наши товарищи, печатавшие там газету.

Стоят знойные безветренные дни. По пыльным дорогам тянутся вереницы беженцев. Идут пешком. Наиболее счастливые едут на лошадях. Перевозят несложный скарб. Плачут дети и взрослые, ревёт измученный скот. Немцы бомбят дороги. [...]

[12 июля]...До обеда у нас была редакционная летучка. Я выступал очень резко. Основная мысль – наша газета ещё не стала по-настоящему живой, оперативной газетой. Материалы нередко публикуются с опозданием. Мы ещё не научились глубоко и ярко отображать героику фронтовых будней.

...Лето делает свое дело на совесть. Отцвела рожь, она стоит, высоко подняв голову. Начинает обгорать и блекнуть листва на деревьях. По дорогам вздымаются столбы пыли. Окутанные пылью, идут эвакуированные. Тяжёлая картина войны, тяжёлое лето. Как уложить в рамки романа все эти события? Как охватить все элементы общественной жизни?.. А написать такой роман, где была бы показана наша эпоха, я хочу. Но где может быть сюжетный узел всех событий, какая тема может стать ведущей в таком романе? Очень и очень трудно написать такой роман... Может быть, это под силу только Шолохову, или другому, ещё не пришедшему в литера-

туру писателю? Но он придёт и создаст одно из величайших произведений всечеловеческой литературы. [...]

Рано по утрам над нами гудят немецкие самолеты. Они идут на большой высоте, не рискуя снижаться. Это «юнкерсы», выполняющие задания по разведке. Одновременно они бомбят города и линию железной дороги. Едва наступает ночь, они тянутся и в ночные налёты. Их гавкающий звук раздражает.

По ночному небу, как огромные ножи, движутся лучи прожекторов, они словно разрезают небо, ловя затерявшиеся в нём немецкие самолёты. Немцы норовят разбомбить мост около станции Казаки, по дороге Елец – Верховье, чтобы сорвать движение поездов к фронту с боеприпасами и в тыл с эвакуированным населением.

Я видел отсюда, из Измалкова, как однажды ночью у Казаков наши зенитки обстреливали вражеский самолёт. Длинные нити трассирующих очередей тянулись к облакам. Потом внизу, на земле, показались огромные вспышки пламени, и донёсся отдаленный гул. Вероятно, это падали авиабомбы. Но мост остался цел. Поезда идут нормально, даже по-прежнему ходит «пассажирский».

Наш старшина был на ст. Красная Заря и говорит, что Россошное уже опустело. Почти все жители оттуда уехали, и село кажется одичалым. Воображаю, как тоскливо выглядят хаты и дворы без людей, без скота, без птицы.

Старуха хозяйка, у которой я живу, спрашивает у меня:

– Милый, а где же второй фронт?

Она знает о нём из рассказов соседей и своей дочери и знает очень хорошо. Но ей непонятно, почему союзники медлят, затягивают, открытие второго фронта.

...Сегодня, 13 июля, почти все разъехались в разные места. Редактор отправился в Ефремов печатать газету, литсотрудники выехали в дивизии. Я остался дежурным. [...]

Моя старуха хозяйка молится по вечерам, истово крестясь и кланяясь иконам. Молится она вслух, упрашивая бога так:

– Господи! Уведи ты этого ирода от земли нашей. Покарай его, господи, смертью лютой. Не дай ты ему ни вздохнуть, ни охнуть...

Её молитвы похожи на заклинания. Её вера – вера древнего язычника, глубоко любящего свою землю, свой дом. В этих наивных мольбах немало трогательного, а в характере старухи – настоящего русского, пронесённого сквозь века. [...]

16 июля. Я получил неожиданное задание: выехать на конференцию младших командиров. Это было часов в двенадцать. Автомшины наши были неисправны и идти не могли. Тогда я решил воспользоваться самолётом и поспешил на аэродром.

На опушке небольшого леса я увидел лётчика – старшего лейтенанта – и сообщил, что мне нужен самолёт. Но увы! Эскадрилья уже снялась с этого места, и последняя группа аэродромных работников ждала прилёта за ними «Дугласа». В лесу оставались только шалаши, сразу приобретшие угрюмый, запущенный вид. [...]

Я вернулся в редакцию с вестью, что мой вылет не удался. Но наш шофёр сумел наладить трофейный автомобиль, и я поехал с ним.

Только в шесть часов вечера мы добрались до Первомайской дачи. Здесь, поминутно останавливаемый автоматчиками-часовыми, я разыскал в лесу место конференции. К сожалению, она уже кончилась, делегаты ушли обедать, и я понял, что представить работу конференции во всех подробностях мне вряд ли удастся.

Из разговоров с присутствующими там командирами я узнал, что с докладом выступил командующий. Он говорил о роли младших командиров в бою, об опыте недавних схваток с противником. Затем выступали младшие командиры...

Пока длился обед, на небольшой полянке появились участники ансамбля гвардейской стрелковой дивизии. Натянули задник, уложили дощатые щиты для плясунов. Вскоре пришли делегаты, и начался концерт.

Участники ансамбля – бойцы-фронтовики. Голоса их были с хрипотцой, ноги плясунов не всегда попадали в такт музыке, но настоящее веселье, здоровый русский юмор скрашивали все недостатки исполнения.

Поехали мы обратно часов в десять вечера. Блуждали впотьмах неподалеку от Кривца, один раз налетели на телеграфный столб, но всё же благополучно добрались «до дому».

19 июня. Вчера мне сообщили в политотделе, что, в районе Большой Чернавы сбит «Мессершмитт-190ф»! Вечером наш сотрудник, побывавший на месте происшествия, рассказал, как это произошло.

Ме-190ф кружил над станцией Красная Заря. Бронепоезд открыл огонь, и самолёт удрал, но скоро возвратился, и наши подумали, что он будет засекать огневые точки. С земли по нему открыли стрельбу сразу двадцать пулемётов, и Ме-190ф дал сигнал по коду:

– Разрешите посадку!

В это время откуда-то вынырнул У-2, и лётчик, не знавший, как протекал бой, увидев опознавательные знаки немца, бросился на него и повёл огонь из пулемёта. Ме-190ф грохнулся на землю, сломал одно крыло. У немецкого лётчика была перебита рука. Он сидел возле своей машины на бугре и громко ревел. На нем были только шорты и бутсы. Едва он увидел красноармейцев, как закричал:

– Майн капут!

Его забрали и теперь допрашивают.

20 июля. История, которую я узнал вчера, не закончилась.

Приехал из командировки наш сотрудник К. и привёз корреспонденцию от одной из рот охранения. Рота довольно подробно рассказывает, как был подбит самолет. Но и это не всё. Вечером пришёл начфинчасти платить зарплату и сообщил, что гитлеровец действительно был в коротких штанах (это летняя форма). В его самолёте было лишь три пулевых пробоины, и он мог бы лететь свободно, куда хотел. Но он ни разу не выстрелил ни из пушки, ни из пулемётов, потому что решил

сдаться в плен. Он увидел в воздухе У-2, пристроился к нему и шёл сзади, чтобы сесть на площадку. Один из взводов охранения, не понимая, в чём дело, открыл стрельбу и пробил руку фрицу. Тот потерял управление и разбил самолёт. Всё это подтверждают летчик У-2 и штабной работник, летевший на этом же самолёте. История занятная!..

21 июля. Вчера утром, когда я ходил в политотдел, случайно попал на концерт. Бригада москвичей-эстрадников (10 человек) выступала в небольшом фруктовом саду. Полукругом расположились политотдельцы и местные колхозники. Вёл программу конференсье. Выступал иллюзионист-манипулятор. Была даже балетная пара. Балерина танцевала на траве, размахивая линиялыми розовыми крыльями, непрерывно цепляясь за ветви яблонь и вишен.

– Ишь, как бедная мучается, – невольно подумал я.

А вечером они давали повторный концерт уже в Измалкове.

...Эвакуация временно прекращена, и радость жителей безгранична. Они вернулись к своим хозяйствам, с какой-то яростью набросились на огороды. Пропахивают картофель. Пропадают просо и гречиху. Гречиха уже цветёт, хоть и поздно была посеяна. А просо пошло в трубку. Туго наливаются огромные колосья высокой ржи. Шелестят высокие сочные травы.

– Раньше люди ссорились из-за травы, – сказала мне хозяйка, – а сейчас, вишь, сколько её, а убирать некому...

И действительно, несмотря на холодную весну, природа в этом году, кажется, решила возместить всё, что было потеряно в прошлом. Всего много, всё растёт буйно – и на огородах и в поле. Сердце радуется. Вот бы людям убрать удалось всё вовремя.

Основная рабочая сила в деревне – это подростки. Они выносят на себе всю тяжесть уборки полей и огородов. Они кажутся взрослыми, настолько серьёзно мыслят и понимают смысл событий. А как ненавидяще говорят они о гитлеровцах. Даже малыши, когда высоко-высоко пролетает германский самолёт, грозят ему вслед кулачками и кричат:

– А, пропасть ты забери! Оккупант полетел!..

Заметив незнакомого человека, они тотчас же начинают за ним следить, ловко пробираясь по кустам, по зарослям лопухов и глухой крапивы.

– А может, это шпиён, – говорят они...

В номере семьдесят втором за 21 июля опубликована моя заметка. В ней рассказывается о зверствах фашистов в двух сёлах Орловщины: на восточной окраине Верхней Залегощи и в селе Коробка. Все дома там уничтожены гитлеровцами. Но и соседние сёла пострадали не меньше. Не меньше там было трупов крестьян. Вот эта заметка:

«Палачи

На высоком холме стоят яблони и вишни. Листья их тощи и редки, ветви надломлены. На деревьях не будет плодов, пока они не переборют страшную боль...

Земля усеяна обломками кирпича, осколками стекла, обугленными деревяшками. В чахлах кустах сирени – самовар с развороченным боком, обгорелый детский валенок, разбитый сундук, лоскутки женской одежды.

Здесь прошли гитлеровцы. Здесь прошли палачи. Они искалечили сады, они сожгли мирные хаты, они разграбили добро, нажитое тяжёлым трудом, а хозяев убили.

Палачи убивали русских людей. Убивали из автоматов, из винтовок, гранатами и ножами. Головы детей разбивали кирпичами...

В одном из подвалов у сырой и холодной стены лежат два женских трупа. Рядом с ними трое детей. Ребёнок прижался к матери. Он искал грудь её, а мать стиснула руками грудь, пробитую фашистской пулей...

На дороге красноармейцы нашли труп пожилой женщины. Может, это твоя мать, боец? Может, она бежала тебе навстречу, когда ты шёл в атаку на гитлеровцев? Палачи застрелили её.

Над извилистой мелководной речушкой, в кустах вербняка наши бойцы нашли труп женщины. Палачи вырезали её

глаза – эти глаза обжигали ненавистью. Звери разорвали рот женщины, чтобы вырвать язык, проклинавший их. Может, это твоя сестра или жена, боец?

В развалинах одной хаты лежал обгорелый труп старика. Возле него валялось в пепле евангелие – старинная книга с медными застёжками на переплёте. Двери и окна хаты палачи забили. В ней заживо сгорел старик. Может, это твой отец, боец?

...Неподалёку от сожжённого села лежит полуистлевший труп одного из палачей. Поверх мундира он напялил два свитера. Шею обмотал вместо шарфа тремя женскими платками. Меж пальцев его рук, которыми он грабил, поджигал и убивал, уже выросла буйная крапива. Палач издох от русского мороза и русской пули. Это будущее всех гитлеровских выкормышей...»

23 июля. [...]

Вчера с утра я ездил с начпоарма на совещание комиссаров артиллерийских частей. С докладом выступал замкомандарма по артиллерии, полковник. Он рассказывал о новой немецкой тактике. Боясь действий бронейщиков, противник теперь выпускает перед танками автоматчиков, стремящихся вклиниться в наши боевые порядки и уничтожить бронейщиков. Гусеницами танков гитлеровцы пытаются плющить и засыпать противотанковые щели. Но наши войска уже применяют вместо щелей «колодцы». В них стенки выдерживают напор танка и не обваливаются

– Мы, – говорил полковник, – уже научились противостоять танкам врага и создавать мощные ПТОП (противотанковые опорные пункты), эшелонированные в глубину.

Совещание проходило в лесу, на маленькой лужайке. На столе, покрытом красной кумачовой скатертью, стоячи в консервных банках большие букеты полевых цветов.

Над головой громко кричала сойка. Она мешала оратору, и комиссары невольно улыбались. Улыбнулся и полковник.

Назад я решил идти пешком. Дошел до речки. Сел на камнях. Неподалёку, громко смеясь, купались бойцы.

Высокий противоположный берег с врезанными в поросший малахитовой травой грунт тяжёлыми глыбами камней, пышный лозняк, тихий лепет воды меж камней... Каким мирным казалось всё это!..

Бои местного значения

...4 августа. Прошло десять дней с тех пор, как я сделал свои последние записи, а сколько событий развернулось передо мной за эти дни!

Утром 25 июля к нам вбежал редактор и сказал:

– Знаете ли вы, что сейчас наши дивизии ведут бой?! Гвардейцы дерутся на улицах Вязоватого!¹

Я радостно вздрогнул: наконец-то началось наступление...

Редактор приказал мне готовиться к выезду.

Часа в четыре дня я вышел к контрольно-проверочному пункту на окраине Измалкова ловить попутную машину.

Подошёл большой грузовой автомобиль, меня взяли в него до Хомутовой. В кузове ехали бойцы. Я начал читать им вслух газету. Машина шла хорошо до Красной Зари по грейдеру. Дальше началась ухабистая полевая дорога. Нас мотало из стороны в сторону, подбрасывало. Впрочем, к таким поездкам я уже привык...

В Хомутовой я снова вышел к контрольному пункту. Сел в санитарный грузовик до Верховья. Вот здесь трясло посолідней. Кузов был пуст. Шофёр гнал свой рыдван во всю прыть лошадиных сил, и меня так швыряло, что на теле остались синяки.

Потом я шутил:

– Ехал в санитарной машине с шофёром, который не привык возить здоровых, обязательно хотел меня изувечить...

В Верховье было пустынно. Население эвакуировали. Остались лишь военные... Надо было искать ночлег или, точ-

¹ Населённый пункт на территории Покровского района, в прифронтовой полосе, в описываемое время находился в руках фашистов, деревня располагалась на крутом левом берегу реки Труды, поэтому высоты рядом с деревней и сам населённый пункт неоднократно пытались захватить наши части, в данном случае – 6-я гвардейская стрелковая дивизия, и это была уже её вторая попытка.

нее, место отдыха до полуночи, так как помощник коменданта сказал мне, что в полночь будет поезд. Пошёл к коменданту. Он оказался весьма приветливым человеком. Угостил меня хорошим обедом и чаем. Поезда, конечно, не было. Я остался в комендатуре ночевать. Спал в кухне на полу, подстелив сорванную во дворе полынь. Спал с дороги крепко, забыв о прифронтовье и бомбёжках...

5 августа. Утром 26 июля я устроился на поезд, шедший до Русского Брода¹. Уселся на открытой площадке, с неё далеко было видно всё вокруг.

В небе высоко-высоко плыли маленькие облака. Парило. От земли поднимался резкий, пряный запах клевера, медуниц, львиного зева и... земляники. Как много было земляники вокруг! Кровавыми каплями лежала она в зелени.

Поезд не мог взобраться на один из крутых подъёмов и остановился. Паровоз набирал пары, а пассажиры разбрелись в поисках земляники.

И опять стояла та тишина прифронтовья, которая обманывала меня не раз и однажды чуть не привела к гибели от немецкой мины в какой-то безымянной ложине...

Поезд пошёл, виляя среди выемок. Проехали разъезд Скарятинo. На крытой платформе я увидел огромное количество пустых ящиков от патронов и мин. Их везли с фронта. Глядя на эту кучу ящиков, можно было судить, какой страшной силы был бой там, куда мы ехали.

Русский Брод! Невысокие холмы. Глубокое русло небольшого ручья с каменистыми, подмытыми водой берегами. Древнее русское название, пронесённое, быть может, сквозь столетия, от времени русско-татарских битв...

Я спрыгнул на ходу близ семафора, и пошёл к контрольному пункту. Но напрасно прождал я здесь больше часа автомашину, её не было. Решил идти пешком.

¹ Село и железнодорожная станция в Верховском районе, освобождена от фашистов в конце декабря 1941 г. Упоминаемые далее Скарятинo, Теляжье, Красное – населённые пункты того же района.

Знойный день. Хорошо накатанная, горячая дорога. Высокие, уже пожелтевшие хлеба. И тишина, тишина...

Добрался до села Теляжье, расположенного по обе стороны глубокого оврага с пологими, оползшими боками, спустился к ручью. Напился чистой холодной воды.

Выстирал портянки и полотенце, вымыл ноги. И стало легче идти.

Наконец показалось село Красное. Сразу попал в клуб стрелковой дивизии. В просторной хате было чисто. Пол усыпан свежим сеном. На стенах висели карты, плакаты. Начальник клуба готовил боевой листок и материал для доски информаций.

Зашёл в политотдел, поговорил там немного. Узнал, что 25 июля был сильный бой². Продолжение его следует, и, значит, я прибыл вовремя.

Пошёл в Ворова³, на командный пункт полка⁴.

Начинался вечер. Глухо рвались вдалеке мины и снаряды. Всё слышнее и слышнее становился их грохот.

Я очутился на огневой позиции 76-миллиметровой артиллерийской батареи. Посидел у орудий, поговорил с людьми, жадно наблюдая окружающее.

Раздалась певучая команда. Бойцы встали у пушек, начали стрелять. Потом наступила пауза. Её вдруг прервал громкий голос связиста:

– Ёрш!..

– Ёрш! Ёрш! Ёрш!.. – громко повторяли бойцы и уже без команды бежали к орудиям, молниеносно устанавливали прицел и открывали огонь. Они стреляли теперь по давно определённому квадрату, условно названному «ёрш».

² Три батальона из 10-го и 25-го гвардейских стрелковых полков 6-й гвардейской стрелковой дивизии, при поддержке артиллерийских подразделений, предприняли наступление на высоты у д. Вязоватое, имели незначительный успех, а потери, согласно данным журнала боевых действий штаба 6-й гвардейской стрелковой дивизии, составили убитыми – 278 человек, а ранеными – 534 человека.

³ Село в Покровском районе, освобождённое от фашистов 25 декабря 1941 г. и являвшееся в данный период тыловым.

⁴ 25-го гвардейского стрелкового полка 6-й гвардейской стрелковой дивизии.

Мне стало радостно, что я снова попал в боевую обстановку, где было всё так просто и величественно.

14 августа. Восемь дней я не мог взять в руки эту тетрадь, так много было работы. Мне приходится вести весь отдел, хочется сделать всё хорошо, и, конечно, устаёшь больше обычного. Правлю материал других сотрудников, готовлю одновременно свой, привезённый с фронта да ещё пишу передовые. Но я не жалуясь на загруженность. Важно, чтобы моя работа приносила пользу!

Но вернусь к недавней поездке на фронт, пока есть свободные полчаса и не остыли в памяти события.

...Я прошёл через запущенный сад, вышел на широкую пустынную улицу. Было видно, что ездили по ней мало, – дорога уже поросла той травой, что зовут здесь «придорожником».

Я озирался по сторонам, надеясь увидеть бойцов и узнать от них, как пройти на командный пункт. Вдалеке заметил несколько человек. Оказалось, что это прислуга «катюши». Бойцы сказали, что завтра «катюша» будет «давать концерт» и что сегодня у всех предбоевое настроение. Они указали мне, где помещается артиллерийский наблюдательный пункт, и я пошёл туда.

Влево от дороги, на бугре, были вырыты окопы и небольшой блиндаж для телефонистов. Это называлось наблюдательным пунктом.

На немецкой стороне было тихо. Наступали сумерки. Сизая дымка поднималась над полями, текла вдоль лощин, а там, где была река Туровец, уже стоял прозрачный туман.

Один из наблюдателей подвёл меня к стереотрубе и сказал: – Смотрите и запомните вот эту хатку, на которую я навёл трубу... Теперь поверните трубу, запомните путь к хатке... Там и есть КП полка¹.

Оказалось, что надо возвращаться километра три назад. Но в это время, ныряя в траве, к наблюдательному пункту

¹ Речь идёт о 25-м гвардейском стрелковом полку 6-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием майора, будущего Героя Советского Союза Н. А. Смирнова.

кту подъехал грузовик. Из кузова вылетели матрац, одеяло, подушка. Грузовик круто развернулся, и из него выпрыгнул какой-то человек. Он подошёл, посмотрел на меня и сказал:

– Документы!

Проверил. Оказалось, это подполковник – начальник дивизионной артиллерии. Уже трое суток сидел он на наблюдательном пункте, руководя артиллерийским боем. Он показал мне план операции, объяснил, как намечено его осуществить. Предполагалось, что гвардейцы² ударят утром [27 июля 1942 г.] на село Вязоватое, а бойцы стрелкового полка³ ворвутся в село Трудки.

Взошла луна, огромная, полная. Наконец-то, я отправился на командный пункт полка. Идти было хорошо, но при луне все предметы, какие я видел в стереотрубу, словно сместились. Шёл наугад, а когда приблизился к указанной наблюдателем хатке, меня окликнул часовой. Снова тщательная проверка документов...

Командный пункт был расположен почти на самой окраине села, обращённой к противнику. В маленьком садике было открыто три связанных между собою блиндажа с тяжёлыми перекрытиями. Метрах в пятидесяти разместилось ещё три-четыре блиндажа – для связистов, посыльных, охраны и офицеров связи.

Я долго наблюдал, как живёт командный пункт, готовя утренний бой.

Приходили и уходили командиры. Коротко докладывали о готовности своих подразделений. Почти непрерывно слышались голоса телефонистов, вызывавших станции по их условным именам: «Карась», «Орёл», «Цапля»...

Наконец меня сморила усталость. Я завернулся в плащ-палатку и лёг на насыпь блиндажа.

Едва задремал, как услышал голос:

– Ну, сейчас!

² 25-й и 10-й гвардейские стрелковые полки.

³ Из 280-й стрелковой дивизии.

Было без двух минут четыре. Ровно в четыре началась артиллерийская подготовка. Со всех сторон били наши пушки и особенно звонко одна – 76-миллиметровая, прозванная «дивизионной». Снаряды с воем шли над головой. Яркие вспышки огня при выстрелах следовали одна за другой. Когда снаряды проносились над долиной реки, раздавался страшной силы шум, как от гигантского водопада. Река резонировала.

Начала работать «катюша». Из-за деревьев мчались к линии фронта яркие, светящиеся шары. Пролетев метров двести – триста, они гасли. Затем в том месте, куда они улетали, возникал клуб медленно поднимавшегося черного дыма и доносился запоздалый грохот взрывов.

– «Катюша» бьёт! «Катюша» бьёт! – взволнованно говорили мы друг другу.

А «катюша» уже била с нового места вторым залпом...

Неподалёку от нас рвались немецкие снаряды, но их грохот казался слабым в сравнении с далёкими разрывами снарядов «катюши». Немцы били по переднему краю нашей обороны, пытаясь прижать бойцов к земле, не допустить их до атаки. А наша артиллерия уже переносила огонь дальше, вглубь немецкой обороны.

Я услышал резкий голос командира полка¹, кричавшего в телефонную трубку:

– Приказываю немедленно продвигаться вперёд! Вперёд! Изо всех сил вперёд!..

Сильнее начали работать немецкие миномёты. А на командном пункте неожиданно стало тихо. Сосредоточенно сидели телефонисты у аппаратов. Все мы ждали, что скажут холодные эбонитовые трубки. Чем завершится атака?..

Всё ожесточенней били немецкие минометы. Но били они с тупой методичностью в одну точку, лишь изредка перенося огонь в стороны. Ружейно-пулемётная стрельба сливалась в одну сплошную трескотню. Снова, уже на другом месте,

¹ Командир 25-й гвардейского стрелкового полка майор Н. А. Смирнов.

взвились огненные шары «катюши», в грохоте их разрывов на мгновение утонули все звуки.

Я и комиссар полка прошли вперёд, к хате, стоявшей на бугре. Там был приготовлен наблюдательный пункт. В крыше было проделано отверстие, устроены подмости из досок. Отсюда должна быть видна высота², за которую шёл бой, наши боевые порядки. Но сейчас всё затянул ровный, сплошной белесый дым. Сколько я ни всматривался вдаль, мне ничего различить не удалось...

Всходило солнце. Над лощинами поднимался пар. Ярко сверкали капли росы.

Было восемь часов. Бой шёл уже четыре часа. С прежней яростью били немецкие миномёты. Но к гулу минных разрывов теперь примешивались новые глухие тяжкие взрывы. Это немцы начали взрывать в Трудках свои склады...

Прошло ещё два часа. Я находился всё время на командном пункте, прислушиваясь к грохоту боя, следя за донесениями штабных работников, связанных и связистов. Вдруг возле меня появился комиссар полка. Немного бледный, сурово-подтянутый, он сказал мне:

– Иду туда... Если сейчас не изменим положения, то...

Больше он ничего не добавил, но было ясно, что бой достиг своей кульминации. Я поднялся на ноги и сказал.

– Вероятно, и мне найдётся какая-нибудь работёнка. Пойдёмте вместе.

– Да, да, – быстро согласился он. – Сейчас нам дорог каждый человек...

20 августа. И вот комиссар, военюрист и я пошли туда, где кипел бой. Мы пересекли улицу, которую немцы держали под наблюдением и обстрелом, и эта улица показалась мне той чертой, за которой кончалась относительная безопасность. Мы двигались по узкой тропинке через огороды, поминутно перешагивая через телефонные провода, и вскоре вышли к ходу сообщения. Здесь находился один из наблюдательных пунктов,

² Западные скаты высоты 233,3.

с которого хорошо просматривался левый фланг полка. Кстати сказать, этот фланг прикрывался одной только стрелковой ротой, и это был тот риск, без которого не приходит победа. Теперь мы были на виду у немцев. Нам оставалось спуститься в траншею, когда возле бруствера комиссар увидел группу бойцов, человек пятнадцать.

– Кто такие? Почему сидите без дела?

– Разведка. Мы работали всю ночь.

Комиссар приказал им идти немедленно вслед за нами.

По пути мы встретили ещё человек двадцать бойцов, посыльных, связных, саперов. Сапёры тоже работали ночью. И этих всех вернули к передовой.

Выбрались в лощину. Здесь кончался ход сообщения, прикрытием служил невысокий скат. По дну лощины пробежал ручеёк, через который был перекинут мостик на высоких сваях. У мостика расположился пункт первой медицинской помощи. А в скате лощины были отрыты блиндажи, и в них разместился склад боеприпасов, или, говоря военным языком, пункт боепитания. Через мостик шла дорога на высоту.

Вот эту-то высоту и отняли мы у гитлеровцев. Теперь на ней, в отбитых окопах, находилась наша пехота. Основная её часть вела бой у села Трудки. На пути наших бойцов встали два дзота, в каждом по три пулемёта. Они не давали возможности ворваться в село. Немцы оправились после первых ударов и теперь непрерывно бросали в контратаки взводы автоматчиков и роты стрелков. Наши пехотинцы, очень вымотавшиеся в бою, начали уже, было, думать об отходе. И тут как раз подоспели мы.

Военрист вывел группами по пять человек на бугор тех бойцов, что мы собрали на своём пути, и бросил их на помощь старшему лейтенанту Полешко, прославившемуся в этом бою дерзкой отвагой.

Приход пополнения дал нам перевес. Немцы почувствовали, что с высоты нас выбить не удастся. Они прекратили контратаки и вели только непрерывный огонь, посылая пуля-

ми, минами и снарядами наши боевые порядки и лощину, где был пункт медицинской помощи.

Я начал присматриваться к тому, что творилось вокруг.

Вот подъехала подвода с пищей для шестой роты. В термосах привезли суп и в мешках хлеб.

К мостику несли раненых. Некоторые передвигались сами, опираясь на винтовки. Их наскоро перевязывал военфельдшер и на подводах отправлял в санчасть, километра за четыре от пункта первой помощи. Двое санитаров носили раненых на большом ватном красном одеяле, приделав петли к его концам. Один из санитаров на возке поднялся прямо на высоту и галопом вернулся обратно. Я заглянул в повозку. Там лежал уже тронутый мертвенной желтизной командир. Рана его была ужасна: осколок мины порвал ему живот и застрял где-то внутри. Рядом с мёртвым лежал живой. Он стонал очень тихо, рот его обветрило, лицо и руки были чёрными от пыли...

Немецкие мины с воем мчались над нами и лопались у противоположного ската. Немцы прощупывали лощину¹.

Комиссар и я прошли к пункту боепитания. Сюда только что доставили контуженного младшего лейтенанта Иванова и его связного. Оба они потеряли слух и речь. Иванов, уже седой, средних лет, следил за нами усталыми, воспалёнными глазами, а связной старался держаться бодро, но невольно падал каждый раз, когда пытался встать. Комиссар предложил им водки, но они отказались и с жадностью пили воду. Потом санитар умыл обоих, и их лица просветлели.

Санитар Попов, рослый, сильный мужчина, ворвавшийся первым в немецкий дзот, захвативший пулемёт и миномёт, сидел со скорбным видом возле Иванова, изредка повторяя:

– Что я теперь без командира делать буду?.. Ну что?..

Он достал где-то водки, выпил и готовился снова идти на передний край «рвать зобы» фашистам. Его отправили сопровождать Иванова в санчасть...

¹ Это место жители сёл Ворово и Трудок называют «Кулига», на воровской стороне – проходили позиции 6-й гвардейской стрелковой дивизии, а со стороны Трудок – немецкие, 286-го и 354-го пехотных полков 221-й пехотной дивизии.

Переломный момент боя прошёл. Перестрелка велась теперь вяло. Изредка татакали пулеметы, и ещё реже били миномёты и артиллерия.

Немцы применили воюющие мины, или, как их иначе называют, «прыгающие». Такая мина летит медленно, заунывно воеет и, ударяясь о землю, подпрыгивает, затем рвётся, осыпая всё вокруг осколками. Наши бойцы весьма скоро «освоили» эти трюковые мины, привыкли к ним и научились по звуку определять приблизительно точку их падения...

По ходу сообщения мы возвращались на командный пункт. Я заметил, что метрах в восьмистах от нас на скате высоты копошились у куста две маленькие фигурки. Мне показалось подозрительным их поведение, и я указал на них комиссару. Тот посмотрел в бинокль. Вдруг над нами прозвенели пули, и издали донеслась дробь выстрелов. Теперь было понятно, что эти фигурки были немецкими снайперами, сумевшими подобраться к нашим боевым порядкам. Вероятно, они заметили нас по блеску стёкол бинокля или по тому, что мы высоко подняли головы над бруствером. Стреляли они впустую, но тотчас же сзади нас начали ложиться немецкие мины. Снайперы, видимо, дали знать о нас своей батарее. Комиссар приказал бойцам снять снайперов, и их окружили и уничтожили¹.

Ночь и следующий день прошли спокойно.

Лишь в последующие дни немцы начали предпринимать огневые налёты. Выглядело это так. Где-то вдалеке раздавалось три-четыре выстрела, и тотчас же над нами с воем проносились снаряды или мины. Слышались разрывы. Обычно выпускалось по одной площади 50–60 снарядов. Потом наступала тишина, а через полчаса налёт повторялся.

¹ Николай Романовский описал в этом отрывке события, происходившие 27 июля 1942 г., описал всё, что видел, стараясь сделать упор на героизм советских солдат, что, конечно же, было так, но вот о результатах не сказал ничего. Между тем, общий итог трёхдневных боёв, с 25 по 27 июля 1942 г., оказался следующим: захвачен скат одной из высоток и несколько домиков в полукилометре от Вязоватого; наши потери составили 393 человека убитыми и 751 человек ранеными – по данным журнала боевых действий штаба 6-й гвардейской стрелковой дивизии, а по спискам, поданным полками, потери оказались ещё больше – 444 человека убитыми.

Я уже привык к таким налётам. Едва мое ухо ловило далекие выстрелы, я падал на землю и смотрел, где лягут снаряды. Если они ложились далеко, я спокойно продолжал работать, зная, что немцы с диким упорством будут долбить в одну точку. Но дважды снаряды ложились так близко, что приходилось уходить в блиндаж. Огромные осколки впивались в перекрытия блиндажа, стучали по его ступенькам. В таких случаях мы были наготове – стояли с широко открытыми ртами, чтобы не оглохнуть, если снаряд разорвется рядом или над нами.

Я собрал немало материала от непосредственных участников боя и ещё раз побывал на передовой.

Высота, за которую шёл бой, приобрела уже мирный вид. Армейские саперы рыли ход сообщения к нашим окопам. Во весь рост передвигались одиночные фигуры бойцов...

На высоте росла пшеница. Она была сильно измята – по ней наступали. Воронки, проделанные тяжёлыми снарядами, неглубокие ямы, следы разрывов мин, наспех отрытые стрелковые ячейки – вот что было на высоте среди стеблей пшеницы.

Окопами нам служили недавние ходы сообщения немецкого боевого охранения. Их ещё не успели углубить, и они доходили местами лишь до пояса. Кое-где бойцы отрыли «лисы норы» и спали там. Перешагивая через спящих, я вышел к конечной точке наших позиций. Отсюда была видна следующая высота, занятая немцами. Ни малейшего движения не было заметно на ней. Немцы ушли под землю или хорошо замаскировались. Это была всё та же обманчивая фронтовая тишина, которая уже не раз чуть ли не стоила мне жизни.

Поговорил с бойцами, собрал дополнительный материал для газеты и пошёл посмотреть блиндаж, где до этого укрывалось немецкое боевое охранение. Блиндаж был устроен прочно и совершенно не возвышался над землёй, покрытый шестью накатами брёвен с земляными прослойками, он уходил глубоко под землю и имел два выхода. Внутри в три яруса были устроены нары.

Пулемётчики рассказали мне интересную историю. Когда началось наступление, они пошли вместе с пехотой, обогнали

её и первыми ворвались в германские ходы сообщения. Вот тогда-то из блиндажа начали выбегать германские солдаты... В блиндаже пулеметчики нашли на столе водку, масло, мёд, хлеб. Вероятно, вечером здесь была попойка, и для полупьяных обитателей блиндажа наш удар был совершенно неожиданным.

Теперь каждый день немцы били по этому блиндажу, и наши хлопцы, пользуясь близостью врага, кричали по вечерам в ответ:

– Куда бьёте, дураки! Ведь сами строили!..

В этом бою выявилось много героев. Всему полку стал известен старший лейтенант Полешко. Он заменил убитого командира батальона и всюду поспевал, где возникало хоть малейшее замешательство. Он сумел воодушевить бойцов, и все немецкие контратаки были отбиты.

Младший лейтенант Наумов был контужен и еле двигался, но когда немецкие миномётчики и артиллеристы накрыли КП батальона, Наумов вместе с дважды раненым бойцом Семенишиным выкатил 45-миллиметровую пушку на бугор и начал стрелять по врагу.

Санитар Попов вынес из боя двадцать раненых, ворвался в немецкий дзот и захватил пулемёт и миномёт.

Пулемётчик Владимиров был ранен, вражеские пули вывели из строя его пулемёт, но Владимиров не отступил и гранатами уничтожил более шестидесяти гитлеровцев.

Мелкие группы бойцов попадали в окружение автоматчиков, но не сдавались в плен, а продолжали бой и побеждали...

Обо всех этих людях я написал немало статей и заметок. В них стремился показать настоящий героизм наших воинов.

А если бы спросили меня: «А как ты участвовал в этом бою?», я, думаю, имел бы право сказать: «Как солдат, шедший вместе со всеми...».

2 августа полк уходил на отдых, его сменял другой. Я двигался вместе со штабом полка.

В три часа ночи мы вышли из блиндажей. Бесшумно шли по широкой пустынной улице села. Заунывно мяукали тощие одичавшие кошки.

Помначштаба подозвал одну и взял её на руки. Она уже отвыкла от человека и вырывалась. Но когда он опустил её на землю, она долго шла за нами по дороге, сипло мяукая.

Занимался рассвет. Сизые облака шли на восток. Глубоко-темной казалась зелень придорожных верб. Дорога перебежала с холма на холм. По сторонам стоял пышный овёс, желтели пшеница и рожь. В одной метёлке овса мы насчитали сто шестнадцать зёрен, а ведь колос был взят наудачу.

Белой вуалью тянулся над далёкой рекой туман. Большое село встало перед нами на бугре. Это было Лимовое. Казалось, что хозяева хат спят, – ещё не топили печей, не выгоняли на пастбище скот. Ровными грядами лежали огороды, муаровыми полотнами тянулась капуста и большими плюшевыми скатертями раскинулся картофель.

Но чем ближе подходили мы к селу, тем безжизненней становился его вид. Пустое, мёртвое село...

Над одной из хат склонились громадные, густолиственные вербы. Словно материнские руки, которые защищают тебя от опасности, простирались над хатой их ветви...

Я заметил над дверью какой-то листок бумаги и подошёл поближе. Четвертушка тетрадного листа была прибита к притолоке четырьмя конскими гвоздями. Гвозди были новые, но уже покрылись тонким налётом ржавчины. Листок бумаги пожелтел. С трудом я прочитал выцветшую запись, сделанную простым карандашом:

«Дорогой сыночек! Если ты вернёшься, то мы в Кривце. Живы и здоровы, чего желаем и тебе.

Твоя мать Дарья Михайловна».

А внизу тем же почерком было мелко приписано: «И Зина».

Я рассказал своим спутникам об этой надписи, и все сразу умолкли. Шли, понуриив головы. У каждого из нас была мать, была Зина...

Я еще раз посмотрел на хату. Выбитые окна, выломанная дверь... Нет больше уютного жилья, его сожрала война...

22 августа. Вот уже семь дней мы живём на новом месте, в селе Малиново. Село большое и, как обычно в Орловской области, разбросано над оврагами и лощинами. Дома кирпичные, много покрытых железом. Почти при каждом небольшой сад.

Я живу в полутёмной, страшно сырой пристройке к хате, где свалена всякая рухлядь. Хозяин поставил мне кровать, похожую на Ноев ковчег, постлал соломы. Сверху я накрыл её плащ-палаткой, укрываюсь шинелью. Пишу на сундуке, а сижу на мешке с зерном.[...]

В Малинове осенью прошлого года были гитлеровцы. Старик письмоносец рассказывал мне, как грабили они колхозников, ссорясь между собой из-за добычи, как они увезли неизвестно куда председателя колхоза, и только весной, односельчане нашли во рву его труп с двумя ранами в голове. Я записал этот рассказ для газеты.

В селе остались одни старики да женщины. Девушки работают на строительстве военных дорог, а старики – в поле. Уже скосили рожь. Поля сразу приобрели по-осеннему унылый вид. На токах идёт молотьба. На одном конной молотилкой, на другом – цепами. Зерно провеивают, сдают государству.

Осень! Побурели головки клевера, пожелтели травы. Ромашка опустила лепестки, как птица подбитые крылья. Над полями проносятся огромные вороны стаи. Крапива потеряла листья, и высокие стебли её стоят, как камыши. А какой растёт везде чертополох и репейник! В человеческий рост и выше. [...]

25 августа. Внешне я совершенно здоров, но внутренняя боль не утихает. Стараюсь побольше работать, но и это мало помогает. Причина моего недуга проста. Где бы я ни был, что бы ни делал, невольно думаю о семье: «Неужели погибли?». Я видел много смертей, и сам не раз бывал близок к безносой, но, если узнаю о гибели родных, я вряд ли её перенесу. Хоть бы какой-нибудь намек на то, что они могли остаться в живых!..

30 августа. Вчера мы снова переехали на новое место – в село Бегичево, в трёх километрах от Красной Зари. Унылое село. Небольшие сады, Воду возят за три километра.

1 сентября. Сегодня первый день второй военной осени. Всю ночь лил дождь, а с утра светит солнце и дует холодный, порывистый ветер. В окопах сейчас сыро. Вероятно, бойцы вычерпывают котелками воду и сушат шинели.

В полях выросли скирды. Мало народу в деревне, но хлеб выходят убирать все. Сюда приехало из Ельца семьдесят женщин в помощь колхозникам. Одна из них – Галя – рассказывала мне, что первое время было трудно, но теперь они втянулись в работу. С гордостью она сказала, что вырабатывает в сутки по два-три трудодня на скирдовании снопов.

Вчера всю ночь и весь день далеко-далеко бухали пушки. Значит, идёт бой. Я очень хочу попасть на передовую. Но ехать мне сейчас нельзя, приходится вести почти всю работу по отделу армейской жизни.

[...] 10 сентября. 6 сентября, как всегда неожиданно, получил задание выехать на фронт. На попутной автомашине ехал до Верховья, оттуда на другой, а потом шёл пешком до штаба стрелковой дивизии. Шёл над извилистой рекой Юшевкой. Тихая, поросшая лозняком река с крутыми, очень красивыми берегами.

В штаб пришёл уже ночью, отдохнул и – в полк. Недавно первый батальон этого полка неожиданным налётом захватил разъезд Дишня. Наши бойцы сделали подкопы к немецким дзотам и без артподготовки ворвались в германскую оборону. По приблизительному подсчёту, гитлеровцы потеряли полтора батальона солдат. Тринадцать раз они ходили в контратаки, и каждый раз были биты.

Познакомился с командиром первого батальона Ибрагимовым¹. Он – лакиец. Был удивлён и обрадован тем, что я знаю лаков.

Повидался я почти со всеми участниками этой замечательной операции.

¹ Подробнее о нём и о ходе боёв за разъезд Дишня см. комментарии.

Поездка была удачной. Затратил мало времени, а материала привёз много.

27 сентября. 16 сентября я сидел и обрабатывал материал, привезённый из командировки. Неожиданно вошёл начальник отдела и сказал:

– Срочно выезжай в дивизию. Там будут операции.

Вместе с одним сотрудником нашей редакции я отправился в Россошное оформлять «прогонные и харчевые». Около часу дня мы услышали отдалённый рёв пушек. Значит, началось.

Пытались ловить машину, но в нужном нам направлении машины не шли. Поехали в поезде. Добрались до Верховья уже в сумерках.

Пошли на розыски ночлега. Забрели в какую-то хату. На нарах лежала привычная ко всему старуха. Шепелявя, она рассказывала:

– Где-то молодайка моя задевалась. А ноне бой, должно, был страшный. Аж тут все у нас трусилось. Дюже били пушки... Это что же – наши, что ли, пошли в наступление, ай он?.. Ага, наши! Господи, и когда же его побьём, окаянного!.. Были они у нас тут. Ох, и здоровы жрать. Все могут пожрать...

Не знаю почему, но рассказ этой старухи запечатлелся в памяти. Вероятно, безыскусственность его и окружающая обстановка способствовали этому.

Был ещё один замечательный момент в наших странствиях в этот вечер. Мой приятель ещё в дороге предупредил меня:

– В Верховье у меня есть дом, где можно остановиться. Живёт в нём небольшая семья.

Шли мы искать этот дом и никак не могли найти. Я ругал приятеля, а он ссылался на сумерки и снова продолжал поиски. Наконец, стоя у развалин какого-то домика, он заявил:

– Здесь!

Вошли туда. Разломанные сенцы. Выбитые окна. Опрокинутый стол посередине комнаты, осыпавшаяся с потолка штукатурка. Разбитый шкаф. Картина полного разрушения!

Товарищ стоял и горестно разводил руками:

– Смотрите!.. Ведь этот стол я помогал им вносить сюда. Вот этот шкаф стоял здесь...

Домика, маленького, уютного, больше не было. Его уничтожила война. А куда делись его обитатели, мы не могли узнать, да и не узнаем, возможно, никогда. Вот тема для рассказа!

12 октября. Снова пришлось сделать перерыв в записях.

Итак, мы остановились на ночлег в Верховье. Пришла «молодайка», пожарила нам мясо. Мы поужинали и залегли спать, а утром двинулись на Каменку. Пришли туда – тишина! Лишь вдалеке, у Дишни, грохотали пушки. Под Сутолокой уже вторые сутки во всё нарастающем темпе шёл бой.

Переночевали. Утром пошли на поиски батальона Ибрагимова. В длинной лощине, поросшей мелким лесом, гурдились под кустами люди. В ямах, накрытых ветвями, лошади жевали корм. В небе кружилась пара наших «Чаяк», а в стороне от них рычал «фокке-вульф». Где-то поблизости от нас рвались мины, грохотали разрывы снарядов.

Мы попали в ближний тыл наших наступающих войск. В санчасть батальона.

Врач с козлиной бородкой, часто заикавшийся, сказал нам:

– Уже м-ного пришло р-раненых...

Чувствовалось, что он сильно устал. Помогали ему две медсестры – Лида и ещё не помню какая-то девица, то ли Валя, то ли Галя. Работали они бойко. Принесли при нас одного помкомвзвода. Лицо у него было того неопределённого цвета, которым метит всех раненых и умирающих война. Под глазами и на крыльях ноздрей его лежала пыль. Он был ранен в грудь и в живот. Его перевязали, затем уложили под деревом в спальном мешке. Его знобило, и он не мог согреться даже чаем...

Пришёл один раненый в ягодицу. Его перевязывали, а он скрипел зубами и матом ругал немцев. Девушки спокойно говорили ему:

– Только ты не ругайся сильно, не надо...

Они привыкли уже ко всему, и к ласке, и к брани, и потому были так сдержанны и даже, казалось, безразличны. Потом

мы шли вдоль лощины, отыскивая командный пункт полка. Я заметил, что двое идущих нам навстречу людей широко улыбаются, но лица их не были мне знакомы. Один из них бросился к моему товарищу, обнял его и поцеловал.

– Это Пронин! – сказал товарищ. – Мы воевали с ним...

Среднего роста, краснощёкий, широкоплечий. Простое, весёлое русское лицо. Бинобль на груди, сумка с гранатами, противогаз – всё это казалось приросшим к телу Пронина. Говорил он «окая». Когда увлекался, хватал собеседника за плечи или стоя прикивал головой к его груди, отрывался и, глядя снизу вверх, громко хохотал... Он сразу же начал говорить мне «ты». Кого-то обругал, коротко и сочно, о ком-то сказал «молодчина». И я сразу поверил, что первый – сволочь, а второй действительно молодчина.

Вот таким явился перед нами работник политотдела бригады Пронин, о котором можно было бы написать целую повесть.

Пронин повернул нас назад.

– Никакого тут командного пункта нет. Все они сидят в окопе, на наблюдательном пункте... Вот тут рядом командный пункт одного батальона. Пошли туда. Что-нибудь перекусим, а потом пойдём воевать.

Пронин сбегал на кухню, поговорил с поваром и командовал нам:

– А ну, давай сюда!

У повара нашлось для нас немного супа и тушёного картофеля, и мы пообедали.

А Пронин уже снова говорил с поваром:

– Да послушай ты меня! Ведь это же автоматчики. Они сейчас со мной пойдут Сутолоку брать, а ты их кормить не желаешь!..

Он достал для автоматчиков хлеба, комбиджиров и картофеля. Бойцы поели и, улыбаясь, смотрели на Пронина.

– Ну, кто, орлы, со мной? – спросил он.

Желали идти с Прониным все. Но он отобрал только пять человек. Остальные пошли с другим командиром.

Мы шли по ложине над небольшим прудом, потом свернули к ходам сообщения.

Приблизились к знаменитой Дишне, блестяще захваченной Ибрагимовым. Здесь когда-то был разъезд. Возле железнодорожного полотна стояла будка, росли молодые ёлки. Будка сгорела, а ёлки были иссечены осколками. Весь участок земли был взрыт снарядами. Вдоль железной дороги проходили ходы сообщения. Кое-где торчали рельсы, и приходилось пригибаться, проходя под ними.

Я раза два ударился каской, послышался лязг металла, и мне показалось, что это осколки стучат по каске...

Поперёк рельсов стоял наш танк. Во время атаки он зацепился гусеницами за рельсы – гусеницы лопнули. Под танком возились танкисты, натягивали гусеницу, не обращая внимания на то, что немцы стреляли из пулемётов и миномётов.

Мины ложились прямо по ходам сообщения, которые местами были разрушены, местами углублены. Ходьба по дну траншеи могла бы сравниться с ходьбою по мехам гармоники: то вверх, то вниз. Гулко отдавались в земле выстрелы, звенели шаги. Идти пришлось долго, то пригибаясь, то держась одним плечом вперёд, и тело постепенно уставало всё больше и больше.

В одном из переходов я глянул в амбразуру направо: огромные валы колючей проволоки беспорядочно лежали в поле. Они были порваны нашим огнём. Кое-где виднелись рогатки, остатки немецких заграждений. Здесь же стояло штук пять наших подбитых танков, и у одного из них я опять увидел танкистов. Они копошились в небольшом окопчике, что-то прилаживая к своей машине. Танки должны были ожить. Их хотели вывезти ночью и сейчас готовили к этому.

Кто-то сказал нам: «Там дальше бьёт немецкий снайпер – вдоль кювета на пространстве метров в шестьдесят...»

Мы нырнули в кювет возле железной дороги и побежали. Впереди Пронин, затем я и мой товарищ, а за нами автоматчики. Вдруг засвистели пули немецкого снайпера. Мы упали, Пронина я сразу же потерял из виду... Вправо от меня лежал

убитый. Это был начальник боепитания, которого подстрелила здесь, в кювете, снайперская пуля...

Несколько минут я лежал, инстинктивно вобрав голову в плечи, затем посмотрел вперёд. Кювет, поросший кустами, тянулся далеко. По его дну валялись круги колючей проволоки. Впереди, слева, метрах в пятнадцати от меня, перерезая поперёк невысокую железнодорожную насыпь, шёл ход сообщения. На выходе из него появился боец. Щёлкнул выстрел, и боец, раненый в ногу, скатился вниз. Со стоном он пополз ко мне.

– Ложись, не двигайся! – крикнул я.

Оглянулся назад. Мой товарищ лежал, прижимаясь к правому борту кювета. Автоматчики, приподняв головы, пытались сообразить, где же немец.

– Ползи! – крикнул я раненому, видя, что здесь его пули не заденут.

Сзади нас, метрах в двадцати, поперёк кювета проходила невысокая насыпь. Пули били по гребню насыпи, но не пробивали её.

Налево, как раз над насыпью, перерезая железнодорожное полотно, тянулся второй ход сообщения. Он, как и первый, круто обрывался над кюветом. Чтобы попасть в него из кювета, нужно было проскочить по скату метра три совершенно открытого пространства, которое простреливал снайпер...

Вот появился наверху, в ходе сообщения, наш боец. Звонко хлопнула пуля возле него, а он, пользуясь моментом, пока снайпер перезаряжал винтовку, скатился вниз. Другой попробовал снизу проскочить вверх, в ход сообщения, но замешкался и упал раненый. Скоро в кювете появился и третий раненый. Мой товарищ помог ему перебраться в укрытие за насыпь, перескочил туда сам. А затем с автоматчиками и ещё одним раненым перепополз и я.

Сидя в укрытии, мы чувствовали себя не лучше. Здесь была полная возможность попасть под немецкие мины. Нам с товарищем это надоело, и мы решили подняться наверх. Мой приятель примерился к скату, быстро пополз по нему,

прыгнул и скрылся в ходе сообщения. Сейчас же звонко шлёпнула пуля. Снайпер бил разрывными.

Я минуты три сидел в кювете, зная, что снайпер сейчас напряжённо следит за тем клочком земли, который мне надо было пересечь.

Наконец я решился: прополз немного вверх и каким-то невероятным прыжком вскочил в ход сообщения. Сзади щёлкнула разрывная пуля, но уже впустую. Меня закрывала земля, – самое надёжное, что есть на свете.

Я прошёлся по ходу сообщения. Он был невелик. Та часть, что вела к нам в тыл, была завалена обрушившейся землей. Рядом лежали два убитых немца: один офицер со снесённым черепом, другой, вероятно, солдат... Кроме нас находилось человек пять бойцов и старшина из санитарного взвода. Они время от времени стреляли через амбразуры. Я встал возле одной из них. Заходящее солнце ярко освещало долину. Село Сутолока лежало перед нами метрах в пятистах. Все хаты в нём немцы превратили в дзоты. Прячась в этих укрытиях, они осыпали наши боевые порядки тысячами пуль.

Я взял брошенную немецкую винтовку. Под ногами и в нишах лежали сотни патронов. Я начал стрелять. Мои пули побеспокоили гитлеровцев, и те ещё яростней принялись отвечать нам из винтовок и пулемёта...

Долго стоять у одной амбразуры было опасно. Вскоре я перешёл к другой, продолжая вести огонь.

Так несколько минут бушевала эта перестрелка.

Надвигались сумерки. Над землей потянулись синие тени. Мы с товарищем собирались уходить, а Пронина всё не было. Уже после, вечером, встретив Пронина на командном пункте батальона, мы узнали, что он заскочил в ход сообщения, пробрался на наблюдательный пункт, всё ждал нас. Потом, узнав, что в кювете лежит кто-то убитый, одетый в новую шинель, он решил, что это я, и уже горевал. Но после всё разъяснилось.

Возвращаться обратно можно было только прежним путём. Снова нырнул в кювет мой приятель. Выждав некоторое

время, нырнул и я. По-прежнему бил снайпер разрывными пулями. Но мы были уже в безопасности. По ходу сообщения пошли «домой».

В одном из отсеков мы увидели танкиста. Он сидел, согнувшись, очень печальный. Разговорились. Он показал нам в сторону. Там стояла огромная подбитая «Матильда», а рядом с ней, словно прижимаясь к её плечу, застыла «Малютка».

– Вот стоит мой танк, – говорил о «Матильде» танкист. – Подорвался на минах. Я уже ползал туда, осматривал его... Всё погорело. И танк мой сгорел, и имущество...

Танкист добросовестно перечислял всё, что хранил он в «карманах» танка и что погибло теперь. Сам он в атаке не успел принять участие и потому особенно переживал неудачу.

– Вот сейчас станет темно, и я поползу к танку, – доказывал он. – Хоть сдохну, а его эвакуирую.

Мы выходили по извилистой траншее, с многочисленными ходами в стороны, ориентируясь по проводу, проложенному по дну. Вот и кончился ход сообщения, и мы оказались в тылу.

Снова зашли в санчасть. Теперь здесь было тихо. Раненых больше не подвозили. В землянке сидел врач, медсестры. Пришли майор-комбат, Пронин и комиссар батальона. Обменивались друг с другом впечатлениями о прожитом дне. Майор время от времени притрагивался пальцами к носу – там сидел маленький осколочек, рана, полученная в момент наступления, когда он вёл роту в атаку.

Вскоре боец привёл командира той роты, которую майору пришлось вести в бой. Командир этот в наступлении не участвовал. Трое суток просидел в своём блиндаже. Только один раз поднялся, начал двигаться вперед, но струсил и опять нырнул в блиндаж. Более того, он приказал одному из снайперов роты сидеть в блиндаже, углубляться в землю...

Вот он стоял перед нами – в каске, с пистолетом у пояса, с автоматом через плечо. При слабом свете лампы лицо его казалось землисто-серым. Глаза были неестественно расширены.

– Где вы были, когда я повёл вашу роту в атаку? – спросил майор.

Командир, стараясь быть спокойным, ответил:

– Шёл рядом с вами.

Снайпер, приведший командира, не выдержал. Стоя по команде «смирно», он сказал:

– Разрешите доложить, товарищ майор. Мой командир просидел трое суток в укрытии. Если бы он появился на поле боя, его убили бы сами бойцы, как труса...

Всё было понятно.

Его обезоружили и увели...

А ведь этот человек до боя постоянно критиковал действия других командиров. Он часто говорил:

– Вот если бы это поручили мне, я бы показал, как надо воевать...

Он любил обвинять других в трусости, в нерешительности, старался представить всех людьми, не имеющими ни достаточного опыта, ни достаточной стойкости.

18 октября. Только сегодня я нашёл возможность продолжить свои записи.

...В ту холодную сентябрьскую ночь мы долго сидели в землянке санитарного пункта. Пронин рассказывал анекдоты, остальные слушали и смеялись. Неподалёку с сухим треском рвались немецкие мины. С передовой доносилась частая винтовочная и пулемётная стрельба.

Спать я лёг под деревом на влажной, холодной траве. Расстелил плащ-палатку, укрылся шинелью и начал дремать... На заре высунул голову из-под шинели – вокруг было всё бело. Ударил первый мороз. И шинель и края плащ-палатки – всё было затянута слоем инея. Дубовые листья казались вырезанными из жести...

Выглянуло солнце. Небо стало бездонно-голубым, таким, каким оно бывает только в осеннее время. Травы сразу пожухли, обожжённые морозом, и даже листья на дубах пожелтели и начали падать на землю...

Мы сначала пошли к танкистам. Они жили рядом в хороших, крепких блиндажах. Замаскированные ветвями, стояли в котлованах танки вдоль опушки небольшой рощи, тянувшейся по ложине. Нашли комиссара, молодого парня в звании старшего политрука. Он пообещал нам организовать сбор заметок.

А вечером отправились в окопы на передовую, где нам хотелось разыскать Ибрагимова. Прошли по длинным ходам сообщения, попали в блиндаж, недавно отбитый Ибрагимовым у немцев. Меня встретил комиссар батальона:

– Нет у нас сейчас материала. И с бойцами не о чем тебе говорить. Видишь, сколько нас осталось, и знаешь, сколько полегло.

Ибрагимов сидел у стола над телефонными аппаратами и, как всегда, был спокоен, уравновешен. Но и он печально сказал:

– Что ж, бой был жаркий. Людей потеряли много... О чём же можно ещё рассказать...

Мы посидели ещё несколько минут и уже собрались уходить, но немцы начали бить из орудий по ходам сообщения.

– Сидите, – посоветовал нам Ибрагимов. – Я скажу, когда можно будет идти.

Мы сидели и ждали, пока прекратится огневой налёт. У двери блиндажа стоял молодой казах и пел казахские песни, а рядом грохали разрывы, каждую минуту снаряд мог упасть здесь. Казах пел весело, улыбаясь, постукивая по винтовке пальцами...

– Теперь вам можно идти, – сказал Ибрагимов, и мы пошли обратно по длинной сети ходов сообщения.

Ночью дул холодный ветер. Мы легли в небольшой землянке, завесив вход в неё плащ-палаткой. Казалось, что будет тепло, но ветер находил маленькие щели, продувал. В полночь я пошёл в землянку, где был санитарный пункт. Там топилась печка. На земле возле неё спал на мешке старшина. Склоняясь над печкой, дежурил пожилой санитар. Он дал мне место у печки, помолчал, а потом

– Как же там, под Сталинградом, дела теперь?

И, поясняя свой вопрос, добавил:

– Я сам-то сталинградский... Семья моя там, ни слуху об ней уже давно...

Так, разговаривая с санитаром, просидел я у печки часа два. Коленям было горячо, голенища сапог едва не дымились, но спина мёрзла от едкого холода.

Утром ветер усилился, полил дождь...

Я отправил в редакцию материалы о бое. После снова пошли с товарищем на передовую, в знакомый нам батальон. Там пришлось и заночевать.

Ночь стояла холодная, лунная. В небе урчали наши У-2: бомбили Сутолоку. Немцы отвечали из пулемётов трассирующими пулями. Вееры искр поднимались к небу. Но наши самолёты продолжали бомбёжку. Они сбрасывали свой груз, строчили из пулемётов и вновь уходили пополнять боезапас.

Подошёл «Борис Петрович» (так в шутку называли мы бронепоезд) и, прячась за лесопосадкой, открыл огонь по Сутолоке. Немцы начали отвечать, нащупывая бронепоезд.

А утром они решили провести артподготовку и перейти в атаку. Немцы били из автоматических пушек. Клубы белого дыма плыли над нашими окопами. Подготовка длилась полчаса. Потом началась демонстрация атаки. На окраине Сутолоки появилось пять тяжёлых танков, на них сидели автоматчики. Но едва прогремели первые выстрелы наших пушек, автоматчики прыгнули на землю и залегли, а танки поспешно скрылись...

В тот же день, 24 сентября, перед вечером мы вышли из Каменки в Верховье. Ночевали в Ворогушине, а утром я продолжал идти прежним путём по тракту Новосиль – Ливны, а приятель мой отправился в госпиталь добирать материал.

Что же представлял собою бой, свидетелем и косвенным участником которого мне довелось быть?

После того, как Ибрагимов удачным подкопом приблизился к разъезду Дишня, захватил его и одновременно занял командную высоту, немцы «ослепли», оказались под непрерывным

огнём наших стрелков и пулемётчиков. Укрепляясь в Сутолоке, немцы одновременно готовили контрудар по Дишне, ведя подкопы к батальону, которым командовал Сергеев.

Подкоп удалось заметить вовремя, но ударить по немцам, засевшим в нём, было нелегко. Они сразу же продвигались вперёд, укрепляли подкоп стрелковыми ячейками, минировали подходы к нему. По сути дела, это был кусок немецкой обороны, втиснутый в нашу.

Наше командование решило предпринять демонстративную атаку подкопа, прозванного «аппендицитом», и нанести удар по Сутолоке.

17 сентября в 12 часов 55 минут наша артиллерия открыла огонь по переднему краю вражеской обороны. Вслед за этим батальон Сергеева ударил по «аппендициту», но командир преждевременно сообщил, что ворвался в него; в действительности он натолкнулся на хорошо организованную оборону. Батальон лишился манёвренности и залёг.

Из центра нашей обороны по Сутолоке ударили танки с размещённым на них десантом автоматчиков. Один танк порвал гусеницы, едва оторвался от рубежа для наступления, и застыл на железнодорожном полотне у Дишни. Несколько танков подорвалось на вражеских минах и фугасах. Остальные добрались до Сутолоки и выбросили десант, но и десант и танки встретили очень крепкую оборону противника.

Батальон Ибрагимова (1-й), входивший в ударную группу, рванулся вслед за танками и пошёл вперед. Люди любили Ибрагимова; достаточно было одного его слова «Вперёд!», чтобы все поднялись в атаку, но начались огромные потери. Были тяжело контужены политрук роты автоматчиков Иванов и её командир Гаврилов, был ранен командир роты Борщевский¹, ворвался в немецкий ход сообщения лейтенант Блисковка² и погиб под вражескими гранатами. Роты начали терять связь друг с другом и быстро таяли.

¹ Сведения о нём см. в комментариях.

² Сведения о нём см. в комментариях.

Тогда второй батальон Мартынюка бросился на поддержку первому. Батальонам удалось подойти близко к Сутолоке, но выбить немцев оттуда они уже не имели сил. Начали закрепляться на достигнутом рубеже.

Бойцы Ибрагимова и Мартынюка решили лучше умереть, чем отдать врагу занятые позиции.

В последующие дни наши войска старались углубиться в землю. А танкисты по ночам ремонтировали и вытаскивали с поля боя подорвавшиеся на минах и подбитые танки. Некоторые машины вновь подрывались на минах. Один танк трижды ремонтировали под огнём врага, и трижды он подрывался. Наконец все танки были вытаснены.

Много потрудились в те ночи сапёры, извлекая вражеские мины с большой глубины.

Но настроение бойцов по-прежнему оставалось приподнятым. Ни потери, ни бессонница, ни холод, ни усталость не могли убить одного чувства и требования:

– Наступать!.. Наступать снова!

Не успел я возвратиться в редакцию, как получил новое задание: немедленно выехать для организации материала к специальному номеру, посвящённому снайперскому движению. Дали мне нашу машину, прозванную «антилопой».

К вечеру мы добрались до расположения штаба стрелковой дивизии. Здесь заблудились, налетели на свое минное поле. Машина едва не встала колесом на мину. Вот была бы потеха, если бы мы взлетели к чертям на воздух!.. Но ничего, пронесло!

Ночевать пришлось в кузове автомашины. Ох, и померзли же мы, я и шофёр. Утром еле разогрели мотор и кое-как добрались до места назначения. Машину я оставил в овраге, а сам пошёл в штаб полка, находившийся тоже в овраге, в блиндажах. Узнал, что завтра, 2 октября, во втором батальоне будет слёт снайперов.

Переночевал в блиндаже и отправился на слёт. Там я увидел прославленных снайперов Полковникова, Гармаша и других.

Особенно запомнился мне Михаил Полковников. Высокого роста, худой, гибкий, он оказался очень застенчивым. Лицо у него совсем юношеское, покрытое нежным румянцем.

– Уж вы пишете сами, что знаете обо мне, а я не смогу вам рассказать, – попросил он меня.

По характеру Гармаш – полная противоположность Полковникову. Буйный, разговорчивый, он несёт в себе много юмора, настоящей украинской хитрости. Не рисуясь, не преувеличивая своих заслуг, он подробно рассказывал мне о себе, не скрывая, что ему хочется попасть в печать...

Полковников сидел в президиуме слёта позади всех и выступать не стал, а Гармаш выступал и говорил так энергично, с таким юмором, что его часто прерывал громкий смех всех присутствующих.

Седьмого октября состоялся армейский слёт снайперов. Выступил командующий армией, после него член Военного Совета, а затем – снайперы. Полковников почти всё время простоял в коридоре и не выступал. Зато Гармаш и здесь чувствовал себя как рыба в воде. Он снова вызвал хохот присутствующих рассказами, как бьёт немцев, как думает их бить.

Я быстро накапливал материал, беседовал со снайперами, потом вместе с ними поехал на стрельбище.

Стреляли снайперы на различные дистанции в очень трудных условиях. Дул встречный ветер, солнце смотрело прямо в глаза, и они волновались, если не поражали мишеней.

А вечером начался концерт. Первыми выступили гвардейцы. У них хороший ансамбль, его тепло встретили все. С каким-то наивным восторгом следил один снайпер за тем, что делается на сцене, радостно улыбался всему и неистово аплодировал...

Возвращаясь домой 10 октября, я стал свидетелем интересного воздушного боя над станцией Хомутово. Два «мессершмитта» преследовали трёх наших «Чаек». «Чайки», громко урча моторами, уходили вглубь нашей территории. Чтобы увеличить скорость, они старались идти под углом к земле.

Один из «мессеров», набрав высоту, атаковал «Чайку». Он шёл, стреляя из пушки, на огромной скорости. Снаряды рвались под фюзеляжем «Чайки». Но наши летчики очень красиво держались всё время вместе, и, едва «мессер» подходил ближе, встречали его яростным огнём. Огромная скорость увлекала «мессеров» после каждой атаки далеко вперёд. Пока они пытались развернуться, «Чайки» снова приводили себя в боевой порядок и шли строем навстречу «мессерам», захватывающее зрелище! Немцам не помогло их превосходство в скорости и в вооружении. Они не смогли разбить строй «Чаяк» и начали поспешно уходить к себе. А наши дошли до того, что даже вслед за «мессерами» погнались!.. Хоть и не догнали, зато напугали.

Приехал я на Красную Зарю часов в двенадцать ночи.

Ну, думаю, не сидеть же здесь до утра. Пошёл в Бегичево. Ночь была тёмная. Двигался я на ощупь. Если твёрдо под ногами, значит, я на дороге, стало мягко – сбился. Так добрёл до оврага, что проходит возле Бегичева. Прислушался. Не слышно работы движка. Неужели, думаю, не печатают газету? Или я в другое село попал?..

Прихожу туда, где стояла типография, – пусто. Куда же они уехали? На квартире, где я жил до этого, сказали – в Шатилово. И я направился туда.

По количеству дворов Шатилово небольшое село; оно, как и все села Орловщины, разбросано по краям оврагов. Хата от хаты стоит далеко. Кирпичные стены, соломенные крыши... Во всех семьях много детей. Во всех семьях кто-либо на фронте.

16 ноября. Из Шатилова на передовую я пока что выезжал только один раз – с 25 октября по 1 ноября. Был в уже знакомом мне стрелковом полку.

Штаб полка расположился в овраге, в землянках, близ наполовину сожжённого немцами села Даменка. Утром, когда был сильный туман, я прошёл в штаб первого батальона, а оттуда в полковую роту ПТР. В ней я был ещё в мае или в начале июня и сейчас не надеялся, что кто-либо меня вспомнит.

Каково же было мое удивление, когда политрук роты Губарев сразу же узнал меня. Встретил я также гвардии сержанта Зайцева и других своих знакомых. Остался ночевать в роте. За разговорами незаметно прошла ночь. Немцы несколько раз предпринимали сильные огневые налёты. Глухо вздрагивала земля от разрывов тяжёлых мин и снарядов.

Утром я пошёл по ходам сообщения в боевое охранение к бронбойщикам, чтобы повидать отделение Иванова, подбившее из ружей два немецких танка.

Сидел в маленькой землянке и слушал, как бронбойщики рассказывали о бое, о том, что они переживали во время танковой атаки, как подбили танки. Возвращался я в штаб полка очень довольный, так как нёс целую подборку о бронбойщиках.

После ночёвки в штабном блиндаже отправился во второй батальон. Здесь надо было увидеть снайперов. Связной повёл меня в 6-ю роту, а оттуда по лощине и по ходу сообщения я с политруком роты пришёл на линию взводов. Немцев не было видно... Побеседовав с бойцом Малыгиным о том, как он и ещё трое наших воинов, находясь в боевом охранении, отбили атаку немецкого взвода, я направился в 4-ю роту. Командный пункт роты находился недалеко, но надо было пересечь один проклятый бугорок, весь пронизанный свистом пуль. Я шёл здесь один и прислушивался к выстрелам. Нашёл овражек, пошёл по его дну. Пули низко-низко стонали над головой, но я улыбался: «Врёшь, не видишь!» А когда, преодолев высоту, пришёл к командиру роты, он ахнул и начал ругаться:

– Кой чёрт вас носит здесь по бугру!..

И в 4-й роте удалось найти интересный материал, в частности о хорошем снайпере Кибякине¹. Кибякин рассказал, как он охотился на Кубани, как первое время его не хотели выделять в снайперскую команду. Теперь на его боевом счету – десятки уничтоженных гитлеровцев.

¹ Трофим Егорович Кибякин (родился в 1902 г.) в октябре 1942 г. был награждён медалью «За отвагу». Умер от ран 10 февраля 1943 г., был похоронен в д. Паниковец Колпнянского района.

Возвращался я уже в сумерках. Дошёл до оврага, где полагалось быть штабу батальона. Меня окликнул часовой, и я, уверенный, что попал по адресу, спросил у него:

– Где командирский блиндаж?

Оказалось – рядом. Вошёл туда и увидел, что угодил в какое-то другое подразделение. Пришлось рассказывать, кто я, как попал сюда. Выяснилось, что я – в гостях у миномётчиков. Смотрел, смотрел на одного, да и спрашиваю: «Вы не из Воронежа?» – «Да, – отвечает он, – из Воронежа. Учился на историческом факультете педагогического института имени Покровского». Мы не были лично знакомы, но у нас было о чём поговорить. Вспоминали институт, общих знакомых. Так я встретился с воронежцем – старшим лейтенантом Г-вым.

Меня угостили ужином. Я отоспался в тепле. А утром снова пошёл в 1-й батальон искать расчёт 45-миллиметровой пушки, подбившей пять вражеских танков. Здесь познакомился со всем боевым расчётом, с наводчиком Токмаковым... Они стояли на самом переднем крае. Отсюда хорошо были видны немецкие блиндажи, их проволочные заграждения.

Побывал также на дивизионном слёте снайперов, награждённых орденами и медалями. Рассказал комиссару дивизии о Кибякине, который присутствовал на слёте. Снайперу дали слово.

Во время речи Кибякина генерал-майор спросил его:

– А почему вы до сих пор не командир?

И тут же присвоил ему звание сержанта.

Я был рад этому, пожалуй, больше, чем сам Кибякин...

В редакцию я привёз около двух десятков хороших заметок...

Приехал я, чувствуя себя слегка простуженным. Вскоре пришлось ехать в Орево на конференцию шоферов. Ещё больше простудился. 6 ноября меня неожиданно вызвали для вручения медали «За боевые заслуги». Пока ждал торжественного собрания да возвращался в Шатилово, простудился ещё больше. 8 ноября выезжал в авиаполк. Оттуда ехал на неисправной машине с поднятым ветровым стеклом. Простудился окончательно. Кашель, хрипота, совсем лишился го-

лоса. Началась самая настоящая ангина, Вот и сижу «дома», никуда не выхожу. Хриплю и кашляю.[...]

20 ноября. Я все еще болен, никуда не выхожу, живу только тем, что пишут в газетах да рассказывают мне мои товарищи. Скучно без движения, но придется побыть «дома» ещё несколько дней. С трудом восстанавливается голос, горло болит сильно, мучает кашель.[...]

29 декабря. После долгого сидения в редакции я выехал 17 декабря на передовую. Добрался до Русского Брода колёсами, а оттуда пешечком до Стрелки. [...]

1943 год

Дорога на Орёл

3 января. Вот и минул старый год, пришёл новый. По традиции я пытаюсь подвести итоги прожитому. Впрочем, кажется, всё, что следует вспомнить, о чём думалось, записано в этой тетради...

Вероятно, я уже привык к войне, потому что плохо представляю себе инобытие, и, когда приходят письма от старых знакомых, я уже плохо чувствую пространство и время, отделяющие нас. [...]

11 февраля. Больше месяца я ничего не записывал в эту тетрадь, и не потому, что не о чем было писать, а потому, что не было времени.

9 февраля выехал в командировку в 894-й стрелковый полк. Прибыл на станцию Верховье поздно и решил заночевать в 1-м батальоне 887-го стрелкового полка, где у меня были знакомые командиры. Пришёл в штаб, но ни Онегина (замкомбата), ни самого комбата Косинского «дома» не оказалось. Уже около полуночи пришёл с какого-то совещания Онегин, тотчас же организовал незатейливый ужин, спать меня уложили в отдельную постель. Ей-богу, трогает такая забота, такое внимание, которое найдёшь не у каждого. Но люди, побывавшие на фронте, как говорится, хлебнувшие горя, знают всему этому цену. И рано утром, когда я собрался на розы-

ски полка, ни майор Косинский (прошлый раз, под Новый год, я видел его ещё капитаном), ни Онегин не отпустили меня на тощак, накормили сытным завтраком.

В штабе 887-го полка мне сообщили, что штаб 894-го расположен на хуторе Миллионный. Я вышел на вокзал, и бойцы, стоявшие у пакгауза с парой лошадей, сказали мне: «Так это далеко...» Выяснилось, что они поедут в том же направлении и могут довести меня.

Начиналась метель. Дул порывистый ветер, и снег быстро заносил дорогу. Лошадям трудно было идти. Следом за нами двигалось ещё двое саней. Километрах в пяти от Верховья к нам подседа пожилая женщина с мальчиком лет двенадцати. Пожилая говорила всё время плачущим голосом, и я узнал, что её дочь работает в Верховье, что она носила ей картофель и другие продукты. Шла всё время пешком. Но вот увязался за ней сынишка, а теперь он озяб и, чего доброго, заболееет. А я смотрел на эту женщину и думал: вот она русская мать со всеми наивными хитростями, с великой заботой о детях, привыкшая к трудностям.

Неожиданно женщина вздохнула и сказала с непередаваемой тоской:

– И когда этого людоеда побьют!

И я понял, что то, о чём она говорила, что, казалось, заполняло всё её существо, не было главным. Всюду она несла свои подспудные мысли о войне, ждала её конца.

Заехали в какой-то хуторок, обогрелись в хате и снова тронулись в путь, Дорога исчезла, видимость стала ничтожной. В снежном вихре ничего не рассмотреть. Теперь мы ехали одни, потому что двое других саней остались в хуторе. Кони шли по снежной улице, задыхаясь, тяжело хрипя. Неожиданно в метели возник ещё какой-то хутор. Лошади двинулись в объезд огромного оврага, а я и ещё двое пошли через овраг. Лошадям надо было дать передохнуть, да и хотелось согреться самим. Потом мы снова ехали, пока мне не сказали: «Вот там Миллионный...»

Отыскав полк, я побывал в одной стрелковой, затем в пулемётной ротах. Люди здесь жили в хатах, некоторые в землянках, и, скажу прямо, в землянках мне показалось гораздо теплее, чище и, я бы даже сказал, уютнее. Возможно, сказывается в моих привычках и взглядах некоторая романтизация всего, что связано с суровой фронтовой обстановкой. Запомнилась мне хата, где размещались расчёты взвода станковых пулемётов. Она была маленькая, прокопчённая. Номера спали на грубо сколоченных нарах. Здесь же стояли два пулемёта, укрытые чехлами. Вся забота и внимание бойцов были обращены на оружие.

Простые, немного грубоватые люди уселись за стол и при свете коптилки начали писать заметки в газету о своём опыте. Каждый из них имел открытый боевой счёт. Здесь, на отдыхе, искусство воина могло показаться лёгким, не таящим ни опасностей, ни риска. Человек, незнакомый с фронтом, слушая рассказы пулемётчиков, мог бы подумать, что сразить врага очень просто, что фашистские солдаты, как бараны, ходят стадами и ждут, когда их начнут убивать... Но в этих рассказах не было хвастливости. Просто каждый из скромности слишком упрощал сделанное им.

Мне вспомнилось, как под Новый год я ездил к участникам боёв под Сутолокой. Они также говорили в насмешливом тоне о своих делах, как бы забыв тот страшный бой, свидетелем которого был я. И я подумал, как стоек наш советский человек перед лицом самых невероятных трудностей, как хорошо, что он умеет отыскивать даже в трагическом жизнеутверждающее начало...

В Миллионном я прожил дня три-четыре, потом решил пробираться в другой полк, находившийся очень далеко. Сначала побывал в Никольском, в политотделе дивизии. Там узнал, где расположен штаб полка, и, не отдохнув, тронулся в путь.

Прошёл большое-большое село Пьявочное, затем – Косарево, которое тянется километров на пять. Село сожжено было немцами ещё в 1941 году. Унылое и тяжёлое зрелище. Я оглядывался по сторонам и искренне радовался, когда за-

мечал хоть мало-мальски уцелевшие хатки или же отремонтированные нашими бойцами.

От Косарева я должен был дойти до села Крутиловки. Мне сказали, что это недалеко, но наступили сумерки, я шёл наугад и, конечно, сбился с пути, забрался в какой-то овраг. Вышел по тропинке, надеясь, что приведёт же она куда-нибудь. Меня догнала группа бойцов, шедших с занятий. Выяснилось, что инстинктивно я держался правильного направления. Ещё полчаса пути, и я уже сидел у зам. командира полка по политической части, разговаривал с майором Мергелем – человеком, о котором можно было бы написать хорошую повесть.

Днём собирал материал у сапёров. А на следующий день пошёл во второй батальон, где до этого не был ни разу, хотя многое слышал и знал о нём по предшествующим боям.

С любопытством я присматривался к людям – к командиру батальона старшему лейтенанту М., – человеку среднего роста и довольно плотному, который вместе с тем жаловался на нездоровье; к старшему адъютанту, совсем ещё молодому парню, которого все звали Иваном Ивановичем. Последний, в отличие от своего командира, нёс в себе огромный заряд романтики. Но именно той вздорной романтики, которая мешает делу. Он начал читать мне письмо к какой-то девице, преисполненное намеками на шестилетнюю любовь. Письмо заканчивалось фразой, которая, вероятно, по мнению Ивана Ивановича, звучала страстно и уничтожающе:

«Впрочем, разве ты могла тогда польститься на скромные петлицы курсанта, если тебя окружали шпалы!»

Иван Иванович спросил: «Ну как, здорово?» Мне ничего не оставалось ответить, как: «Весьма здорово, лучше, чем в романах». Он остался доволен.

Только замкомбата старший лейтенант Кадария, с которым я познакомился ещё под Дишней, всё время оставался серьёзным. Его мысль работала в нужном направлении. Он думал о том, как бы лучше обучить людей воевать, как бы луч-

ше организовать окопный быт. У меня создалось такое впечатление, что этот молчаливый грузин держит весь батальон.

Вскоре в штаб пришли командиры, артиллеристы. Оказалось, что я попал сюда кстати – в ночь батальон должен был выступить в учебный поход. Вместе со всеми я напряжённо ожидал боевого приказа. Но прошла ночь, наступило утро, а приказа не было. Наконец часа в два комбат вновь собрал командиров рот, артиллерийских командиров и поехал километров за пятнадцать на рекогносцировку. Теперь я узнал, что учение по теме «Бой в глубине обороны противника» было перенесено на сутки позже.

Пользуясь временем, оставшимся до похода, я пошёл за материалом к артиллеристам. Особенно интересные факты получил от артиллерийского наблюдателя Баранова. Он действительно виртуоз своего дела: по копоту на снегу он находит амбразуры вражеских дзотов, находит дзоты по инею на кустах, по еле заметным следам, по ряду примет, доступных только его глазу.

Много увлекательного рассказывали артиллеристы противотанковых орудий о стрельбе прямой наводкой, о том, как смело и дерзко они налетали на гитлеровцев из засад, как били по их дзотам. Я был доволен материалом, собранным здесь.

Часов в 9 вечера началось построение батальона и в 10 красноармейцы длинной вереницей двинулись в ночной поход. Ночь стояла лунная, с лёгким туманом. Все двигались в белых маскировочных халатах. Я тоже шёл в маскхалате, надев его поверх шинели.

Вдали чернелось головное охранение. По сторонам неслышно скользило на лыжах боковое охранение. По узкой заснеженной дороге шли бойцы батальона. Я немного отстал, затем прошёл вдоль всей колонны. Настроение, суди по отрывочным репликам, у всех было хорошее. Шутили, радовались походу, порою беззлобно матерились миномётчики, тащившие на лыжах минометы, тяжёлые ящики с боеприпасами. Где-то слева гроыхнули выстрелы, и командир батальона

встрепенулся: «А чёрт его знает, может, какая-нибудь сволочь и бьёт по колонне!» Но пули летели где-то стороной.

Дошли до деревни Кресты. У входа в неё стояли опушенные инеем деревья. Красиво выглядела деревня, но ночевать здесь трудно было устроиться. Бойцы потянулись поротно на розыски хат, а комсостав устроился в одной домишке, где едва нашлось место сесть. Так досидели мы часов до трёх, а потом – снова в путь к селу Соколье, которое предстояло «брать боем».

Теперь идти было труднее. Луна зашла, дорога здесь была хуже. По сторонам полыхали огромные костры: это грелись у зажжённых ометов соломы проезжающие трактом Новосиль – Ливны. Перед рассветом мы вышли на исходное положение для «наступления». Роты приняли боевой порядок, залегли в снегу. Дул резкий, порывистый ветер, проникавший под кожу, крепчал мороз. А мы лежали в снегу, ища в нём защиты от ветра.

В 9.00 началось «наступление». Люди двигались большой дугой, охватывая село. Раздались глухие взрывы. Это сапёры подрывали толовые шашки, а артиллеристы били боевыми снарядами по площадям. Вот цепи рванулись вперёд, докатилось отдалённое «ура», и всё исчезло за холмом. Иван Иванович, олицетворявший КП батальона, решил проверить телефонную связь с наступающими, но она оказалась прерванной, и только потому, что в телефонных аппаратах замерзли элементы. Мороз был такой, что у многих остановились ручные часы.

Увязая в глубоком снегу, я вместе с Иваном Ивановичем пошёл в Соколье. «Бой» шёл уже у посёлка Красная Заря, расположенного за неширокой рекой, на пологом берегу. С высокого берега (метров пятьдесят) люди казались игрушечными. Они лежали на снегу и вели перебежки, всё ближе и ближе подбираясь к посёлку. Артиллеристы послали ещё два боевых снаряда впереди наступающих. На снегу обозначились тёмные звездообразные пятна.

Но вот взвились зелёные ракеты.

Маневры закончились!

После состоялся подробный разбор учений. А когда все начали разъезжаться из Сокольего, я направился пешком к Крушиловке. Пришёл уже на закате, немного обморозив подбородок.

Радостно встретил я здесь своего товарища по газете Р-ова. Он искал меня во всех батальонах и теперь тоже обрадовался, увидев меня. Ночевали мы вместе в хате, где жил Ибрагимов, ставший помощником командира полка. А утром после завтрака я, распрощавшись с Р-овым, двинул на станцию Хомутово.

Так отмахал я за время этой командировки километров полтора на своих ногах. Заметил, что от ходьбы я устаю мало, хоть ходить приходится очень много. Значит, втянулся я в ходьбу, во все лишения походной жизни.

...Прошло дней пять, как я возвратился в редакцию и получил новое задание: выехать в Елец выпускать газету.

Елец жил законами прифронтовой жизни. В городе есть электросвет, но он идёт лишь в учреждения и на производство. Бывает так, что на электростанции не хватает топлива и свет гаснет. Плохо работает водопровод. В домах всюду стоят железные печки.

Работать мне пришлось в тяжёлых условиях. Сначала не было для нас печатной машины, потом были перебои с электричеством, и я совершал ежедневные походы в редакцию то «Орловской правды», то «Курской». «Курскую правду» печатали всё время для оккупированных районов Курской области. В газете публиковалось много интересных материалов, поступавших из немецкого тыла от партизан и от жителей области.

Там, в тылу у немцев, тоже издавались листовки. Я видел специально оборудованные для партизан типографии. В небольшом чемодане размещалась наборная касса с корпусом и заголовочными шрифтами, в другом – «карманная» печатная машина. Мне рассказывали, что одно время партизаны печатали листовки на берёзовой коре, склеивая вдвое её тоненькие листики. Так вышли из положения, когда не было бумаги.

«Курскую правду» раскладывали в пачки по две тысячи экземпляров, грузили в самолёт и отправляли в область. Там её распространяли среди населения тайно от оккупантов.

Во всём этом было много интересного, здесь веяло духом войны, чувствовалась напряжённая деятельность курян.

...Неожиданно приехал секретарь редакции с сообщением: я должен срочно ехать на передовую, наша армия начала наступление. Известие меня обрадовало, и я поспешно начал собираться в путь. Не терпелось! Как долго все мы ждали этого дня, как много думали о нём. За сутки я добрался до Русского Брода. На фронт! На фронт!

7 апреля. Долгое время я не брался за свой дневник. Некогда было возвращаться к личным думам и настроениям. Шло наступление. И днём и ночью сотрясались земля и небо от канонады, и этот грохот заглушал все иные шумы. Но вот уже более месяца как на фронте тишина. Мы вновь заняли оборону. Можно взяться и за дневник.

[...] 1 февраля наши части начали ломать немецкую оборону в районе села Высокое и в районе Ливен. Удалось совершить небольшой прорыв, потом был предпринят через этот прорыв удар по ближним тылам противника, и наши войска с боями подошли к крупному районному центру Дросково...

После я видел участок прорыва и мог составить некоторое представление об оборонительных сооружениях немцев на этом участке.

Ещё в ноябре 1941 года немцы начали создавать узлы сопротивления и опорные пункты. Они захватили высоты, с которых могли вести наблюдение на десяток километров. Подступы к своей обороне они густо заминировали. Я шёл через пояс минных заграждений глубиной километров в пять-шесть. За ним тянулась линия малозаметных препятствий и спотыкачней – на невысоких колышках висела, колючая проволока. Ещё дальше шли проволочные заграждения и система дотов и дзотов, могущих своим огнём прикрывать весь участок, который сами немцы называли Дросковским узлом сопротивления.

...В командировку впервые после Ельца я направился 15 февраля. На политотдельской машине мне удалось добраться до села 1-е Никольское, где помещался политотдел армии. Ехали мы всю ночь. Мела пурга, и снегом заносило дорогу. Мы подвигались очень медленно, иногда обгоняя попутные машины, иногда дожидаясь встречных.

Под селом Александровкой неожиданно увязли так, что машину едва вытащили на плечах. Решили дожидаться утра и остановились в одной избе. На «конике» лежала старуха, на печи храпел старик. В избе, большой, просторной, было сыро и холодно. Маленькая коптилка придавала жилью ещё более угрюмый вид.

Все уселись на скамьях, а я, не раздумывая долго, нашёл небольшой пучок соломы, растряс его на земляном полу и лёг, завернувшись в шинель. Помню; как с ужасом спросил меня переводчик:

– Что ты делаешь?

– Спать ложусь, – спокойно ответил я и внутренне улыбнулся. Переводчику, только приехавшему к нам в армию, казалось невозможным уснуть на земляном полу без подстилки, а я лишь подумал: «Эх ты! Помотаешься с нами немного, по-другому будешь смотреть на такие вещи».

Впрочем, через полчаса и остальные, как миленькие, улеглись на полу и, вероятно, даже завидовали, что мне достался лучший угол.

А утром двинулись дальше. В 1-е Никольское приехали, когда прошёл лёгкий снегопад и началась оттепель.

Село большое. Оно тянется вдоль оврага. И, что удивило нас, мы не заметили в нём ни следов пожаров, ни следов разрушения. «Почему?» – подумал я, вспомнив жуткие картины разрушенного немцами Донбасса. Ответ был простым: гитлеровцы отступали здесь настолько поспешно, что не успели вывезти даже своё имущество. Но над населением они поиздевались вдоволь.

Весь день 16 февраля я пробыл в политотделе. Перечитал все акты о фашистских зверствах, просмотрел политдо-

несения и написал две статьи для газеты. К ночи в хате стало тесно, все сотрудники политотдела и работали и спали здесь.

Спали все вповалку, а я с двумя парнями устроился на печи, но там жара оказалась невероятная. Обжигая бока, обливаясь потом, я кое-как выпался, а утром вместе с двумя работниками политотдела пешком направился в гвардейскую дивизию, штаб которой расположился в соседнем селе.

Падал липкий, мокрый снег. Он уже скрыл следы боя, но местами всё ещё заметен был налёт пепла. Окраина села оказалась сильно побитой снарядами. Здесь же мы увидели ряд пепелищ. Немцам удалось поджечь несколько хат.

Мы встретили одного крестьянина, и я спросил у него:

– Это дорога на Смирные?¹

Тощий, оборванный крестьянин посмотрел на меня и, лишь помедлив, ответил:

– Да, да!..

Крестьянин, видимо, всё ещё не мог привыкнуть к возвращению своих, у него выработался рефлекс осторожности. На перекрёстках дорог стояли надписи только на немецком языке, валялись ящики тоже с немецкими надписями.

В селе Моховом² гитлеровцы пытались оказать сопротивление нашим бойцам. Они навалили возле хат много мин, снарядов и патронов, но организовать сопротивление им не удалось. Наши части охватили село с флангов, и фашисты, бросив всё, бежали в Смирные.

Мы отдыхали в Моховом в одной из хат. Старик, живший в хате, был человек толковый. Он долго говорил с нами о нашем маршруте, великолепно ориентируясь на местности, помня всё, даже мельчайшие деревеньки. О себе и о немцах он говорил скупо.

¹ В тот период – село в Дросковском районе, в 15 километрах к юго-западу от Дросково, в настоящее время – территория Покровского района.

² Это не село, а небольшой посёлок в Дросковском районе, ныне – в составе Покровского района, в пяти километрах к северо-западу от села Смирные; автор дневниковых записей все сельские населённые пункты называет сёлами, но среди них гораздо чаще имелись деревни и посёлки.

– Придут, бывало, и все кричат: «Пан, пан!», а какой я пан? Больше всего фрицы боялись «катюшу». Это, говорили они, злое дело...

Пошли дальше, всё к тем же Смирным. Двигались по санному следу, опасаясь, что под нетронутым снегом могут оказаться мины. В одном месте наткнулись на «снеговую» оборону наших войск. Лунки в снегу, огороженные снежными плитками, нарезанными лопатой, указывали на то, что здесь лежали наши бойцы перед самой атакой.

А через какую-то сотню метров у дороги чернели трупы гитлеровцев. «Завоеватели» лежали на холодной и неприветливой русской земле. А вблизи стояла разбитая немецкая пушка. Дорогу расчищали женщины и подростки. С радостным любопытством они рассматривали нас...

Перед Смирными тянулись немецкие окопы и длинные валы спиралей Бруно. Одна девушка, из числа чистивших дорогу, указала на спираль и крикнула:

– Это они от наших отгораживались, а наши все равно обошли!..

Смирные – большое село, но немецкий гарнизон в нём был маленький. Гитлеровцы слишком уверовали в свои силы и не ожидали, что мы сможем ударить им в тыл. А потом не выдержали, по своей привычке бросили всё – и бежать. Бежали и их прихвостни – полицаи, старосты¹.

Причём, иногда самым комичным образом. Так, староста села Васильевки уехал верхом на... корове!

Только 18 февраля, часов в девять вечера, мы добрались до села 2-я Зиновьевка².

Утром я осмотрел село. Оно носило следы недавнего отступления немцев. Два огромных автобуса, напоминавших

¹ Это не совсем так, потому что за село Смирные был сильный бой, согласно документам штаба Брянского фронта, 137-я стрелковая дивизия, пытавшаяся освободить село 12 февраля 1943 г., сделать этого не смогла, и только во второй половине дня 13 февраля гитлеровцы были выбиты из Смирных, с нашей стороны имелись серьёзные потери.

² Населённый пункт на территории Покровского района, в 12 километрах к юго-востоку от райцентра.

торговые ларьки, стояли посредине села. Рядом совершенно исправный мотоцикл, заправленный горючим.

Вдоль улиц валялись снаряды, мины, в огромном количестве патроны...

Поразительное зрелище увидел я между Барковым и Фёдоровкой³. Гектара полтора было покрыто обломками железа, обгорелой бумагой, тряпьем. Черным налётом покрыт был здесь снег. На дороге – обломки сожжённых автомашин.

Это поработала «катюша»!

На этой же дороге лежало пять человек в одежде наших командиров. Знаки различия у них были сорваны, карманы выворочены. Они лежали вереницей на расстоянии метров двадцати – тридцати друг от друга. У всех над правым глазом была аккуратная дырочка – сюда вошла пуля.

Вероятно, это были пленные командиры, и немцы постреляли их в момент отступления⁴.

Пока мы шли, издали доносились гул немецких самолётов и тяжёлые разрывы авиабомб. Немцы непрерывно висели в воздухе и бомбили дороги и сёла. Мы увидели свежую кровь на снегу, воронки, трупы лошадей. Два раза над нами очень низко проходили вражеские самолёты, и мы инстинктивно опускали головы, хотя знали, что уж колёсами-то они нас не зацепят.

Особенно яростно гитлеровцы бомбили большую дорогу на Змиёвку – Орёл, где всё время шли наши войска, и ночью и днём. К счастью, жертв здесь было мало...

20 февраля мы наконец-то, уже вечером, добрались до большого села Алексеевки⁵. Разыскали штаб гвардейской дивизии⁶. Большая хата. На столе коптилка. У двери телефонисты, в углу радист. Он всё время повторял:

³ Соответственно – деревня и село в Покровском районе, в 8 и 12 километрах к югу от райцентра Покровское.

⁴ Прискорбно, что спустя три дня после освобождения этих мест тела погибших советских командиров оставались непогребёнными.

⁵ Покровский район, в 20 километрах к западу от райцентра.

⁶ Штаб 6-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием генерала Филиппа Черокманова, будущего Героя Советского Союза; воины дивизии освободили

– Я – «Озеро», я – «Озеро»... Как слышите, как слышите? Отвечайте, отвечайте. Приём, приём.

Радист устанавливал связь с полками, ведущими в это время бой. И, глядя на радиста, слушая его спокойный голос, никто не смог бы представить, что происходило в пяти километрах.

А происходило вот что:

Дивизия совершила прорыв на узком участке фронта и была километрах в двенадцати от станции Змиёвка. Разведчики уже видели и станцию, и поезда. Но соседние дивизии несколько отстали, и немцы, воспользовавшись этим, создали угрозу окружения. Гвардейцы дрались отчаянно и, когда боеприпасы кончились, пустили в ход трофейное немецкое оружие. Но немцев было больше. Они наседали со всех сторон. А тут прилетели германские самолёты и подвергли боевые порядки дивизии сильной бомбардировке. Особенно они охотились за артиллеристами. И всё же гвардейские полки выстояли. Они прорвали образовавшееся было кольцо и, отбивая натиск врага, переходили в контратаки¹. Село Нагорное², расположенное в пяти километрах от Алексеевки, несколько раз переходило из рук в руки. Отступая, гитлеровцы подожгли его, и оно горело всю ночь.

Я спросил у замкомдива по политчасти, какое положение сейчас в Нагорном, и он сказал:

– Фашисты выбиты из села, и один из наших полков держится там на занятых рубежах. Советую вам пойти туда.

И я пошёл в Нагорное.

Мороз стоял крепкий. Под ногами хрустел снег и звенел лёд. В вышине светила луна. Тут и там виднелись огромные воронки от бомб и снарядов.

Алексеевку 15 февраля 1943 г.

¹ К сожалению, вырваться из окружения в районе деревни Степановка Свердловского района удалось не всем, часть бойцов и командиров 6-й гвардейской стрелковой погибла, а 30 человек, согласно «Спискам безвозвратных потерь», 18 февраля оказались в числе пропавших без вести.

² Территория Свердловского района, так населённый пункт был обозначен на военных картах, второе, более популярное у местных жителей название, – деревня Миловка.

Сапёры чистили полевую дорогу, сбрасывая с неё толстый слой снега. Навстречу мне шли раненые. А вдали догорало Нагорное. Сзади меня и впереди раздавались орудийные выстрелы – били по врагу наши пушки. Снаряды трассировали в воздухе, удаляясь, подобно хвостатым кометам.

Впереди глухо заворчал танк, он шёл навстречу. Потом я увидел людей. Они строили поперёк дороги снежный вал.

Меня остановил автоматчик:

– Братишка, посмотри, что у меня со спиной!

Он рассказал, что мина взорвалась у него позади, и он почувствовал, как осколок ударил в спину.

Он начал снимать белый халат, на котором не было заметно дырки. Не было её видно и на овчинной тужурке, и я уже начал убеждать автоматчика (он был командиром автоматной роты, старшим лейтенантом), что он ошибся, что раны у него нет. Но вот он обнажил спину, и я увидел ниже шеи, левее позвоночника, рану. В неё свободно прошёл бы мой мизинец. Но кровь не текла, ее забил осколок. Я понял – это очень тяжелая рана. Осколок попал косо и, возможно, задел позвоночник.

– А куда ты идёшь? – спросил меня автоматчик.

– В Нагорное.

– Да там ведь немцы. Наши все вышли оттуда.

Оказалось, что немцы снова ворвались в Нагорное.

Полк спешно строил вал поперёк дороги. Мне здесь больше нечего было делать, и я пошёл с автоматчиком назад в Алексеевку...

Заглянул в штаб дивизии. Дежурный подтвердил, что обстановка в Нагорном не изменилась.

Прошагав ещё километра три в село Бобровку³, где размещался политотдел дивизии, я передохнул там немного, а на следующее утро направился в штаб полка⁴, который сражался за Нагорное. Штаб находился в той же Алексеевке. Как и в других хатах, здесь было полным-полно. Готовилось но-

³ Покровский район, населённый пункт в 6 километрах к востоку от Алексеевки.

⁴ 4-й гвардейский стрелковый полк 6-й гвардейской стрелковой дивизии.

вое наступление. Командир ставил полку задачу. Предполагалось, что сначала пойдут брать Куракино¹, чтобы ударить затем по Змиёвке слева.

Чуть позже побывал у командира танковой бригады подполковника Б². Прихрамывая, он ходил по хате, опираясь на палку: позавчера в Нагорном разбили танк, в котором он ехал. И теперь переживал потерю машины.

Побывал и в стрелковом полку, которым командовал подполковник с громкой фамилией Лев³.

Льва я нашёл в маленьком, хорошо сохранившемся доме, где раньше была не то какая-то ферма, не то МТС. Он завтракал. Лев невольно заговорил о прошедших операциях. В оценках был резок и прямолинеен. Чувствовалось, что он находился под впечатлением пьесы Корнейчука «Фронт», которую прочёл перед этим, и потому прибежал к некоторым параллелям.

Отсюда я пошёл в село Вольный Труд⁴, километрах в двух от Алексеевки, чтобы взглянуть, что делается там. В это время в воздухе послышался гул моторов, и появилось сначала восемь, затем ещё десять «юнкеров». Они шли по кругу над нашей прифронтовой полосой, держа высоту метров восемьсот. Затем начали пикировать. Я хотел понять тактику гитлеровских летчиков. Они бомбили так: первый самолёт пикировал и сбрасывал бомбы, второй пикировал, но бомб не сбрасывал, третий бомбил, четвёртый – нет, и так до последнего. Затем начали бомбить те, которые раньше только пикировали, а отбомбившиеся – пикировали. Смысл этого манёвра был прост: как можно дольше продержаться в воздухе, создать панику, рассеять наши боевые порядки.

¹ Железнодорожная станция в Свердловском районе, в 12 километрах к югу от Змиёвки.

² Это был 42-й отдельный танковый полк под командованием Александра Баранова, впоследствии – полковника, умершего от ран 14 октября 1943 г.

³ Здесь автор пропустил слово «гвардейский», потому что Борис Лев, будущий Герой Советского Союза, командовал 4-м гвардейским стрелковым полком, тем самым, что сражался за Нагорное.

⁴ Территория Свердловского района, ныне – несуществующий населённый пункт.

Сбросив бомбы, самолёты начали отрываться от строя и в одиночку обстреливать из пулемётов даже отдельных людей.

Я в этот момент лежал на снегу лицом вверх и думал: если рядом трахнется бомба, так уж лучше принять смерть, встретив её лицом к лицу...

Неподалёку от меня на дороге остановилась подвода. Ездовой упал в снег рядом со мной, а лошадь, понуря голову, осталась неподвижной. Один из фашистских лётчиков, видимо, хотел расстрелять лошадь. Он бросился к нам, опустил низко и начал бить из пулемёта. Пули свистели и ложились рядом с нами. Лётчик ярился, все ожесточеннее и ожесточеннее «атаковал» лошадь, но пули не задевали её. Лошадь по-прежнему стояла спокойно. Наконец немец выдохся, запас патронов у него иссяк, и он повёл свой самолет вслед за остальными.

Характерно, что пикировщики не имели прикрытия. Ни один истребитель не сопровождал их в этот день. Это значит, что немцы шли на бомбёжку, надеясь, что не встретят наших истребителей. Но откуда такая самоуверенность? Или, может, они рассчитывали исключительно на огневую силу «юнкеров»? Так в этом они ошибались, им помогла только внезапность.

На другой день, проходя по селу, увидел, что возле большого дома выстроились красноармейцы. Решил узнать, что там за подразделение, вошёл в дом, и первым, кого я увидел, был Губарев.

Я обрадовался, вновь встретив его, да и он обрадовался не меньше. Начались расспросы: «кто?», «что?», «где?», «как?»...

Оказалось, что перед наступлением Губарева назначили заместителем командира лыжного батальона, а когда командир был ранен, Губарев принял командование на себя.

Дрался батальон хорошо, потери имел небольшие. Прошёл он около полутора-два километра и занял 15 населённых пунктов.

Первый бой с немцами батальон завязал под Новоивановкой⁵. Задача у него была такая: перерезать шоссе на

⁵ Деревня в Дросковском районе, в 6 километрах к северу от села Смирные.

Орёл, отнять у немцев пути отхода. Налетели на шоссе ночью, а потом двинули прямо на село. Немцы растерялись, открыли стрельбу из зенитных пушек, но батальон зажал флангами село в клещи, и немцы пустились наутёк. Сравнительно легко удалось взять и другие сёла. Например, в Березовец¹ вошла наша лыжная разведка – двенадцать человек. Немцы обстреляли разведчиков, а они «обиделись» и «пошли мотать». Всё село очистили, прежде чем подтянулся батальон.

Ещё интереснее получилось с Алексеевкой, Губарев с тремя бойцами захотел сам пойти на разведку. Вошли в село. Тихо. Фашисты как раз завтракали. Губарев увидел, что стоит штук тридцать автомашин и около них возятся шофёры. Налетел со своими на шофёров. Начал бить из автоматов. Ну, гитлеровцы, конечно, бежать.

Вражеские автоматчики с перепугу засели в церкви², стали лупить куда попало, а артиллеристы – прилаживать для стрельбы три 150-миллиметровых орудия. Губарев метнулся по оврагу к артиллеристам, обстрелял их. Те взорвали стволы у двух орудий, у третьего отняли замок и тоже – бежать. Автоматчики, видя, как бегут шофёры и артиллеристы, решили, что всё для них потеряно, и помчались вдогонку за своими.

Батальону пришлось лишь вылавливать гитлеровцев, пытавшихся спрятаться в хатах до ночи.

Теперь батальон находился на отдыхе. Две роты держали вторую линию обороны, третья отдыхала. Сменялись через восемь часов.

Вечером Губарев и его начальник штаба размечтались:

– Эх, баньку бы организовать...

Мечта фронтовиков вскоре стала явью. Достали два корыта, вёдра, подтянули две кухни – в одной кипятили воду, другая стояла с холодной, – и началось купанье. Весь бата-

¹ Деревня в Дросковском районе, в 4 километрах к северу от Дросково.

² Трёхсвятительский храм находится в центре села Алексеевка, сохранился до настоящего времени.

льон вымылся за сутки, и даже бельё всем прогладила сестра Сима Фёдорова, прошедшая с батальоном весь путь.

Хорошо было мне у Губарева³.

Нашёл ещё знакомых бронбойщиков. Как всегда бывает в таких случаях, начались воспоминания, рассказы о недавних боях. Я чувствовал себя здесь в родной обстановке.

Но надо было возвращаться.

...26 февраля я добрался до села Зубково⁴. Оно мало пострадало от войны, если смотреть только на внешние признаки благополучия. Но почти каждая хата здесь стала местом тяжёлых, трагических событий.

Вот драма одной семьи. Гитлеровцы арестовали мужа Марии Зубковой, обвинив его в связи с партизанами. Зубкова заперли в холодный амбар, где содержалось еще человек пятнадцать – двадцать русских людей. Ежедневно Зубкова пыталась добиться свидания с мужем или передать ему пищу, но немцы гнали её.

По огороду, за амбаром, бродили другие женщины и искали в снегу своих родственников, потому что гитлеровцы выводили арестованных на огород и расстреливали. Трупы валялись не убранными, их заметал снег. Убирать трупы было запрещено⁵.

Мария не знала, что случилось с мужем. Она, как и другие, искала его труп и, как другие, не находила его или не могла опознать. Так прошло восемь суток. На девятые немцы угнали арестованных в Малоархангельск. Был ли среди них муж Марии, неизвестно. О нём она не слыхала больше ничего.

С мужем Марии гитлеровцы покончили, но мытарства её только начинались. Немцы кричали ей: «Жена партизана». Её гоняли на самые трудные работы, хлеба ей не давали, она доставала его тайком и кормила детей. Ее часто запугивали

³ Подробные сведения об этом человеке см. в комментариях.

⁴ Населённый пункт Покровского района, вплотную примыкавший к селу Покровское с южной стороны, в настоящее время – в составе райцентра.

⁵ Всё это происходило в деревне Ивановка Даниловского сельсовета, где находился штаб немецкого карательного отряда ГФП-580.

такой же судьбой, как и судьба мужа, но она боялась только одного: отнимут и убьют детей.

Рассказывала она мне обо всём этом усталым, тихим голосом, накладывая латки на большой крапивный мешок. Она готовила его для семян ржи.

– Ведь скоро весна! – пояснила она.

...Зашёл в политотдел армии. Там просмотрел несколько актов о фашистских зверствах. Очень скупые слова нашлись у тех, кто составлял эти акты. А ведь здесь каждая строка должна кричать о мести за повешенных, расстрелянных, умерших от ран, от голода.

...Уехать из Зубкова мне удалось на автомашине, шедшей до Русского Брода. Но радоваться было рано. Возле Дроскова мы попали в «пробку». Не менее трёхсот машин столкнулись на узкой, проложенной в глубоких снегах дороге, и так стояли. Подходили всё новые и новые. Только к утру кое-как начала рассасываться пробка. Рыли отводы сбоку и прогоняли машины по одной. Толкали плечами, ругались. Мне не повезло. У машины, на которой я ехал, лопнула шина. Мне удалось забраться в кузов другой машины, но и эта застряла в снегах часа на два. Потом вырвалась и пошла. И снова беда: не доезжая километров двух до села Ржавца¹, машина опять стала – не хватило горячего. Пришлось идти пешком.

Ночью был сильный мороз, утром ветер, и я испытывал отвратительное чувство холода. Ещё раньше промокшие валенки замёрзли, стали как деревянные. К тому же протерлись и подошвы у валенок и пятки носков.

А днём началась оттепель. Двадцать километров я шёл по воде, по грязи, по талому снегу. Шёл и думал:

– Ну, теперь моим ногам капут. Обязательно свалюсь.

Добрался до Русского Брода к вечеру, усталый, промёрзший. Однако обошлось и на этот раз, не свалился. И сам удивлялся: неужели выдержал?..

¹ Верховский район.

День и ночь двигались войска через Русский Брод. Шёл Донской фронт², шли 65-я, 61-я армии. Люди бывалые, повидавшие и испытывавшие побольше нас.

Мы видели, как пробивались они по бездорожью, как вытаскивали пушки, помогая лошадям. Они привыкли к тяжёлой жизни фронтовиков и не мыслили себя вне её.

В Русский Брод возвращались жители. Они входили в свои полуразрушенные дома, собирали всё, что сохранилось, даже щепочки вокруг домов. Начиналась снова их жизнь на старом месте.

Нет, не скоро теперь, если я останусь в живых, позабудется виденное мною. Да и нельзя забыть такое. Наоборот, нужно всегда помнить об этом и держать людей в состоянии боевой готовности, напоминать им о пережитой страшной трагедии, для того чтобы вновь не пережить её...

14 апреля. Большой группой мы отправились девятого марта в новую командировку. Доехали до села Стрелки³ на попутных машинах, а дальше начали отмеривать ногами километры. Шли пешком до Дроскова. Я мог снова посмотреть на укрепления немцев. Как же много они понатыкали всюду мин! Вероятно, большие надежды возлагали именно на минные поля, да не помогло! Здесь действовала наша артиллерия и «катюши». Они буквально вбили гитлеровцев в землю, и тогда на прорыв пошла пехота.

Тускло выглядела эта командировка по сравнению с предшествующей, когда вокруг грохотал бой, чувствовалось напряжение и невольно сам включался в этот круговорот больших событий. Волнение, ожидание, неизвестность, уверенность, радость, а порой и горе – вот чем жили мы в дни наступления. Теперь же в права вступало иное. Начиналась пора так называемой «глухой обороны», когда раскисали дороги и движение на них замирало. Передвигались больше на лошадях. Автомо-

² Речь идёт не о собственно Донском фронте, а о частях, прежде входивших в состав этого фронта.

³ Верховский район, между Русским Бродом и Дросково.

били безнадежно вязли в грязи. Ночью подмерзло, и машины шли по глубоким колеям, проложенным днем в грязи. Свернуть с такой колеи было невозможно. Если встречались две машины, то для объезда приходилось прорубать новую колею.

Реже, чем прежде, звучали выстрелы. Обе воюющие стороны экономили боеприпасы, берегли их для тех случаев, когда кто-либо начнёт какую-нибудь операцию. Впрочем, вряд ли кто мог в эту пору действовать активно. И мы и противник приводили в порядок войска, да настороженно следили друг за другом.

В Алексеевке я побывал в стрелковом полку, где приходилось бывать не однажды, но из старых знакомых по обороне прошлого года встретил лишь троих.

Материал собрал здесь скупой. Собственно говоря, интересной была лишь статья о пулемётчике Сальникове. В бою он дрался отчаянно. Его наградили орденом Красной Звезды, и я рассказал о нём в заметке. Правда, наши редакционные товарищи подписали её фамилией агитатора полка Походзило на том основании, что тот, оказывается, тоже прислал крохотную записочку о Сальникове. Ну, да ладно. От таких дел меня не убудет. Здесь же, в батальоне, встретил командира хоззвода Борзенкова, До войны он был начальником одной из шахт Щигровского фосфоритного завода. На войне показал себя великолепным хозяйственником. Лукавый, умный, богатый житейским опытом, он, посмеиваясь, рассказывал мне, как ему удавалось даже в момент самых напряженных боёв бесперебойно снабжать питанием, одеждой и обувью батальон.

– Дело немудрое. Как только войдём в какое село, я сейчас же отыскиваю двух-трех стариков. «Ну, говорю, старики, помогайте-ка нам...» И делаю тогда с ними дела. Они мне и валенок несколько пар подошьют, пока бойцы отдыхают, они и сбрую отремонтируют. Смотришь, укажут, где картошечки достать можно, где молока для раненых... Вот так и удавалось мне всё в порядке держать.

Я понял его секрет. Он умел находить таких людей, которые могли быть для него хорошими помощниками, знали всех

местных жителей – кто на что способен. А те умели убедить и других.

Большое значение имели и личные качества Борзенкова. Среднего роста, широкоплечий, с пушистыми усами, краснощёкий, он говорил, широко улыбаясь, и невольно подкупал собеседника своим обликом – этакий простодушный человек, «свой» во всех отношениях...

В селе Кубань¹ я познакомился с лейтенантом Белоусовым. Он летал на У-2. Видел я, как он выходил на полёт для корректировки артиллерийского огня. Работа очень опасная, да ещё на такой машине. Но, улетаая, он держался спокойно. Надел меховой комбинезон, Планшет, пистолет. Проверил, как всё подогнано, и, обращаясь к нам, сказал:

– Ну, пока!

Товарищи его волновались больше, чем он.

Впрочем, это было лишь проявлением умения владеть собой, своими нервами. Конечно, и он внутренне волновался.

Вернувшись из полёта, Белоусов вошёл в комнату с покрасневшим лицом, расстегнул комбинезон, сел на кровать и обхватил хозяйского сынишку:

– Тебя как зовут? Митя? Ну, вот через двадцать лет тебя будут звать, как и меня – летчик Митя.

Потом он вновь застегнул комбинезон, лёг на кровать. Полежал немного, встал. Я спросил его, что делается на передовой.

– Пошли наши цепи. И гвардейцы, и соседи идут в рост. Возьмём, пожалуй, сегодня несколько сёл...

Но он ошибся. Тогда это была последняя наша попытка продвинуться вперёд. Закончилась она тем, что немцы открыли сильный огонь. Наши залегли, а потом начали строить снежную оборону.

Да, тяжёлое дело война...

...30 марта я отправился в третью командировку. На этот раз пошли вдвоём с работником нашей редакции Михалёвым.

¹ Покровский район, в 7 километрах к юго-востоку от Алексеевки.

Только к вечеру добрались мы до села Чибисовки¹ пройдя за весь день километров пятнадцать-двадцать.

В пути до Чибисовки мы много разговаривали с жителями. Запомнился мне один старик.

Он угостил нас сигарами и сказал:

– Трофеи подобрал.

Старик очень откровенно ответил на наш вопрос: «Ну, как? Ждали нас?»

– Эх, милые. Уже и надежду было потеряли. Долго вы не шли...

Да, долго мы не шли, и долго здесь оккупанты вели себя как хозяева!

Ночевали в редакции дивизионной газеты.

В одной хате у них находилось всё. Налево у входа стояла машина, дальше реалы с наборными кассами, прямо стол, за которым и обедают и делают номер, направо топчаны и нары, где спят и наборщики и литературные работники. Я невольно сравнил это с тем, как привыкли жить мы, работники армейской газеты. Да, не похоже. Мы все жалуемся на тесноту, на «невозможность нормально работать», а здесь люди привыкли к походной жизни настолько, что лишь такую обстановку и считают нормальной.

Три человека в редакционном аппарате выполняют самые разнообразные функции, и работа идёт у них очень неплохо.

Утром беседовали с шофёрами автороты. Мне пришлось включаться в новую для меня сферу автотранспорта, но материал удалось сделать хороший и главное – интересный.

Затем пошли с Михалёвым дальше. Благодаря счастливой случайности попали в штаб и политотдел зенитной дивизии. Там узнали, что зенитчики действуют великолепно, – за короткий срок один полк уже сбил одиннадцать самолётов.

Начподив оказался настолько любезным человеком, что даже дал нам «эмку» для того, чтобы мы съездили в один из

¹ Покровский район, в 7 километрах к югу от райцентра.

полков, и мы с шиком покатали по весенним ухабам в Алексеевку на старые, памятные для меня места.

Приехали мы на батарею тогда старшего лейтенанта, ныне капитана Вани Черкаева². Его батарея сбила за время наступления 5 немецких самолётов, из них 4 «фокке-вульфа».

Как радушно приняли нас зенитчики! Молниеносно появился ужин. Они расспрашивали нас обо всём и очень скуппо рассказывали о своих больших, важных делах. Сидели мы долго, а утром осматривали батарею, готовили материал. И когда пришлось уходить, я, как всегда в таких случаях, испытывал неприятное чувство разлуки с людьми, с которыми завязалась фронтовая дружба, вспыхивающая ярким огнём, гаснущая нескоро. Хотелось подольше побыть у этих замечательных ребят...

Из Алексеевки мы пошли в село Медвежка³, в стоявший там стрелковый полк. Сразу же явились к командиру полка. Майор Гребнев – командир полка⁴ – начал войну в звании старшего лейтенанта. Он был тогда командиром роты. Во время нашего отхода в первые дни войны оказался в окружении. Из окружения вышел с группой бойцов, прорвав кольцо немецких войск, за что был награждён орденом Ленина.

Заместитель Гребнева по политической части майор Коростелёв внешне был угрюмым, замкнутым человеком, но подлинный его характер раскрывался в действии. О таких людях обычно говорят: душа-человек. Он запросто держался с людьми, не переходя, однако, ту грань, которая отделяла его от подчинённых. Его уважали и любили.

Но более всех мне понравился отсекр [ответственный секретарь] партбюро, старший лейтенант Малахов. Молодой, кра-

² Командир батареи 1285-го зенитно-артиллерийского полка 16-й зенитной дивизии РГК Иван Степанович Черкаев 12 апреля 1943 г. был удостоен ордена Отечественной войны II степени.

³ Покровский район, населённый пункт в 15 километрах к северо-западу от райцентра, с конца февраля по 20 июля 1943 г. здесь проходила линия советско-германского фронта.

⁴ 409-й стрелковый полк 137-й стрелковой дивизии. Подробнее о Гребневе см. комментарии.

сивый и на редкость симпатичный человек. Мы говорили мало, да и говорили-то как-то отрывисто. Однако, когда мы уходили из полка, Малахов погрузился и, пожимая мне руку, сказал:

– Эх, чёрт... А я ведь уже привык к тебе. Ты хоть бы поскорее приезжал, что ли.

В этом полку нам довелось побывать на оборонительном рубеже. Прошли мы вдоль села и прём напрямик через высотку. Справа, километрах в двух, – село Грязное¹. Там немцы. Идём на виду у них, и я внутренне знаю, что видят они нас, как у себя на ладони, но знаю и другое: из винтовки или пулемёта не будут стрелять, всё равно промажут, а из миномёта бить по двум невыгодно. Однако, когда дошли до землянки командира батальона, я подумал:

– А вообще, дорогу можно было бы сюда протоптать и не на виду у немцев. Незачем такими «героями» шляться на глазах у врага. И демаскировка командного пункта, и ненужный риск!

Спать я лёг в ту ночь на печке. Потолок нависал низко, и на печи подняться было невозможно. Кое-как втиснулся и заснул крепко-накрепко.

Под утро я проснулся от громкого голоса:

– Вставать! Немцы идут в наступление большими колоннами.

Я прыгнул с печи, быстро оделся.

Было нас человек десять. Оружие: ручной пулемет, три автомата две винтовки и пистолеты. Я пошёл за второго номера на пулемете. Люди, с которыми вечером я шутил, говорил о далёкой-далёкой мирной жизни, стояли теперь готовые к борьбе не на жизнь, а на смерть.

Глухо вздрагивала земля от разрывов. Грохотала наша артиллерия. Бесновались пулеметы, хлопками доносились выстрелы винтовок.

Потом пальба начала стихать. Затихло всё. Немцев снова загнали в их щели.

¹ Населённый пункт в Покровском районе.

Мы вошли в хату, и я полез на печь досыпать, или, как говорят у нас, «добирать».

Утром я уходил с товарищем из полка, где увидел приятных сердцу людей, где испытал волнение боя, где успел ко всему привыкнуть.

4 мая. Возвратился я из командировки в редакцию, когда она уже была на новом месте, в селе Хаустово, недавно очищенном от немцев². Жить довелось мне на квартире у некоего Федя, председателя только что восстановленного колхоза.

Федя – небольшого роста, худой. Он был участником финляндской кампании, кажется, имел ранение и был освобождён от службы в армии.

Теперь Федя с утра до ночи был занят своим колхозом. У него были плуги, но не было лошадей. Работать могли десятка два женщин и столько же стариков. Федя сокрушённо крутил головой и жаловался:

– Вот что наделала война!

Колхозники решили пахать на коровах, и я видел, как они приучали коров ходить в упряжке. Нелегко так вспахать и обработать землю³. А до войны здесь жили богато, не знали ни нужды ни горя...

В Хаустове мне не повезло. На ногах появились огромные чирьи, они очень мучили меня. Кашель не давал вздохнуть, сильно болел правый бок, и я вынужден был сидеть дома. Это всё же сказалась февральская командировка, когда я по бездорожью возвращался в Русский Брод...

Только 23 апреля я вышел на новое задание, а наши тем временем уже перевозили редакцию в село Теляжье.

Идти пришлось пешком всё время. Даже лошади не обогнали меня, По пути завернул в танковый полк, там и ночевал и даже смотрел кинофильм «Секретарь райкома». Правда, сеанс был несколько странным. Первая часть отсутствовала

² Покровский район, в 7 километрах к юго-востоку от райцентра, было освобождено от фашистов 14 февраля 1943 г.

³ На коровах в Покровском районе после освобождения пахали и возили весь 1943 и весну 1944 гг.

вообще. Остальные части демонстрировались отделённые одна от другой «антрактами» минут по пятнадцать-двадцать. Довольно томительное удовольствие!

С большим вниманием я смотрел на танкистов, тех, что находились не на экране, а рядом со мной. Молодые, весёлые хлопцы, они лишь недавно участвовали в наступательных боях, а теперь вспоминали о них, как уже о далёком прошлом. Большинство из них получило награды: поглядывая друг на друга, они улыбались, ещё не привыкнув к орденам и медалям.

Они много учились здесь же, в шести километрах от передовой, готовые каждую минуту пойти в бой.

Все их командиры были очень молоды, очень веселы. Молодость не мешала им быть опытными и отважными воинами. Это показали бои. И от них я уходил, испытывая острое чувство разлуки...

Побывал я и в одном стрелковом полку, но моё пребывание там оказалось чересчур коротким, чтобы я смог узнать по-подробнее людей. И всё же производили они самое приятное впечатление, и я пришёл к выводу, что 137-я дивизия¹ – это та, в которую меня будет тянуть во время поездок. Казалось бы, что все дивизии у нас одинаковые, все выполняют одни и те же суровые обязанности, однако вырабатывается различное отношение к ним. Определяется это отношение зачастую рядом едва уловимых элементов, складывается оно под влиянием порою даже случайных встреч.

Находясь в стрелковом полку, я ходил на оборону. Побывал в штабе первого батальона – в огромном подвале, где уже созданся тот неповторимый уют, тягу к которому война не вытравляет, а, наоборот, усиливает.

Вот, например, как выглядело отделение подвала, где жили командир батальона и его заместитель. В своде подвала про-

¹ Эта стрелковая дивизия под командованием полковника Алексея Алфёрова принимала активное участие в освобождении Покровского района в феврале 1943 г., затем стояла до июля здесь же в обороне и принимала участие в летнем наступлении, окончательно освобождая Покровский, а следом за ним – Свердловский и другие районы Орловщины.

бито отверстие и застеклено, оттуда в солнечную погоду падает достаточно света, чтобы свободно читать и писать. Посередине – железная печь, её подтапливают в сырую погоду. В самом подвале сырости нет и воздух свежий. Справа и слева у задней стены – сколоченные из досок койки командира и заместителя. Над койкой командира, как коврик, плащ-палатка, припиленная так, чтобы не сыпалась сверху земля. Между койками стол, покрытый куском кумача. К стене прибита небольшая карта Советского Союза, портрет Сталина и, не помню какой, рисунок.

На небольшой полке у входа – чайник с водой и кружка. Вода далеко от КП батальона, и расходуют её здесь бережно, потому-то и чайник с водой кажется украшением. Звуки извне доносятся сюда слабо, они приглушены землёй и камнями. Вот и весь фронтной уют, но и он может доставить большую радость человеку.

...Вернулся я в Теляжье, начал было устраиваться, но вскоре вновь двинулся в командировку в село Трудки². Село это пережило настоящую трагедию. До войны в нём было девятьсот шестьдесят дворов, около трёх тысяч семисот жителей. Теперь, после того как из села выбили немцев, там осталось десять хат и около шестисот жителей; Подсчёты, далеко не полные, показали, что фашисты уничтожили до ста тридцати человек, многих угнали с собой на каторгу. Одна старушка рассказывала мне страшные вещи о том, как гитлеровцы убивали людей, как жгли их живьём, как били гранатами в подвалах. Теперь я работаю над статьёй «Трагедия села Трудки»³.

12 июня. Снова длительный перерыв в моих «чистописаниях».

Это время жил я сравнительно тихо. Изредка лишь выезжал и выходил в непродолжительные командировки. Наблюдать пришлось немного. Наступила пора «великого стояния» на фронте, когда и немцы и мы заняты одним: укрепление обороны, взаимное выжидание.

² Покровский район, в 15 километрах к северо-востоку от райцентра.

³ Николай Романовский написал эту статью, она была опубликована в армейской газете, а затем в книге «По фронтовым дорогам».

10 мая разыгрался интересный эпизод в воздухе. В четыре тридцать над одним из наших аэродромов появились два немецких самолёта-разведчика. Они сбросили четыре-пять бомб, не причинивших аэродрому ущерба, и ушли,

В восемь часов восемнадцать немецких самолетов появились над станцией Русский Брод и начали её бомбить с большой высоты. Наши истребители погнались за «юнкерсами».

Вылетав горючее, они возвратились на аэродром. Посадка шла нормально. Вдруг со стороны солнца свалились тридцать семь немецких пикировщиков и начали бомбить аэродром. Они сбросили не менее двухсот бомб. Грохот стоял такой, что даже у нас, в Теляжьем, за десять километров, вздрагивали хаты.

Люди бросились к машинам и начали растаскивать их вручную в этом кипящем аду разрывов. А два истребителя поднялись в воздух и ринулись на тридцать семь немецких бомбовозов. Вероятно, немцы были поражены такой смелостью. Наши лётчики атаковали двух немецких пикировщиков. Одного удалось сбить в районе аэродрома, трое фрицев сгорели, один спрыгнул с парашютом, приземлился и даже отстреливался из пистолета. Его взяли живьём.

Другой самолёт, Як-5, атаковал Ю-88 несколько раз. Трижды таранил его и всё же сбил, но и сам подбилса малость. Впрочем, машину можно исправить, а лётчик невредим.

Что же достигнуто этой неравной героической атакой? Сбито два «юнкерса», сорвана прицельная бомбёжка.

А чего достигли немцы? Потеряли два самолета, случайным попаданием сожгли наш Як-1.

Я был на этом аэродроме в тот же день. Видел и сожжённый Як-1, и воронки от бомб, и неразорвавшиеся бомбы. Видел и простых наших людей, своей самоотверженностью спасших дорогие машины.

С 20 по 24 мая я успел побывать в двух дивизиях.

Алексеевка приобрела неузнаваемый вид по сравнению с зимой. Свежая, нежная зелень прикрыла пятна пожарищ,

разрушенные хаты и сараи. Трава сделала малозаметными воронки от авиабомб. Живут бойцы вне села, в окопах, а в самом селе тихо-тихо. Да и на передовой тишина. Изредка стукнет какая-нибудь пушка, протрещит пулемёт, и снова тишина гнетущая...

8 июня я отправился в новую командировку. Опять попал в Алексеевку и с улыбкой подумал: «Все пути ведут сюда...».

Побывал я у зенитчиков и нашёл здесь хороший интересный материал: «Пушка 2627». Эта 37-миллиметровая пушка вступила в войну прямо с завода, побывала во многих боях. Из неё сбили шесть немецких самолетов. По-прежнему выглядит как новенькая, отлично работает...

Познакомился с интересным человеком – разведчиком Араповым. До войны он, по его словам, был художником. Возможно, что работал где-либо в кустарной мастерской или делал плакаты. Он – сталинградец и участвовал в боях под Сталинградом. Семья Арапова жила тоже в Сталинграде. Эвакуировалась в последний момент на пароходе. Но в пароход попали две немецкие авиабомбы. Ни одна душа не спаслась.

Недавно Арапов участвовал в ночном поиске, за который его наградили орденом Красного Знамени¹ и присвоили внеочередное звание гвардии младшего лейтенанта.

Держится Арапов с достоинством, любит пофилософствовать, склонен к остроумным логическим обобщениям. Но это не мешало ему во время беседы со мной обрабатывать рукоятку кинжала. Грубую деревяшку он обмотал немецким красным телефонным кабелем и долго любовался своим изделием.

Заметил я, что Арапов очень нервный человек и нервозность свою пытается скрыть молчанием, ибо как раз голос и выдаёт его. Значит, он знает, как владеть собой.

Он рассказал мне, как в одном из поисков наткнулся на совершенно новый тип немецкой обороны. Я, придя к выводу, что за всем этим кроется нечто важное, доложил обо всём командованию.

¹ О награждении Арапова подробнее см. в комментариях.

В эти же дни начальник политотдела направил меня к генералу Бобкову¹ за материалом о его сыне, погибшем под Сталинградом.

Генерала я застал дома, в большой хате, где он квартировал. Встретил он меня у двери.

– Здравствуйте! Чем могу служить?

Говорил он отрывисто, резко.

Я ответил:

– Прибыл я к вам, товарищ генерал, с очень тяжёлым и для меня и для вас поручением: взять некоторые сведения о вашем сыне.

– Не надо бы, – подумал он вслух. – Поздно уже...

Но потом достал пачку писем:

– Вот здесь от него... Здесь от жены.

Он начал читать одно из писем сына, последнее. Голосу него сорвался, он махнул рукой.

– Нет не могу! Читайте сами.

Я ушёл в соседнюю комнату и читал письма.

Генералу писала жена о том, как она вечером читала какую-то книгу. Радио было включено, и вдруг голос диктора произнёс фамилию сына. Мать напряжённо стала слушать, но фамилия не повторялась. Позже ей удалось узнать, что передавали очерк К. Симонова «Трое суток». А ещё позже она прочитала в газете «Красная звезда» этот очерк. Мать писала отцу:

«Сердце моё не знает покоя. Мне кажется, что это о нашем сыне, о Евгении. Запроси часть, узнай...»

Генерал сделал запрос в часть и получил ответ: да, ваш сын погиб после трехсуточного боя...

Я читал другие письма – письма сына отцу, и постепенно передо мною раскрывался прекрасный образ простого русского парня. Евгений поступил в танковую школу в Саратове в 1941 году. Ему было тогда неполных восемнадцать лет.

С восторгом писал Евгений, что учёба идёт у него хорошо. Упомянул имя какой-то Ксении, вероятно, любимой девушки.

¹ М. В. Бобков – генерал-майор, бывший начальник штаба 48-й армии.

Жаловался, что не скоро придётся увидеть фронт. У него было круглое «отлично» за учёбу. Случалось, что ходил украдкой в кино и на свидания. Мог ночи напролёт слушать рассказы людей, побывавших на фронте.

Дрался Евгений под Сталинградом немного, но хорошо. Разбил два немецких танка, три пушки, пятнадцать автомашин и ещё кое-какую «мелочь» да захватил в плен несколько автомашин. Он был награждён медалью «За оборону Сталинграда» и орденом Отечественной войны II степени.

Материал меня воспламенил, и я написал очерк под названием «Русский юноша».

19 июня. Вчера вечером вернулся из командировки, в которую выехал неожиданно 15 июня. Приезжаю на передовую, а мне в редакции дивизионной газеты говорят: «Тут такие дела творятся, что только ахнешь, когда посмотришь». Пошёл, смотрел и, действительно, ахал.

Один из наших полков² занимал оборону на обратном скате высоты, отделяющей Нагорное от Вольного Труда и Алексеевки. Немцы не видели наших, наши – немцев. Разрыв между ними был километра полтора.

Командир третьего батальона и его заместитель приняли решение рыть навстречу немцам ход сообщения, затем развернуть фронтальные окопы в непосредственной близости от немцев, чтобы можно было вести прицельный огонь.

Так и сделали. Работали по ночам. Выходили на рытьё окопов не только стрелки, но и миномётчики, и артиллеристы. Пользуясь тьмой, рыли ход около метра глубиной, а днём углублялись.

Так, ценою грандиозных усилий, откопали за пять суток более двух тысяч метров ходов сообщения, и развернули фронтальные окопы. Немцы молча следили за тем, как наши руют ходы сообщения, но когда началось развитие окопов в стороны, начали обстреливать работающих. Бывало так, что на участок обороны взвода ложилось до полутора мин,

² 800-й стрелковый полк 143-й стрелковой дивизии.

грохались тяжёлые снаряды. Но люди копали ещё яростнее, ещё глубже стремились проникнуть в землю.

– Чем глубже, тем надёжней, – говорили бойцы и просили дать им возможность пройти «ещё один штык».

Потери оказались ничтожными, были лишь раненые. Батальон сблизился с противником метров на 400–500. Из наших окопов стало возможным бить немцев, не выходя за передний край. За первую же неделю наши стрелки сшибли 29 вражеских солдат и заставили немцев держаться в земле.

Два других батальона не вытерпели: что же мы, мол, хуже третьего? Нет! Рыли тоже по ночам и выдвинулись навстречу противнику на тысячу – тысячу пятьсот метров.

Я был в окопах третьего батальона и удивлялся не тому, что успели так много отрыть ходов сообщения, а тому, с какой любовью сделаны окопы.

Ходы сообщения широкие, не стесняют движений. Окопы полного профиля, чисто подметены. Сделаны канавки для стока воды и водосборные колодцы. В стенах окопов вырезаны аккуратные углубления и в них – листы газет, инструкции, расчётные таблицы. Кое-где уже успели «написать» лозунги своеобразным окопным способом: в ещё влажную землю воткнули стреляные гильзы от патронов, их донца образовали крупный пунктир. Подобное я видел на Южном фронте, где-то под станцией Выемка или Яма. Но то был немецкий окоп, и немец-пулеметчик гильзами писал свою фамилию, да так и не дописал!..

Давно я не проводил таких чудесных ночей, как ночь на переднем крае с 16 на 17 июня. Полная луна светила ярко-ярко. Тишина изредка раскалывалась пулемётными очередями да гулом летящих самолетов. Над Змиёвкой и Куракином висели осветительные ракеты, снизу хлестали огненные струи трассирующих снарядов и пуль, взметалось зарево.

Необычайно спокойная ночь для передовой. Почему-то именно в эти часы я ощутил огромную силу жизни. Как мне хотелось жить!

В ту ночь у нас не было ни убитых, ни раненых, а по немцам била «катюша» как раз на заре, под восход солнца...

Следующую ночь я провёл на зенитной батарее у Чепака¹. Хорошая ночь! Только одно плохо: возвращаясь «домой», потёр ноги. Впрочем, это проза. В районе обороны 143-й готовится явно что-то интересное. Приехало много артиллерии, миномётов. По всем предположениям, будет нанесён удар по Хорошеву, а может быть, и по Нагорному... Вероятно, мне же и придётся быть там, потому что, кроме меня, сейчас некому там быть из всего нашего состава. Все находятся в командировке.

Сегодня ездил к лётчикам на аэродром. Дело в том, что я взял у зенитчиков сведения о новом немецком самолёте «Фокке-Вульф-190». Нужно было их проверить, и радость моя была превеликой, когда я узнал, что сведения, добытые мною, верны. Лётчикам не пришлось делать в них никаких исправлений.

Посмотрел я на лётчиков и позавидовал им. Трудная их работа, опасная, но несут они в себе какую-то удачу, большую внутреннюю силу, силу молодости. Поговорил я с ними немного, и ехать не хотелось в свой скучный дом.

27 июня. Эти последние четыре дня я оставался один на весь наш отдел. Все в командировках, а я делаю газету, и что удивляет секретаря редакции – так это то, что я один выполняю работу, которую вёл раньше весь отдел – пять человек. Причём сдаю я материал на сутки раньше срока.

Скучаю по своим товарищам, и в то же время хочется уйти к танкистам или к лётчикам. Вот сегодня утром заезжал начальник нашего отдела Литовченко и рассказывал, что живут танкисты километрах в 12 от передовой, скучают без дела и ждут боёв.

Обстановка вообще напряжённая, потому что на фронте тишина, и мы оцениваем это затишье, как затишье перед новой бурей. Что немцы скоро начнут новое наступление, в этом

¹ Видимо, речь идёт о Василии Яковлевиче Чепাকে, 1922 г.р., капитане, командире батареи 1283-го зенитного артполка. В сентябре 1943 г. был награждён орденом Ленина. Также был награждён орденом Красного Знамени (апрель 1943 г.) и двумя орденами Отечественной войны I ст. (март 1945 г., апрель 1985 г.).

никто не сомневается. Командиры на передовой почему-то убеждены, что наступление обязательно начнётся в одно из воскресений. Их убеждённость странным образом передаётся и мне. Вчера, например, я очень волновался в ожидании сегодняшнего утра. Ночью наши самолёты усиленно бомбили Змиёвку и Куракино, а немцы – наши тылы, и я подумал:

– Вероятно, начнётся завтра.

Но не началось пока, хотя уже два часа дня. В воздухе снуют наши истребители на небольшой высоте, потому что сейчас облачно и немцы могут вынырнуть из тумана неожиданно...

А вокруг ликует природа. На колосьях ржи – цветение. Появились васильки. Поднялись высокие травы, и их не успевают косить. На лугах стоит гул от шмелей и пчёл. Пахнет мёдом.

В деревнях девушки и старухи выходят полоть просо. Косят ароматное сено. Радуются, что зацвели кусты картофеля. И всё чаще слышится вопрос.

– Когда же всё это кончится?

Никто не звал к нам в гости войну, а она пришла. И потому-то всем хочется, чтобы поскорей кончилась она, проклятая.

15 июля. Сегодня у нас большой день. В ту пору, когда я пишу эти строки, идёт наступление войск нашего фронта¹. Как это всё началось? Приходится вспоминать недавнее.

В апреле Красная Армия закончила зимнюю кампанию. Германия потеряла тогда около 1 200 000 солдат и офицеров, несколько тысяч танков и самолетов, более 20 тысяч орудий.

Немцы попытались ответить контрударом. Бросили против нас около тридцати дивизий, но дело у них не пошло.

Затем потянулись томительные дни и недели «глухой обороны», когда люди сидели в окопах и с нетерпением говорили:

– Хоть бы в бой поскорее!..

Шли мелкие разведывательные поиски. Вяло стреляла артиллерия. В воздухе кружились немецкие «рамы», а по но-

¹ Автор имеет в виду Центральный фронт, который с 15 июля, вслед за Брянским и Западным фронтами, развернул Орловскую стратегическую наступательную операцию «Кутузов» и в составе которого с 13 марта оказалась 48-я армия.

чам работали наши У-2. Наши самолёты применяли массированные налёты на немецкие аэродромы и коммуникации, гитлеровцы, в свою очередь, пытались бомбардировать наши тылы. В общем, если вдуматься, то затишья не было. Война протекала лишь в иных формах, не менее разрушительных...

5 июля немцы начали новое наступление со стороны Белгорода и Орла. Возникли Белгородское и Орловско-Курское направления. В бой немцы бросили около 30 дивизий, из них 15 танковых, снабжённых новыми танками Т-VI или «Тигр». Броня у «Тигра» в лобовой части – десять сантиметров. Пушка калибра 75 миллиметров, могущая вести прицельный огонь на дальность до двух тысяч метров,

Огромной лавиной «тигры» и другие танки устремились к Курску, грозя зажать его в клещи, но в первый же день боёв фашисты потеряли несколько сот танков и самолётов. Во второй – пожалуй, не меньше. Последующие дни также не принесли немцам успеха. Потери их становились катастрофическими. И, наконец, к 13 июля наступление захлебнулось, потери немцев уже были свыше 2500 танков и около 1500 самолётов.

При мне давал показания солдат Розелер, раненый, добровольно перешедший к нам после двухсуточного пребывания между нашими и немецкими позициями. Он говорил:

– В двадцать два часа 4 июля нам прочитали приказ фюрера. Фюрер указывал, что это наступление будет решающим для судьбы Германии, что германские солдаты должны показать, как они научились воевать на пятом году войны... Но, – продолжал Розелер, – никто из нас не обрадовался приказу...

Был этот немец на редкость невзрачен: худой, белобрысый, грязный. Одежда болталась на нём, как на пугале. Ей-богу, это была ожившая карикатура!

Другие пленные показали, что среди немецких солдат много верящих в удачу третьего похода против России, но эта вера идёт оттого, что им уже не во что больше верить...

Мне пришлось пробыть с 7 по 10 июля в Литовской дивизии¹, собирать материал по бою. Вот как выглядело немецкое наступление здесь.

На один из полков² немцы бросили утром 5 июля около сотни самолётов. Наши бойцы, зарывшись в землю, зло стреляли по «юнкерсам» и прятались в «лисьи норы», когда бомбы грозили прямым попаданием. Потери наши оказались ничтожными.

После авианалёта началась артподготовка. Огонь был жуткой силы, но и он не сбил людей с позиций. Сидели в земле прочно и ждали немцев. И вот они пошли на батальон, которым командовал капитан Ситник³. Двинулись человек восемьсот, с танками и самоходными пушками. Их встретили хорошим огнём. На минах подорвалось два вражеских танка. Самоходные пушки были подбиты и начали круто поворачивать назад.

Четыреста гитлеровцев атаковали первую роту гвардии старшего лейтенанта Овеченко. Держалась рота хорошо, даже когда в ней осталось девять человек (остальные были в большинстве только ранены). Но дрогнула соседняя третья рота, и немцы ворвались в наши траншеи. Чтобы прикрыть фланг, Овеченко бросил туда ручной пулемёт, двух автоматчиков и двух стрелков. И вот эти-то люди сумели задержать немцев⁴.

Потом отправилась третья рота и перешла в контратаку, выбила немцев из траншей.

Отдельные эпизоды боя просто замечательны. Например, такой: один из наших бойцов бил из зенитного пулемёта по

¹ 16-я стрелковая дивизия, в это время ею командовал генерал-майор В. Карвьялис.

² 167-й стрелковый полк под командованием полковника В. Мотеки.

³ Фамилия командира батальона 167-го стрелкового полка 16-й Литовской стрелковой дивизии – Сътник Степан Данилович, в бою 5 июля он «был контужен, лишился слуха и языка, но не покинул поле боя и продолжал руководить», нанеся противнику большие потери: убитыми и ранеными около 600 человек. Приказом войскам 48-й армии был награждён орденом Александра Невского.

⁴ Командир стрелковой роты 167-го стрелкового полка 16-й Литовской стрелковой дивизии, старший лейтенант Овеченко Иван Сергеевич приказом войскам 48-й армии от 6 июля 1943 г. был награждён орденом Красного Знамени, и это была его первая награда. В бою 5 июля был ранен, но оставался в строю до конца боя, руководя ротой.

немецким аэропланам, а потом, увидев фашистскую пехоту, схватил свой пулемёт, перетащил его на передний край и начал строчить по цепям наступающих. Выпустил тринадцать лент!

А разве плох такой факт: во ржи стояла замаскированная 45-миллиметровая пушка. Ждали танков. Во время артподготовки был убит один номер из расчёта. У пушки осталось трое. Смотрят – слева позади появились немцы, идут цепью. Расчёт решил не обнаруживать пушку и драться гранатами и автоматами. Неожиданно для немцев наши бойцы открыли огонь, уложили десятка полтора, остальных заставили бежать...

Таких фактов изрядное количество. На первый батальон немцы ходили три раза в атаку. А на соседнюю с ним роту пять. В первый эшелон немцы выделили исключительно молодых, здоровых ребят. Большинство из них были членами гитлеровского союза молодежи. Скосили их литовцы почти всех. В последующих эшелонах шли люди постарше, двигались вяло, быстро ложились на землю и не хотели вставать.

Трудно точно определить потери гитлеровцев, они огромны. Трусами были забиты и те траншеи, куда им удалось проникнуть, и всё предполье.

Вот при таких обстоятельствах началось наступление на нашем участке.

19 августа. Снова более месяца я не смог вписать ни строчки в эту тетрадь. Приходится вспоминать, что было главным. А главным, пожалуй, было наше ожидание: когда же мы возьмём Орёл.

Вскоре после начала наступления мы выехали из Теляжьего в Хаустово. Старуха, у которой я жил, и её девочка Маша, как полагается, поплакали, потому что привыкли к нам за три месяца.

Уезжали мы с лёгким сердцем. Я знал, что уже начала действовать соседняя с нами армия.

15 июля на передовую выезжали почти все, а я, несмотря на мои горячие просьбы, оставался в редакции. У нас в ту пору шло что-то вроде соревнования – кто первым войдёт в Орёл, и я, помню, сказал отъезжающим:

– Ладно, а в Орле всё-таки первым буду я.

Люди возвращались с передовой, рассказывали, что это наступление значительно отличается от зимнего. Бойцы наши с большей уверенностью шли вперёд. Видна была большая выучка, большее знание законов наступления. Я же мог наблюдать лишь отдельные элементы боя: мимо проезжали автомашины с ранеными, вдали стоял ровный гул канонады, и по ночам над горизонтом взметывалось пламя разрывов, да вспыхивали в небе огоньки осветительных бомб. По ночам я слышал ещё один звук – звук непрерывно летящих самолетов.

В Хаустове не пришлось долго задерживаться. Наши взяли Змиёвку¹ и погнали немцев дальше. Гитлеровцы старались вывести главные силы из клещей, сжимавшихся вокруг Орла, оставляли в селах небольшие заслоны и сильные огневые прикрития.

Я ехал по шоссе на Змиёвку и живо вспоминал зимние бои. Здесь остановилось наше наступление, здесь люди долбили мёрзлую землю, чтобы укрыться от вражеских мин и снарядов, а теперь вокруг стояла тишина. О том, что здесь шла линия обороны, напоминали лишь уже размытые дождями окопы, колючая проволока да дощечки на шестах с надписью: «Мины» – свидетельство работы наших сапёров.

С волнением я подъезжал к Змиёвке. Почему-то мне казалось, что она особенная, – так много и долго пришлось слышать о ней.

Где-то влево осталось Верхне-Столбецкое, а вправо Медвежка². Проехали через большое, всё выжженное село, кажется, Васильевку³, и здесь я увидел ту речонку Неручь, которая войдёт в историю.

¹ Это произошло 25 июля 1943 г.

² Населённые пункты Покровского района, у которых проходила почти пять месяцев, с начала марта до 20 июля 1943 г., линия фронта.

³ Свердловский район, село было освобождено частями 137-й стрелковой дивизии 22 июля 1943 г.

Неручь! Здесь проходил второй пояс немецкой обороны, здесь шли ожесточённейшие бои. Когда нам сказали что Неручь форсирована, мы вздохнули облегчённо.

Оказывается, это даже не река, а ручей с берегами, поросшими бурьяном и лопухами, с медленным, каким-то неправдоподобно мирным течением. Ничто уже не напоминало о страшном сопротивлении немцев именно здесь. Впрочем, порою ветер доносил удушливый запах тления. Это в травах ещё догнивали трупы фашистов.

За Васильевкой, на высоте, я впервые увидел два сожжённых «Фердинанда» – новинку немецкой «панцирной техники». Неуклюжие 88-миллиметровые самоходные пушки. Лобовая броня двести миллиметров. И все же «Фердинанд», или, как его ещё называют, «Пантера», сгорел от бокового попадания наших двух снарядов в кормовую часть.

Но вот и Змиёвка!

Действительно, я поражён, но не тем, о чём думал раньше. Совершенно целые станционные постройки и никаких следов ожесточённых бомбардировок, о которых мы знали из газет и которые мы сами наблюдали еженощно. Уже после я узнал от местных жителей, что хотя наши самолеты и бомбили Змиёвку, но строения остались целы, потому что летчики наносили удары по эшелонам, щадя постройки.

Остановились мы на короткий привал в селе Яковлево, в пяти километрах от Змиёвки. Большое село. Посередине огромный красивый пруд, а над ним старинный когда-то барский дом. Может быть, это имение правнуков того Яковлева, что был другом Пушкина?..

Четвёртого августа я был в первом эшелоне армии, а утром пятого услышал неофициально переданную новость.

– Взят Орёл!

Ух, как загорелось всё во мне! Вот он, наш спор. Всё-таки я первым из наших сотрудников попаду в Орёл!

Начал звонить по телефону редактору, доказывал, что нужно выехать туда, чтобы дать в газету материал. Встретил начальни-

ка политотдела, и тот дал согласие. Вскоре нашёл одну попутную машину с киноработниками, но они не взяли меня. Упало настроение. Потом вдруг повезло. Корреспондент Совинформбюро ехал на «эмке» в Орёл, и предложил мне место. Итак, в Орёл!

В освобождённом Орле

11 сентября. «Итак, в Орёл!» – этой фразой я закончил предшествующую страницу. Мне она казалась полной глубокого смысла. Но странно, теперь уже не звучит эта фраза со всей силой. Опять много новых впечатлений, и они заслоняют старые.

Поехали мы в Орёл 5 августа, часа в четыре дня. Промчались мимо Змиёвки, выбрались на большак Змиёвка – Орёл, шедший параллельно железной дороге. Большак сильно побит; кое-где по нему бродили сапёры, вытаскивали из земли мины. Наша «эмка» пронеслась легко на ровных местах и застревала в неглубоких заболоченных лощинах, там, где были взорваны мосты. Вдоль большака тянулись сёла с чахлой зеленью, укрытой слоем пыли. Всюду стоял запах гари, ещё дымились разрушенные снарядами хаты.

Километрах в пятнадцати от Орла мы увидели изуродованное железнодорожное полотно. Каждая рельса была перерублена на куски метра по полтора длиной, шпалы вывернуты, все мосты взорваны. Я не мог понять вот чего: как немцы разрушали телеграфную линию? Чем?.. Все телеграфные столбы были переломаны на высоте полутора-двух метров. Или их подрывали, или ломали танком?..

Орёл раскрылся перед нами неожиданно. С высокого холма мы увидели внизу город, окутанный дымом пожарищ и пылью. Закатное солнце едва светило, казалось багровым.

Мы проехали по селу Лужки, спустились к Оке. За рекой тянулась западная окраина Орла. Уже далеко грохотали пушки. На холмах стояли зенитные батареи. Вдоль села нескончаемым потоком шли наши войска...

Со смешанным чувством и радости и тоски мы подошли к плоскому берегу реки и остановились в ожидании, когда са-

пёры установят понтонный мост. Вода стояла тихая, немного мутная. Мы вымыли ноги, умылись, присели на влажную траву.

К нам подошёл старик с коротко остриженной бородой, в широких штанах, покрытых сотней заплат.

– Здравствуйте, – сказал он. – Вот помыться впервые за два года пришёл. Ей-богу, два года не купался в реке. Подойду и – назад... То вода покажется холодной, то, сам не знаю отчего, передумаю... Тоска ела всего...

Старик рассказал:

– Четвёртого вечером немцы начали отступление. Взорвали мосты. Город они уже до этого жгли два дня. Бегали по дворам, приказывали – уходить с ними всем жителям. В карьерах, возле Лужков, укрылось тысячи полторы народа. Но всё же немцам удалось многих угнать... Во-он горит перед вами шпагатная фабрика, а рядом дымится маслозавод. Ничего нельзя было спасти... Рано утром сегодня вошли сюда наши, и боя здесь не было. Только немного постреляли три или четыре немецких миномёта на том берегу... Зато с других краёв города бой был горячий.

Старик полез в воду, начал купаться. А сапёры уже навели мост и пропускали первые автомашины.

Мы проскочили мост, промчались по извилистым дорогам, ежесекундно ожидая, что наскочим на мину, и въехали в Орёл!..

Я встал 6 августа рано утром и вышел на улицу. Хорошо мощёная, с неразрушенными домами, улица имела сугубо мирный вид. И только память подсказывала, что мы входили сюда вчера по пятам немцев.

В конце улицы я увидел двух милиционеров. Это было так необычно, что я невольно улыбнулся. Шли они посередине улицы, торжествующе поглядывая по сторонам. Шли медленно и важно. От них я узнал, что сюда переезжают в тот же день областные власти.

Немного прошёл по улице и увидел, что дальше тянутся кварталы, сильно повреждённые пожарами. На 2-й Посадской в здании родильного дома помещался штаб СС. Немцы взор-

вали его. Здесь же догорали развалины шести или семи домов мирных жителей.

Тяжёлый взрыв потряс воздух. Затем раздались новые взрывы. Это действовали бомбы замедленного действия – в городе и на аэродроме.

Позже я узнал, как немцы готовили подобные взрывы. Они подготовили к взрыву огромное здание на Карачевской улице. Уложили возле фундамента семь авиабомб килограммов по двести пятьдесят – триста весом, несколько ящиков динамита, и всё это снабдили часовым механизмом. Наши сапёры вовремя отыскивали заряды взрывчатки и вынули их.

...После нехитрого завтрака мы поехали осматривать город. Попали в центральную часть. Я увидел, что большинство лучших зданий по улицам Ленина, Комсомольской и другим – взорваны. Взорваны и мосты через Орлик. Однако около сотни орловцев уже установились в цепь и, как по конвейеру, тащили в реку кирпич, строили переправу. На берегу выстроились автомашины в ожидании возможности проезда.

Я часто, попадая в незнакомые места, завязываю дружбу с ребяташками. Они обычно «всё знают». От них можно узнать многое. Так и на этот раз: я уселся на берегу Орлика и разговорился с ребяташками. Они мне рассказали немало интересного об активном и пассивном сопротивлении немцам орловских жителей. Вот пример: в селе Образцово¹ немцы начали отбирать лошадей у крестьян. Один парень вскочил на лошадь и поскакал в сторону леса. Немцы стреляли ему вслед, но не попали. Этот случай решил судьбу парня. В тот же день он стал партизаном.

...Мы пошли осматривать тюрьму, где содержались наши военнопленные.

Уходя из города, гитлеровцы взорвали основные корпуса тюрьмы. Уцелели лишь кое-где высокие стены, окружённые грудями раздробленного кирпича, да несколько одноэтажных и двухэтажных зданий.

¹ Деревня в Орловском районе.

Всех военнопленных, которые могли ходить, гитлеровцы угнали с собой, однако они оставили тех, кто был тяжело болен или ранен. Когда взрывали тюрьму, в помещение, где лежали больные, сыпались кирпичи, обломки железа. В воздухе над людьми грохотала смерть, и лишь некоторые чудом уцелели. Страшный вид имели те корпуса, в каких мы нашли уцелевших раненых. Люди лежали прямо на цементном полу. Вдоль одного из коридоров текла вонючая жидкость из уборной. Впалыми глазами смотрели пленные на нас. Они дошли до того состояния, когда уже перестают реагировать на все изменения во внешней обстановке и воспринимают лишь чувство физической боли.

Одеты были все в рваное платье, у большинства на ногах деревянные башмаки. Их стук гулко разносился по коридорам. Старшим врачом лагерей был военнопленный врач, о котором нам рассказали только хорошее. Он спас от смерти многих раненых, отправлял их в городскую больницу, добывал для них лекарства и пищу. Многим, уже окрепшим, он выдавал фиктивные справки о наличии у них якобы тяжёлой заразной болезни и тем избавлял людей от отправки на работу.

Санитары рассказали, что смертность среди пленных доходила порой до семидесяти-восьмидесяти человек в сутки. Работала специальная погребальная команда из восьми человек. Хоронили здесь же, рядом с тюрьмой. Над могилой ставили столбик и прибывали жестянку с тем номером, под которым пленный был вписан в тюремный журнал.

Большинство умирало от голода. На каждый случай смерти от голода немцами аккуратно составлялся акт. Таких актов было составлено до трёх тысяч.

Часто производились расстрелы здесь же в тюремном дворе, в углу, образованном двумя стенами. Били из пулемётов. Расстрелянных зарывали рядом с умершими от голода и не ставили на их могилах даже столбиков. Говорят, что расстреляно всего около пятисот человек. Содержались смертники в блоке № 1. Кто попадал туда, знал, что от смерти ему уже не уйти...

Вторично я побывал в тюрьме вместе с академиком Н. Н. Бурденко, членом Чрезвычайной Комиссии по расследованию фашистских зверств. Он констатировал, что гитлеровцы намеренно содержали раненых в антисанитарных условиях, ускорявших их смерть.

Запомним фамилии главных палачей: начальником лагеря был майор Копфман¹, его помощником – капитан Маттерн².

Вечером мы разыскали одну женщину, которая рассказала нам, что в районе больших кирпичных заводов гитлеровцы расстреливали жителей Орла и что она сама видела однажды высунувшуюся из-под земли женскую руку. Мы поехали туда и скоро нашли это место. Раза два копнули лопатой и обнаружили человеческие останки.

На следующий день туда приехали Бурденко, начальник областного управления НКВД, много врачей. Начали вскрывать могилу.

Вот из-под земли показалась голубая шёлковая косынка, затем пряди курчавых женских волос. Откопали первый труп женщины. На пальце левой руки у нее было массивное золотое кольцо. Рядом нашли портфель и в нём полуистлевшие ноты романсов Чайковского, документы, по которым стало известно, что убитая – артистка Харьковской эстрады, состоявшая на учёте в Орловской филармонии, – София Давидовна Белова (Энгельсон). Нашли труп старика в комбинезоне и по справке узнали, что его фамилия Масин Лейба Моисеевич³. Остальные трупы опознать не удалось. Гитлеровцы всех убивали по одному способу – из автоматов в затылок.

Я нашёл много стреляных гильз от немецкого автомата, и Бурденко сказал, что это ещё одно вещественное доказательство, уличающее гитлеровцев.

Местом массовых расстрелов был Медведевский лес...

¹ Правильно – Гофман.

² Вариант написания фамилии – Матерн.

³ Имена С. Д. Беловой и Л. М. Масина упомянуты в Акте о вскрытии и осмотре расстрельного рва в районе кирпичного завода в Орле 8 августа 1943 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 37. Д. 3. Л. 1–6.

6 августа на стенах городских домов появились скромные объявления горкома ВЛКСМ о том, что вся молодёжь в возрасте от двенадцати до двадцати шести лет приглашается для получения задания. Я видел, как сотни юношей и девушек шли в горком. Юноши сразу же спрашивали, где можно записаться в Красную Армию, а девушки просили немедленно послать их на работу. Я пошёл туда, и мне удалось поговорить со многими. Вот что рассказали они.

Тамара С. В октябре 1941 года по Ленинской улице немцы вели пленных красноармейцев. Один, раненный в голову, был добит здесь же на улице, потому что не поспевал за всеми. Врача Фельдмана возили по улицам города зимой раздетого, без шапки, с надписью на груди: «Jude».

Галина Р. Вместе с подругами меня заставили работать на аэродроме, а также строить дороги. За работу нам выдавали по сто пятьдесят – двести граммов хлеба. Женщины оставляли его для детей. На дороге мы часто видели и наших пленных бойцов. Они просили хлеба. Одна женщина бросила пленному кусок хлеба, немец затоптал этот хлеб, а пленного, который просил, избил прикладом.

Антонина П. Мой семнадцатилетний брат Алексей был комсомольцем. В день прихода немцев он пошёл в село Крытово, близ станции Ворошилово⁴. А там кто-то уничтожил телефонные провода. Фашисты арестовали Алексея и Моисеева Павла, восемнадцати лет. У Моисеевых сразу же отобрали корову. Начали мы искать Алексея. Искали в тюрьме, тайком передавали записки, но ничего не узнали. Искали в жандармерии и гестапо. В районной жандармерии сказали:

– Есть такой, пока жив.

Десять суток просидел Алексей в одиночной камере. Потом разрешили свидание, но без права переговоров. Но он успел сказать:

– Ладно, мама, молчи!

⁴ Ныне станция Золотарёво на линии Орёл – Верховье.

Снова пришли мы на другой день, но нам ответили: «Их отправили отсюда».

Так и исчезли Алексей и Павел.

Юнкова К. В июле 1942 года выход из города был запрещён. Немцы боялись связи Орла с селом. Несмотря на то, что за выход из города была объявлена смертная казнь, люди всё же ходили.

Пошла и я менять домашние вещи на продукты. Километрах в восемнадцати задержали меня и ещё двух женщин. Привели в комендатуру села Паньково. Там я отсидела трое суток. В первую ночь привели двух мальчишек. Избили их, обвинив в краже консервов. Одному дали сорок пять розог, другому – двадцать пять. Нас привезли к коменданту Орла. Ввели в комнату, поставили в углу. Мы очень устали. Только шевельнулись, комендант приказал стать навытяжку. Долго стояли, пока онемело всё тело. Потом комендант сказал, что я должна ехать в Германию. Повели в глухой подвал. Там, несмотря на лето, было очень холодно. Посреди подвала стол – на него клали тех, кого подвергали порке. Один мужчина сидел в подвале за то, что приютил пленного. Его избили до потери сознания. Мы просидели в подвале около полутора суток. Потом нас выгнали ударами прикладов в спину. При выходе отобрали все вещи и предупредили, что расстреляют, если поймают второй раз.

Сколько они народу погубили! В 1-й школе имени Ломоносова учился в седьмом классе Леонид Малолов. Он был обвинён в связях с партизанским отрядом. Арестовали и Леонида и пятнадцать его товарищей. Продержали их в тюрьме месяца полтора, а потом повесили Леонида и с ним пятерых. Остальных выслали в Германию.

Анатолий Ефремов (тридцать лет) и Николай Балакин нависали от руки несколько листовок, направленных против вербовки молодёжи в Германию. Гестаповцы опознали их по черк. Затем пытали, били шомполами и кусками колючей проволоки, обвивали руки раскалённой проволокой, не давали воды. После Николая Балакина с женой отправили в концла-

герь в Германию, разлучив их с ребенком, а Анатолия Ефремова ещё долго били, затем повесили.

Матери Ефремова палачи сказали: «Забудь, что у тебя был сын, и не смей говорить о нём никому».

В момент отступления фашисты подожгли на Московской улице дома, а двух мужчин и двух женщин, пытавшихся погасить пожар, расстреляли. На Садовой улице¹ подожгли одиннадцать домов, но жители отстояли их. Тогда немцы снова подожгли эти дома с трёх сторон. Снова жители бросились тушить пожар. Чтобы разогнать их, гитлеровские солдаты застрелили одну женщину.

Гитлеровцы планомерно разрушали город: они сожгли тридцать две школы из тридцати семи, разгромили библиотеки имени Тургенева (на ул. Сакко и Ванцетти), имени Пушкина (на Пушкинской ул.), Центральную библиотеку...

Вернулся я из Орла ночью 8 августа в село Яковлево, где находилась наша редакция, а утром 9-го мы уже прибыли в село Черкассы, в полутора километрах от города Кромы.

Черкассы² – маленькое, хорошо сохранившееся село над узкой речонкой. От воды идёт запах тины. Высокие берега. Вот первое, что запомнилось при виде Черкасс.

В Черкассах пожить долго не пришлось: наши войска сбили немцев с новой обороны, и армию срочно перебрасывали на другой участок, к Севску...

Ехали мы на новое место долго и доехали до села с показавшимся мне изумительно красивым названием: Гнань³. Оно и внешне было привлекательным. Как-то трогательно было видеть приветливые опрятные хатки. И утром, уезжая из села, я повторял, как музыкант любящую ноту:

– Гнань... Гнань!..

Затем расположились неподалёку от села Расторог⁴, но и там прожили лишь трое суток и снова отправились в путь.

¹ Ныне улица Максима Горького.

² Речь идёт о деревне Черкасской Кромского района.

³ Село в Железногорском районе Курской области.

⁴ Село в Железногорском районе Курской области.

А. М. Польшин,
А. И. Кондратенко

Комментарии

С. 17, 32. Николай Иванович Пысин (1901–1987?) родился в Саратовской области. Участник гражданской войны – был красноармейцем на Камышинском направлении Царицынского фронта. Много лет служил в армии политработником – награждён медалью «20 лет РККА». На фронте в первые месяцы был начальником отдела армейской жизни газеты 40-й армии «За Победу».

В наградном листе (май 1943 г.) отмечалось: «Работая редактором армейской газеты 48-й армии «Слово бойца» с мая 1942 г. многое сделал в оказании помощи командованию армии и частей в деле выращивания снайперов, бронбойщиков и смелых разведчиков... газета оказала большую помощь командованию частей в деле поднятия боевой активности, организованности и дисциплины».

В отставку ушёл в звании полковника. Был награждён орденами Ленина (1945), Красного Знамени (1944, 1951), Отечественной войны I степени (1944), Красной Звезды (1943), Отечественной войны II степени (1985), медалями.

С. 89. На сайте «Подвиг народа» размещён наградной лист старшего лейтенанта Гусейна Очувича Ибрагимова. Он родился в 1908 г., в Красной Армии служил с 1930 г. Член ВКП(б). С 22 июня 1941 г. воевал на Юго-Западном, затем на Брянском фронте. Командир 1-го стрелкового батальона 894-го стрелкового полка 211-й стрелковой дивизии. В представлении к ордену отмечалось: «Лично разработал план взятия разъезда Дишня. Для этого он вёл подкоп к разъезду в двух направлениях и приблизился к проволочному заграждению на расстояние 40–50 метров. 26 августа [1942 г.], получив приказ на наступление, он в тесном взаимодействии с артиллерией,

которой поставил задачу стрелять прямой наводкой, в 5–30 пошёл на штурм и в 6–00 разъезд был взят.

Занятие разъезда обошлось почти без потерь. Немцы оставили на разъезде почти 100 трупов и трофеи: радиостанцию, 8 автоматов, склад с патронами (до 30 тысяч штук), миномёт, огнемёт, 3 пулемёта и многое другое. Взято 3 пленных. Обозлившись, фашисты в течение 3-х суток пытались взять разъезд обратно, но натолкнувшись на стойкость наших бойцов и правильное решение командования, отступили. Было отбито 13 атак немцев. Бой доходил до рукопашной схватки, до ножей. Тов. Ибрагимов, точно оценивал обстановку и правильно принимал решения. После занятия разъезда он немедленно приступил к его укреплению, что дало возможность удержать занятые рубежи. В этой операции немцы потеряли до 1150 солдат и офицеров убитыми и ранеными».

Ибрагимов был награждён орденом Красного Знамени. В последующем был награждён орденом Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды, стал подполковником.

С. 100. На сайте «Подвиг народа» размещён наградной лист старшего лейтенанта Иосифа Александровича Борщевского. Он родился в 1920 г. в Киеве, по национальности украинец, в Красной Армии служил с 1939 г. Комсомолец. В частях Брянского фронта – с мая 1942 г., командир 1-й стрелковой роты 894-го стрелкового полка 211-й стрелковой дивизии. В представлении к ордену отмечалось: «Для успешного наступления на разъезд Дишня в ночь на 26.8.42 года разминировал минное поле противника, извлёк 25 мин. В 5–30 после артиллерийских залпов поднял роту в атаку, и его рота первой ворвалась в расположение разъезда, в течение 3-х суток отбивала ожесточённые атаки немцев. Борщевский стойко защищал рубежи, в самые напряжённые моменты боя появлялся на самых ответственных участках и, не щадя своей жизни, дрался с немецкими захватчиками. Борщевский своей ротой отбил 13 атак неприятеля и лично уничтожил 25 фашистов. Разъезд Дишня остался за нашей ротой».

Борщевский был награждён орденом Красной Звезды. В последующем – майор, кавалер ордена Красного Знамени, ордена Отечественной войны I степени.

С. 100. На сайте «Подвиг народа» размещён наградной лист лейтенанта Григория Иосифовича Блисковки. Он родился в 1915 г., по национальности украинец, в Красной Армии служил с 1936 г. Беспартийный. На фронт был призван Васильковским военкоматом Краснодарского края, в частях Брянского фронта – с мая 1942 г., командир 3-й стрелковой роты 894-го стрелкового полка 211-й стрелковой дивизии. В представлении к ордену отмечалось: «При наступлении на разъезд Дишня рота Блисковки имела задачу защищать 2-ю роту и развивать успех. Заняв разъезд, в течение трёх суток (26, 27, 28 августа 1942 г.) Блисковка принял на себя 7 контратак немцев, штыком и гранатой лично уничтожил 30 фашистов. Несмотря на то, что он с группой 3 человека был окружён немецкими автоматчиками, он не дрогнул и не отступил от занятых рубежей, а уничтожил окружавшую его группу автоматчиков».

Г. И. Блисковка был награждён орденом Красной Звезды.

На сайте «ОБД «Мемориал» указано, что Г. И. Блисковка пропал без вести. Также там указано место его рождения – Лубенский район Полтавской области.

С. 120. Борис Давидович Лев (1911–1971), командир 4-го гвардейского стрелкового полка. Родился в селе Тишковка Елизаветградского уезда Херсонской губернии в семье рабочего. Окончил школу ФЗУ, работал мукомолом в Сталинграде. Член ВКП(б) с 1931 г. В Красной Армии с 1933 г. В 1941 г. окончил ускоренный курс Военной академии имени М. В. Фрунзе. На фронте с августа 1941 г. Сражался с врагом в рядах 120-й стрелковой дивизии, сформированной в июле 1940 г. в Орловской области. За боевые заслуги 26 сентября 1941 г. дивизия была преобразована в 6-ю гвардейскую. С 8 апреля 1942 г. командовал 4-м гвардейским стрелковым полком. Организо-

вал 23 сентября 1943 г. форсирование Днепра в районе села Теремцы Чернобыльского района Киевской области и 25 сентября 1943 г. форсирование реки Припять у села Осташев Чернобыльского района. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 октября 1943 г. за умелое командование полком, образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм подполковнику Б. Д. Льву присвоено звание Героя Советского Союза.

В последующие годы войны командовал дивизией. Генерал-майор. До 1970 г. продолжал службу в армии. Награждён орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 2-й степени, Суворова 3-й степени, двумя орденами Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги», другими медалями.

Похоронен в Москве на Востряковском кладбище.

С. 45, 104, 123. «Губарев» – несколько неверное написание фамилии, правильно – Губрев. В приказе войскам 48-й армии от 30 марта 1943 г. значится награждённым орденом Красной Звезды заместитель командира по политчасти лыжного батальона 6-й гвардейской стрелковой дивизии, гвардии капитан Губрев Василий Владимирович, 1912 г.р. В Красной Армии он – с 1934 г., призывался Ленинским РВК Новосибирской области, в войне – с июня 1941 г. Эта награда стала первой для гвардии капитана Губрева. Цитата из наградного листа:

«Работая заместителем командира лыжного батальона по политической части, тов. Губрев в наступательных боях показал себя смелым, отважным и умелым руководителем. Весь личный состав батальона бесстрашно сражается с врагом, точно и в срок выполняя поставленные задачи. За период наступления батальон принимал участие в освобождении 16 населённых пунктов, в том числе, при прорыве вражеской обороны. Как политработник, тов. Губрев умело сочетал личную храбрость с руководством боевых операций.

15 февраля, при взятии крупного населённого пункта, села Алексеевка, тов. Губрев находился непосредственно в цепи наступающих подразделений. Когда противник оказал упорное сопротивление, и выполнение задачи задерживалось, тов. Губрев сам повёл бойцов в атаку. Проявив смелость и умелый обход, группа бойцов во главе с Губревым освободила район села Алексеевка, при этом захватила 3 тяжёлых орудия, 30 автомашин и взяла в плен 2 офицера и 4 солдата.

19 февраля в районе села Нагорное, когда командир батальона вышел из строя, командир Губрев принял на себя командование. Батальон по его командованию в селе Нагорное выдержал до 5 крупных контратак и не пропустил врага.

За мужество, смелость и умелое руководство тов. Губрев достоин правительственной награды – ордена Красной звезды.

Гвардии полковник Петров, 13 марта 1943 г.»

К сожалению, о дальнейшей фронтовой судьбе гвардии капитана Губрева сведений найти не удалось.

С. 129. Андрей Феоктистович Гребнев прошёл всю войну, командовал в конце её 17-й Бобруйской Краснознамённой стрелковой дивизией в звании полковника, был удостоен звания Героя Советского Союза, а уже после окончания войны стал генерал-майором.

С. 135. На сайте «Память народа» удалось обнаружить наградной лист на старшего сержанта, помощника командира взвода 135-й отдельной разведывательной роты 143-й стрелковой дивизии Арапова Михаила Константиновича, призванного в Красную Армию в 1936 г. Октябрьским военкоматом Сталинграда, участника войны с белофиннами. Он, действительно, был удостоен ордена Красного Знамени приказом № 36/н войскам 48-й армии от 27 мая 1943 г. Вот описание его подвига: «Тов. Арапов участвовал в ночном поиске, организованном разведротой в ночь с 23 на 24 мая в районе юго-западнее деревни Крестьянка Орловской области. Во

Командир 4-го гвардейского стрелкового полка Борис Лев

Командир 409-го стрелкового полка 137-й стрелковой дивизии Андрей Феоктистович Гребнев

главе с группой захвата, которой он командовал, ворвался в ход сообщения противника. Группа захватила пленного и потащила его с собой. В завязавшейся схватке лично гранатой и из автомата убил 4-х гитлеровцев и уничтожил один пулемёт. Пленный немец доставлен в расположение нашей части. Он дал весьма ценные сведения о противнике».

М. К. Арапов закончил войну в звании старшего лейтенанта.

А. И. Кондратенко

Краткая библиография

Произведения Н. В. Романовского

1. Вань-Вань [рассказ] // Подъём (Воронеж).– 1931.– № 10. – С. 28–30.
2. Максим Горький – великий художник-борец // Культурный фронт ЦЧО (Воронеж).– 1932.– № 16–17. – С. 11–17.
3. Дружба [рассказ] // Подъём.– 1933.– № 1–2. – С. 88–90.
4. Орловские поэты // Подъём.– 1933.– № 3. – С. 95–99.
5. Защитный цвет [рассказ] // Подъём.– 1933.– № 4–5. – С. 81–87.
6. Рассказы о «своём» [о творчестве М. Сергеевко] // Подъём.– 1933.– № 7. – С. 109–112.
7. Статуй [рассказ] // Подъём. – 1933.– № 8–9. – С. 45–51.
8. Статуй. – Воронеж: Коммуна, 1933.– 46 с.
9. Костёр [рассказ] // Подъём.– 1934.– № 4–5. – С. 86–89.
10. Поэт крестьянской революции. К 120 летию со дня рождения Т. Г. Шевченко // Подъём.– 1934.– № 4–5. – С. 153–160.
11. Концерт [рассказ] // Подъём.– 1935.– № 1. – С. 67–70.
12. Мастер пейзажа. К 75 летию со дня смерти И. С. Никитина // Коммуна (Воронеж).– 1936.– 29 окт.
13. Великий народный поэт. К 100 летию со дня смерти А. С. Пушкина // Ленинская печать (Воронеж).– 1937.– № 2. – С. 40–44.
14. Воронежские писатели за 20 лет // Литературный Воронеж.– 1937.– № 1. – С. 224–234 (в соавторстве с М. Булавиным).
15. «Литературный Воронеж» [рецензия] // Коммуна.– 1938.– 18 окт.
16. Владимир Маяковский. 1893–1930. Очерк жизни и творчества. – Воронеж: Областное книжное изд-во, 1940.– 24 с.

17. Сталин в художественной литературе // Литературный Воронеж.– 1940.– № 1. – С. 37–49.

18. Михаил Юрьевич Лермонтов // Лермонтов М. Ю. Избранные произведения. – Воронеж: Областное книжное изд-во, 1941. – С. 3–12.

19. Заметки о творчестве П. Прудковского // Литературный Воронеж.– 1941.– № 1. – С. 245–253.

20. Последние рассказы. Шахтёрский городок. Синий плащечек. Письма // Литературный Воронеж.– 1944. – С. 92–100.

21. Единство: Рассказы, очерки, фронтовые письма. – Воронеж: Областное книжное изд-во, 1945.– 160 с.

22. Из фронтового дневника // Литературный Воронеж.– 1949.– № 1. – С. 197–241.

23. Избранное. – Воронеж: Областное книжное изд-во, 1950.– 164 с.

24. Единство [рассказы, очерки, письма]. – Воронеж: Книжное изд-во, 1954.– 220 с.

25. По фронтовым дорогам: неопубликованные страницы из дневника // Подъём.– 1957.– № 3. – С. 72–86.

26. Добрый путь [глава из повести]. – Корень жизни (Гнездо). – Старый шахтёр. – Из рассказа рыжего Фрица // Подъём.– 1958.– № 4. – С. 133–140.

27. По фронтовым дорогам. Записки армейского журналиста. – Воронеж: Книжное изд-во, 1958.– 206 с.

28. Из фронтового дневника: материалы из архива писателя М. Сергеевко // Подъём.– 1969.– № 3. – С. 135–136.

29. По фронтовым дорогам: Рассказы, очерки, фронтовые дневники, письма. – Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное изд-во, 1971.– 315 с.

30. «Ни разу не был ни убит, ни ранен...»: письмо / вступ. ст., публ. И. А. Белопольской // Подъём.– 2010.– № 11. – С. 155–160.

31. Письмо другу // Чтобы память не прерывалась... Сб., посвященный 65-летию Победы в Великой Отечественной

войне 1941–1945 гг. / сост.: Е. Иголкина, В. Косых, Д. Куцова. – Воронеж: изд-во ВГПУ, 2010. – С. 37–45.

32. Записки фронтового журналиста // Бюллетень лаборатории региональной журналистики. Вып. 7. Ред.-сост. Д. С. Дьяков. – Воронеж: Издат. дом ВГУ, 2020. – С. 66–100.

Публикации о Н. В. Романовском

1. Ашурков Е. На Николая Романовского [эпиграмма] // Подъём. – 1933. – № 4–5. – С. 134.

2. Булавин М. Памяти друга // Романовский Н. В. Единство: Рассказы, очерки, фронтовые письма. – Воронеж: Областное книжное изд-во, 1945. – С. 5–16.

3. Михалёв И. Н. В. Романовский – военный журналист // Романовский Н. В. Единство: Рассказы, очерки, фронтовые письма. – Воронеж: Областное книжное изд-во, 1945. – С. 19–22.

4. Михалёв И. Памяти фронтового товарища // Литературный Воронеж. – 1948. – № 2. – С. 71–76.

5. Сергеенко М. Творческий путь Николая Романовского. К пятой годовщине со дня смерти // Литературный Воронеж. – 1949. – № 1. – С. 177–196.

6. Сергеенко М. Творческий путь Николая Романовского // Романовский Н. В. Избранное. – Воронеж: Областное книжное изд-во, 1950. – С. 3–20.

7. Сергеенко М. [Вступительная статья] // Романовский Н. В. Единство. – Воронеж: Книжное изд-во, 1954. – С. 3–30.

8. Днепров М. Николай Романовский. «Единство» [рецензия] // Литературный Воронеж. – 1956. – № 38. – С. 238–242.

9. Николай Владимирович Романовский: краткая биография // По фронтовым дорогам. Записки армейского журналиста. – Воронеж: Книжное изд-во, 1958. – С. 3–4.

10. Сергеенко М. Фронтовые рукописи Николая Романовского // Подъём. – 1958. – № 4. – С. 130–132.

11. Коноплин Н. Горячее сердце писателя-патриота // Коммуна.– 1959.– 15 апр.
12. Шмуняк Н. Вечер памяти писателя Н. В. Романовского // Коммуна.– 1959.– 23 дек.
13. Сергеенко М. Юнак // Сергеенко М. Память сердца: Рассказы о моих земляках. – Воронеж: Книжное изд-во, 1963. – С. 99–120.
14. Толстой И. Писатель, боец, коммунист // Коммуна.– 1965.– 5 февр.
15. Михалёв И. Памяти писателя-бойца // Коммуна.– 1969.– 12 янв.
16. Китина А. Твой старший товарищ // Учитель (газета Воронежского государственного педагогического института).– 1969.– 14 янв.
17. Ниязов Д. Первый секретарь комитета ВЛКСМ// Учитель (ВГПИ).– 1969.– 16 дек.
18. Акимов В. Был студентом ВГУ // Воронежский университет.– 1969.– 23 дек.
19. Толстой И. Он остаётся в строю: Очерк жизни и творчества Н. В. Романовского // Романовский Н. В. По фронтовым дорогам: Рассказы, очерки, фронтовые дневники, письма. – Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное изд-во, 1971. – С. 4–26.
20. Инютин В. В. Чтобы снова был мир [Рецензия на кн.: Романовский Н. В. По фронтовым дорогам: Рассказы, очерки, фронтовые дневники, письма. – Воронеж, 1971] // Подъём.– 1973.– № 2. – С. 136–138.
21. Ласунский О. Г. Волшебное зеркало. Разыскания. Исследования. Этюды. – Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное изд-во, 1984. – С. 206–207.
22. Лаппо Д. Д. Романовский Николай Владимирович // Лаппо Д. Д. Жертвы беззакония. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. – С. 139–144.

23. Шматов В. Праведный путь Романовского // Подъём.– 2002.– № 6. – С. 210–217.

24. Фёдоров М. Дело Николая Романовского // Фёдоров М. «Громкие» дела писателей. – Воронеж: Воронежская областная типография – изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2009. – С. 22–27.

25. Дьяков Д. Исчезнуть, не дождясь рассвета: воронежские писатели, погибшие в годы Великой Отечественной войны // Подъём.– 2015.– № 8. – С. 152–161.

26. Дьяков Д. «Исчезнуть, не дождясь рассвета...»: воронежские литераторы, погибшие в годы Великой Отечественной войны // Бюллетень лаборатории региональной журналистики. Вып. 7. – Воронеж: Издат. дом ВГУ, 2020. – С. 255–274.

Николай Майоров

...И юность, опалённая войной

Николай Майоров

...И юность, опалённая войной

Это вторая книга Николая Семёновича Майорова, которая, к сожалению, не дождалась автора. 17-летним паренёком ушёл он на фронт. Успел повоевать ровно год. Получил три ранения и три медали «За отвагу», а ещё и «За боевые заслуги». Очень гордился медалью «За взятие Будапешта», так как именно там, на закате войны, пришлось хлебнуть лиха под самую завязку...

Николай Семёнович оставил после себя бесхитростные, но удивительно ёмкие и волнующие воспоминания о своей юности, которой, по большому счёту, и не было. Прямо из детства он шагнул во взрослую жизнь, отдав армии 13 лет. Как и многие победители, прожил очень трудную, но удивительно яркую и достойную жизнь.

До войны

Калабай

Примечательной фигурой у нас в селе был Николай Николаевич, по-уличному – Калабай. Сильный русский мужик с мужественным лицом. Мастеровой. Но – скандалист и выпивоха. Последним занимался регулярно и частенько буянил то дома, то у соседей.

Калабай работал трактористом на МТС (машинно-тракторной станции), неплохо зарабатывал. В те времена оплата трактористам производилась в основном зерном, овощами. Ну, и деньгами тоже, большую часть которых Калабай переводил на водку, или, как он говорил, «на горловые». При том, что пил он крепко, но потерей памяти не страдал. На язык остёр и приврать был мастак.

Однажды Калабай быстрым шагом вошёл в деревню со стороны реки Оки, а на пути у него возникла группа мужиков. Кто-то из них решил сострить и крикнул: «Калабай, соври чего-нибудь». Тот мгновенно в ответ: «Некогда мне с вами болтать, на Оке вон баржа с сахаром затонула, бегу за мешками». И ушел торопливо.

Мужики озадачились. Стали судить-рядить, и порешили пойти на реку посмотреть, а если повезёт, то и поживиться сахаром. Человек десять пошли, а путь-то – три километра. Пришли, там всё тихо, нигде ничего не видно. Поняли мужики, что надули их. Вернулись домой. На другой день пристали к Калабаю: «Что ж ты нас обманул?» А Калабай, не моргнув глазом, отвечает: «Так вы же сами просили соврать чего-нибудь».

Надежда Никаноровна
Майорова – мама

Стреляный

В нашей деревне был большой яблоневоый сад, посаженный ещё барином. Сад хорошо плодоносил. Теперь он стал колхозным. К нему приставили сторожа с ружьём. Охранник проживал в саду в шалаше, рядом бегала маленькая собачонка. В общем, охрана была на высоте.

Деревенские сорванцы частенько пытались проникнуть в сад. За яблоками. Известно же, что у чужих они всегда вкуснее. С тыла сад обнесён плетнём, старым и ветхим. Через него в один из дней после дождя и решили мальчишки совершить набег.

Залезли без проблем, так как знали все лазейки. Рассыпались по яблоням. Рвём и – за пазуху. Дедок мирно похрапывал, но шавка учуяла нас, и голос подала, да такой звонкий! Все мигом свалились с деревьев и к забору. Кто в дыру, а кто сверху попытался одолеть преграду. Плетень не выдержал и

рухнул. Одного мальчика прижало. Тело под завалом, а задняя часть – в саду.

Дед выскочил из шалаша, приложил ружьё к плечу и стрельнул. Заряд соли угодил парню в казённый. Злоумышленник взревел, вырвался из-под плетня и, обгоняя всех, помчался наутёк. По дороге – лужи. Он отбежал малость, снял штанишки и попочкой в лужу стал макать. Думал, полегчает. Ан нет, ещё хуже стало. От воды боль ещё сильнее разбирает. Он срывается с места и бежит дальше.

Тут сообщники сообразили, в чём дело, поймали стреляного, свалили с ног и начали выковыривать соль. А тот ревёт. От боли, а ещё пуще от страха.

Потом бедолагу еле до дома довели. Долго болел. А вмятинки, как от оспы, на заднем месте так и остались на память. На всю жизнь.

1933 г. Кашира. Николай (слева) с братом Виктором

Поджигатели

Стоял сентябрь 1935 года. Страдная пора в деревне. Хлеб скосили, связали в снопы, свезли на ток, сложили в скирды. Начался обмолот хлеба – главного богатства страны. После двух лет неурожая и голода хлеб уродился. Все радовались. И мы, пацаны, были довольны. После школы бежали на ток посмотреть, как в прожорливом чреве молотилки исчезают снопы ржи. Мы помогали взрослым, чем могли. Отбрасывали солому, мякину, подавали мешки под зерно, засыпали его вёдрами в веялку.

Я учился во втором классе. В один из дней, как обычно, мы

грызли гранит науки, писали палочки, крючки. Вдруг около полудня со стороны тока раздались тревожные удары в рельс. Все повскакали с мест и бросились из школы. По улицам уже бежали люди с ведрами, лопатами. От них мы услышали страшное слово: пожар!

Когда подбежали к току, там вовсю полыхала скирда ржи. Люди стали растаскивать рядом стоящие хлеба, тракторист отвёз в сторону молотилку. На руках вынесли веялку. Отнесли подальше в траву мешки с зерном. А на току хлеб на земле насыпан. Стали его обкапывать лопатами. Наконец подъехала пожарная повозка. На ней ручной насос. Двое качают за ручки, а воды-то – одна бочка. Что за подмога?

В огонь стали бросать землю, но толку чуть. Появилась пожарная машина из города. Другие скирды отстояли, а эта сгорела дотла.

Затем нагрянуло начальство, милиция. А ребята уже разошлись по домам. Дело под вечер. К нам заходит милиционер. «Где ваш младший?» – спрашивает. Стало быть, моего меньшого браточка Юрия ищут. А его нигде нет. Прошёл слух, что и Кольку Шурыгина тоже не могут сыскать. Так это они, стервецы, подожгли!?

Уже и ночь на дворе. Наконец, крик: «Ведут!» Оба, как зверьки затравленные, идут, озираются. Видно, боятся самосуда. Следователь бился с ними, бился, но ничего толком не узнал. Решил ребят домой отпустить. И здесь уже, в безопасности, они и рассказали женщинам о том, как всё случилось.

Набрали мальчишки картошки, взяли спички и пошли в овраг. Костёр не разгорается. Тогда они натаскали соломы из скирды и запалили. Огонь мигом побежал по разбросанной соломе и добрался до хлеба. Ребята вначале пытались рубашками сбить огонь, но не смогли, а позвать на помощь взрослых побоялись. Тогда, прихватив с собой спички, они кинулись бежать в деревню. Спрятались под крыльцо, затем перебрались на чердак.

В конце концов, шестилетних поджигателей простили. Хлеб списали. Но всем нам был преподан предметный урок на всю жизнь: с огнём шутки плохи.

Бог в трёх лицах

Моя тётушка Богу не поклонялась, но часто рассказывала об уроках закона божьего в школе, когда училась. Вот один из случаев, услышанный мной.

Вместе с ней в классе учился мальчишка по прозвищу Хват. Хотя на самом деле никакой он ни хват и по уму был слабоват. О таких в народе говорят: ни то, ни сё. В учёбе не преуспевал, а уроки закона божьего оказались для него мукой несусветной. Священник никак не мог втолковать Хвату, что Бог есть в трёх лицах: Бог отец, Бог сын, Бог дух святой.

Тогда поп решил показать предметно. Принёс и дал ученику три пуговицы разных цветов, которым присвоил названия. Красная пуговица стала Богом отцом, зелёная – Богом сыном, а чёрная – Богом духом святым. На следующее утро священнослужитель вызвал Хвата к столу и заставил отвечать заданное. Хват уверенно достал из кармана красную пуговицу и произнёс: «Бог отец!» Затем – зелёную: «Это Бог сын!» Дальше пауза. Учитель торопит: «Ну, дальше». Тогда Хват, набрав полную грудь воздуха, выпалил: «А Бога духа святого мать к порткам пришила». И показал на чёрную пуговицу, пришитую к ширинке штанов.

Все ахнули. Разинув рот, молчал и поп. Ситуация! Мать, видимо, увидела, что на штанах сына не хватает пуговиц. Она полезла в карман, достала чёрную пуговицу и пришила её куда следует. Мать же не знала, что это – Бог дух святой...

Война

Смерть санитаря

Нас, необстрелянных стригунков из маршевой роты, распределили по боевым частям и подразделениям. Стояла весна. Природа проснулась, деревья покрылись листвой, буйно цвели сады. Во всю пели птицы.

Это было в Бесарабии. Мы стояли в обороне. Но дня через два нашему батальону приказали улучшить свои позиции, то есть продвинуться на один – два километра вперёд, на высоты.

Утром, как водится, солдат накормили. Пришёл сержант-санинструктор, раздал индивидуальные пакеты, сказал, куда идти в случае ранения. Держал себя естественно, бодро. И не знал сержант, что станет с ним через два часа.

Ударили пушки по немецким окопам. Нас подняли в атаку – вперёд! Идём по лугу, бежать тяжело. Немцы вначале молчали, а потом начали стрелять из пулемёта. Следом заухал с их стороны миномёт.

Стало жутко, первый раз в такой обстановке. Кручу головой направо, налево. Назад голова не вертится, а хотелось бы. Вижу, все идут. Впереди кто-то из офицеров. Справа увидел санинструктора. Подумал: чего это он здесь? И в это время услышал свист мины, этакий шипящий, противный. А потом – хлоп! И дождь осколков вокруг...

Глянул на санинструктора. Что это? Головы нет на плечах – мина на ней разорвалась и снесла череп, – а человек, полусогнувшись, стоит. Хотелось крикнуть: «Ложись!», но человек без головы стал падать.

Дальше я мало что помню. Настолько потрясла меня эта сцена. Первый убитый, которого я увидел, погиб такой нелепой смертью. Сутки я ничего не мог есть, был какой-то чумной. Хорошо ещё, что не нужно было больше наступать, а приказали окапываться.

Потом много видел смертей. Но эта, первая...

1943 г. Чувашия. Начало службы в армии

В разведке. Первое ранение

Наши войска в ходе весеннего наступления 1944 года освободили Одессу, вошли на территорию Бессарабии и там заняли оборону. В их составе и 84-я Харьковская Краснознамённая стрелковая дивизия. Нас, салажат, привезли на пополнение поредевших рядов. Меня определили в 41-й стрелковый полк во 2-й батальон.

Оборона была капитальная, окопы в полный рост, всё соединено ходами сообщения. Чисто, сухо. Место высокое. Впереди речка Бык, за ней, тоже на высотках, немцы окопались. Между нами проволочные заграждения и минные поля.

Наше командование готовило наступательную операцию, позднее названную Яссо-Кишинёвской. Разведчики работали всюю, и пехотные, и артиллерийские. Я смотрел на них с некоторой завистью. Бесшумно вылезая из окопов, они растворялись в ночи, и все ждали их возвращения. Иногда им сопутствовала удача, и они проникали в тыл противника. Но были случаи, когда их обнаруживали, обстреливали, и они

1944 г. Ржев.
Перед отправкой
на фронт

возвращались ни с чем, нередко с убитыми и ранеными на плечах.

Наше батальонное начальство тоже решило послать свою разведку. Штатной в батальонах не было. В полку был взвод разведки, в дивизии – рота... И вот собрали добровольцев, я тоже записался. Дня три начштаба (он ещё назывался – адъютант старший) батальона сидел с нами в первой траншее, изучал подходы к противнику. Как и настоящих разведчиков, нас разбили на группу разграбления, группу захвата и группу прикрытия. Я попал в последнюю. Должен был обеспечивать прикрытия группе захвата во время её продвижения как вперёд, так и после возвращения.

Вначале всё шло хорошо. Подошли к речке, сапёры переправились на другой берег, чтобы разминировать проходы и прорезать лазы в колючей проволоке. Но то ли шумно вели себя, то ли фрицы не спали, – нас обнаружили. Подняли тарарам: ракеты посыпались, за ними пулемёты застрочили, и мины миномётные прилетели.

Командир дал команду на отход. Отошли сапёры, группа захвата пробежала, а мы должны последними уходить. Стреляем, и я тоже из автомата папю. Наконец нужно и нам возвращаться. Вскочил и в этот момент услышал противный шипящий звук полёта мины справа. Я упал, и мина – клац! – разорвалась. Надо сказать, что она входит в землю почти под прямым углом, и осколки от неё разлетаются во все стороны веером над землёй. Один из осколков оказался моим. Почувствовал сильный удар по правой стопе и резкую боль. Попытался вскочить, но не смог, упал навзничь. Сознание работает ещё, нужно что-то делать – уходить, а то скоро рассвет.

Пополз, автомат что-то тяжёлый стал. Чувствую, полный сапог крови. Надо бы его снять, да перевязать рану, а тогда бы и ползти. Одолел бы триста метров. Но, видно, инстинкт самосохранения взял верх над разумом. Пополз, а в глазах уже круги и тошнота подступает к горлу. Потерял сознание. Когда очнулся, уже рассвело, и было тихо. Стрелять перестали. А как же я? Вновь попытался ползти, но нога – как гиря пудовая. Тогда сел, попытался стянуть сапог, но он не поддался. Опухла нога, да и силёнок, видать, уже маловато. Так жалко стало себя беспомощного, покинутого... И опять память провалилась.

Вторично очнулся, когда почувствовал, что солнце в глаза светит (полз-то на восток). Соображаю, что делать, и, видно, неловко повернулся, трава закачалась, и сразу же впереди прошла пулемётная очередь. Заметили или уже раньше видели? Понял, что не доползу. Укокошат. Решаю: надо найти укрытие и ждать до вечера. Чуть в сторонке увидел воронку от снаряда и пополз к ней – и вновь очередь. Замер. Потом опять пополз к своему спасению. Одолел. Скатился вниз и опять потерял сознание.

Очнулся, солнце уже высоко. Наверное, я опять зашевелился – тут же пулемётная очередь, только теперь в бруствер воронки. Из наших окопов, слышу, кричат: «Майоров, не шевелись до вечера». Значит, знают обо мне, и уже как бы спокойней на душе. Но легко сказать – лежи. Во рту всё спеклось, август стоял жаркий. Вот когда вспомнил деревенских мужиков, которые всегда говорили: «Едешь на день – бери на неделю». Как бы сейчас фляга с водой сгидилась! Но нет воды... Вспомнилась деревня, иконостас бабушкин с иконами. И я, никогда не веривший в Бога, вдруг попросил: «Боже, помоги». Так день и маялся.

Стало страшно, когда увидел тучу мух над раненой ногой. Попытался их отогнать, но опять провалился в беспамятство.

Стемнело, когда услышал женский голос, звавший меня. Это была санинструктор. Я попросил пить, она, узнав, куда я ранен, дала флягу. Всю её выпил и... заплакал. Расслабился, стало быть, а девушка утешает: «Ну чего ты, дурачок?».

Положила на плащ-палатку и потянула, у окопов её кто-то встретил, помог. В окопах положили на носилки и понесли в тыл, в санбат. Подремонтировали. Вернулся в полк. Но свою спасительницу уже не нашёл.

Голубой Дунай

После изнурительного марша по Румынии и Венгрии наш полк подошёл к реке Дунай в районе города Махач. Много мы слышали об этой реке, песни пели о голубом Дунае. Но в ноябре 1944 года он мне не приглянулся, скажем прямо. Никакой он ни голубой, а серо-грязный. Течение быстрое, а главное – широк больно, до 800 метров. Его нам нужно было переплыть и, наверняка, под огнём противника. Правда, оборону на правом берегу держали мадьяры, вояки – не ровня немцам, но всё равно, у них же есть оружие, которое стреляет.

Подготовка к форсированию была недолгой. 6 ноября посадили нас в лодки – и пошёл. Я был назначен командиром группы из восьми человек, один из которых вооружён пулемётом Дегтярёва.

Расчёт противотанкового ружья

Сели в резиновую лодку. Две пары вёсел. Гребём, а нас сносит – легковато судёнышко. Темень, хоть глаз выколи, низкие тучи над головой. Где другие лодки – не видно и не слышно. Вроде тихо. Изредка дежурные пулемёты постреливают, так, для остратки.

Подплыли незамеченными. Прямо перед нами на берегу в окопе спит мадьяр у пулемёта. Хорошо так видно его снизу. Я одному из своих солдат, находившихся на носу лодки, приказываю – прыгай, а он головой машет, значит, не пойдёт. Нас сносит вниз течением. Я спрыгнул сам по грудь в воду, сразу обожгло всего, но лодку удержал. Все вылезли, поднялись на берег.

К счастью нашему, сплошной обороны у противника не было. Были отдельные очаги. Быстро стали окапываться и оглядываться, а тут как раз проснулся пулемётчик и в нашу сторону шарахнул очередь. Одного ранил, второго славянина убил. Вот к чему привело невыполнение приказа. Того солдата, что отказался вовремя прыгнуть в воду, потом судили и отправили в штрафную

1947 г., март, п. Мантурово. С братом Виктором Майоровым

роту. А нас посыпались смертельные подарки. Но бой завязался уже и в других местах, и к нам ещё две лодки пристали. Нас уже человек 20–25 стало к утру, продвинулись до километра вперёд.

Днём несколько раз нас пытались сбросить с пятачка, но мадьяры действовали как-то нерешительно, силёнок, должно быть, не хватало. Не было у них и авиации, а нам «Илы» поддерживали. Ползают краснозвёздные самолёты почти над головами, а потом как врежут из «эрэсов». Нам хорошо, а тем, в кого палят, не позавидуешь...

Ночью весь полк переправился через Дунай и пошёл вперёд. Я здорово застудился тогда, голос пропал. Обсушиться негде было, да и некогда. Только на третий день меня посадили в санитарную машину санроты, тепло – благодать. Обогрелся, отоспался – и в строй. В сторону Будапешта.

Касаткин

Маршевую роту, прибывшую на пополнение полка, быстро растащили по ротам и взводам. Нас, двоих, окончивших школу ПТР, взял лейтенант Галиев, привёл в траншею на передний край обороны, подвёл к сержанту и, сказав: «Это тебе», – ушёл. Сержант представился: «Касаткин, помкомвзвода». Это был небольшого роста русский парень, очень курносый, белобрысый. Брови хмурит – страх на нас, видать, нагоняет. Приказал: «Располагайтесь!»

Уселись на дне окопа, закурили с напарником Ваней Кузнецовым. И такими мы показались сами себе сиротинушками, как в песне – «позабыт, позаброшен с молодых юных лет». Надо заметить, что нам ещё и 18 лет не было...

Немцы постреливают, но где-то в сторонке. Часа через два Касаткин пришёл, забрал Кузнецова и опять ушёл. К вечеру он вновь появился, но уже с младшим сержантом Атамас, как выяснилось, его фамилия. Это уже мой непосредственный командир. Касаткин глаголет: «Назначаю тебя командиром расчёта. Какое ружьё лучше знаешь, Симонова или Дегтяря?» Отвечаю, что стрелял из обоих. «Ну ладно, – говорит, – да-

дим Симонова, хотя оно на шесть кило потяжелее, но зато самовзвод, подручного посильнее дадим – Чержова». И добавил: «Постреляете, глядишь, нас кого-нибудь убьёт или ранит, будешь сам командир. Понял?»

Чего ж не понять. Получил ружьё, дали подручного Чержова, молдаванина лет сорока пяти. Определили место, где нам расположиться. Касаткин рядом, видно, понравился я ему, может, потому, что тоже курносый. Хотя он позже объяснял, что прилип потому, что больше русских нет во взводе, одни молдаване да бандеры. Это он так украинцев звал. В первую же ночь он меня просветил: «Я для тебя Бог, царь и воинский начальник». Позже я узнал о нём почти всё.

Родился Касаткин в 1920 году, под Курском. Семья многодетная, но все девки, он один мужик в роду. И как же сокрушался, что убьют его, и род изведётся и фамилия вымрет. Призван в армию перед войной, окончил полковую школу, после чего направили в Бесарабию. Здесь и война застала, здесь и в плен к румынам попал. Лагерь располагался под Тирасполем, молдаван и украинцев родственники позабирали оттуда под расписку, а русские камень били в каменоломне. Мой отделенный молдаванин Атамас и другой, Бабенко, тоже в плену побывали, но из лагеря их отпустили. Они успели жениться и детей народить. Вот и обозлился на них Касаткин. Да и себя клял, что он теперь тоже не человек, особисты всё придираются, и дома родным не дают покою. Как же, был в плену! Я, как мог, утешал его. Да, видно, был слабым душеприказчиком. Он часто говорил: «Мне хоть бы медаль какую дали». Я понимал его, муторно у него на душе, маята. Потому-то он часто пренебрегал опасностью, но иной раз был до ужаса суеверным и его обуревал страх. Я слышал однажды, когда нас накрыл «Ванюша» (мы так называли немецкий шестиствольный миномёт), как Касаткин молил Бога: «Господи, пронеси!»

В один из первых дней моего пребывания на фронте рота вела разведку боем, чтобы выявить огневые точки врага. Ска-

жу – варварский способ ведения разведки. В открытую поднимались 100–150 человек и шли на окопы врага, а тот палил по ним. В это время кто-то сзади сидел с биноклем, стереотрубой и засекал огневые точки противника. Так вот, комвзвода послал Касаткина с этой ротой. А он решил взять меня с собой, приказав вооружиться автоматом. Рота пошла... Я плохо соображал, что делаю. Помню, бежал сзади Касаткина, копировал его. Касаткин ложился – и я тоже, он бежит – и я тоже. Так весь день.

Нас-таки не задело ни пулей, ни осколком. Хотя огонь был плотный. Касаткин потом спрашивал: «Чего ты всё сзади-то бегал?» Молчу. «А немцев хоть видел?» Говорю: «Нет, не видел». «Ну ладно, хоть так, не повернул назад, значит, будет из тебя солдат!» Это, выходит, крестил он меня под огнём. Позднее оберегал меня, зря не посылал под огонь.

1945 г. Агалатово

В январе, как и предвидел Касаткин, вместо раненого Атамаса я стал командиром отделения. Мы уже были в Венгрии. Немцы здорово нас прижали. Ночью с Касаткиным мы спали в одном блиндаже, если это убежище можно так назвать. Среди ночи я вышел оправиться в траншею и вдруг вижу, как

кто-то метнулся от колючей проволоки к окопу пулемётчика. А тот кимарил. Я окликнул его, и тут же сзади на бруствере разорвалась граната. Мне обожгло руку. Сразу же «заговорила» вся оборона. Видать, немецкая разведка шла за «языком».

Выскочил Касаткин, спросил, что со мной, и потащил в блиндаж, стал перевязывать. А сам приговаривает: «Повезло тебе, Колька, на месяц в тыл пойдёшь, отоспишься».

Я ушёл в санбат и больше моего наставника, если хотите, – ангела-хранителя, не встречал больше и не знаю, к сожалению, его дальнейшую судьбу. Когда вернулся в батальон, его уже там не было. Узнать, где он, сразу ума не хватило. А потом – бои, новые должности. Так и теряем друзей боевых...

Маршал Толбухин

Мне довелось воевать под командованием этого полководца в составе 3-го Украинского фронта в Венгрии. Тяжело пришлось там нашим войскам, представляю, каково было командующему.

В январе сорок пятого немцы на правом берегу Дуная разрезали фронт пополам. Но Толбухин и не помыслил перебраться на левый берег Дуная. В районе Секешфехервара в силу ряда обстоятельств я оказался в подвале дома, где находился его КП. Дело было так.

В начале января я был ранен в руку и попал в медсанбат. С наступлением немцев нас начали отводить к Дунаю. В одну из ночей фрицы на танках вышли прямо на санбат, кто мог из раненых ходить, убежал. В их числе и я с напарником. Выскочили вначале на лёд озера Веленце, а он тонюсенький. Немцы заметили нас и начали поливать из танковых пушек. Лёд крошится, люди тонут...

Страх выгнал нас двоих на дорогу, идущую к Дунаю. В этом же направлении, видим, несётся повозка, запряжённая парой лошадей. Впереди маячит фигура ездового. Мы на ходу вскочили в повозку. Ездовой оказался мёртвым, хотя и держал в руках вожжи. Мы его свалили в телегу, сели впереди, сняли

1946 г., февраль. Румыния. Курсы политсостава при Южной группе войск

ремни и стали погонять лошадей. Так и оторвались от немцев. Бросили повозку, добрались до какого-то дома, забрались в подвал и враз уснули.

Утром какой-то капитан вытащил нас на свет божий, стал допытываться, кто да что, а потом приказал скрыться с глаз, так как это КП Толбухина. И, правда, с крыльца спустился высокий, полный военный в полевой форме с большими звездами на погонах. Маршал показался мне старым, хотя тогда ему было 50 лет. Видно, груз ответственности давил здорово. Но он был спокоен. Главное, не кричал, как остальные начальники. Много позже прочитал высказывание бывшего члена военсовета фронта генерал-лейтенанта Н. Е. Субботина: «Я длительное время работал с Фёдором Ивановичем, знал его как человека кристальной чистоты, беспредельно любившего советских людей, всегда готового отдать за них свою жизнь. Как военачальник, Фёдор Иванович имел две характерные для него особенности. Он, как никто, берёт личный состав, всегда стремился добыть победу малой кровью. И второе – он обладал исключительной работоспособностью»...

Второй раз, уже будучи офицером, я увидел Толбухина после войны. Он командовал Южной группой войск в Румынии и Болгарии. Это было в 1947 году.

Фёдор Иванович приехал в полк на своей машине, без предупреждения. Все офицеры были в тире, стреляли из пистолета. Маршал, приняв рапорт, поинтересовался у комполка, как стреляют его подчинённые. Тот пожал плечами. Тогда маршал и говорит: «Кто выбивает 48 очков из 50, тому отдаю свой автомобиль». Это был трофейный «мерседес», бронированный. Стреляют офицеры, стараются – и мажут! Видно, руки трясутся. Никто условий не выполнил. Толбухин не ругался, не журил, а посадил всех в кружок, сам присел и рассказал, что ещё в царской армии собирались офицеры и стреляли на спор, на дюжину пива, и это помогало повышать меткость.

Фёдор Иванович располагал к себе, был каким-то домашним. За два года пополнел, видно, был болен. Из Румынии уехал в ЗакВО, там 17 октября 1949 года умер. Похоронен в Кремлёвской стене.

Заснул

Война – это адская работа, изматывающая. И не столько физически устаёшь, сколько морально, психологически. Солдатушки ископали земляницы столько, что если все окопы и траншеи сложить вместе, то до Луны бы дотянули. Но это не главное. Большинство людей в шинелях не кретины, а мыслящие существа, способные чувствовать, ощущать.

Люди привыкают к невесомости, к холоду Антарктиды, и многому другому. Но вот к ощущению, что тебя постоянно преследует смерть, привыкнуть нельзя. Можно унять страх, пересилить себя. Но забыть, что костлявая поджидает тебя везде – и сзади, и спереди, и сверху, и снизу, – этого людям не дано, по-моему. Нервы у всех на пределе...

Вот случай, бывший со мной. Мы наступали в Венгрии. Классическая схема для пехоты: артподготовка, движение к окопам противника и бросок метров сорок – сорок пять – ата-

ка. В составе цепи атакующих главное – добежать до черты атаки, откуда побежим до конца, уже не ложась на землю. И «ура!» будем кричать.

Лежим перед окопами. Немцы огрызаются. Пулемёты, автоматы их строчат, как швейные машинки, почти не умолкая. Нужно как-то подавить их, это уже забота командования. Оно вызывает огонь артиллерии, миномётов. А пехотинец лежит в этом аду и думает – убьют или нет? А если ранят – тяжело или легко? Так примерно и я мыслил. И представьте, заснул. Заснул в сорока метрах от немцев, в этом аду! Нервы сдали, должно быть.

Очнулся от удара сапогом в бок. Это взводный надо мной стоит и матерится, на чём свет стоит. Глянул, а мои товарищи уже к окопам бегут. Вскочил – и за ними. Пospel-таки в немецкие окопы.

Среди трупов

В феврале сорок пятого в Венгрии немцы не давали нам покоя. В один из дней они прорвали линию обороны у соседа справа, воздушно-десантной дивизии. Зашли к нам в тыл. Худо пришлось. Стали погибать фланги, а кое-где молодцы просто побежали.

Надо сказать, на правом берегу Дуная мадьяры настроили немало каналов. Один из них назывался Шервиз. Приличное сооружение, шириной метров 10–15 и глубиной метра на два с лишним, с холодной водой, конечно. Вода не замерзает.

И вот немцы своими танками сбросили нас в этот канал. Искупались мы, а сзади кричат: «Стой!» И приказывают окапываться, занимать оборону за каналом.

Пока бегали от танков, вроде холода не чувствовали. Но к вечеру стало пробираться до костей. Просушиться негде. Привёз старшина похлёбку холодную. Остудил, пока нас искал. И наркомовские сто граммов не помогли.

Кто как стали устраиваться на ночь. Я с командиром роты устроился оригинально. Собрали вокруг трупы, они уже окончили. Сложили из них что-то вроде колодца. На землю по-

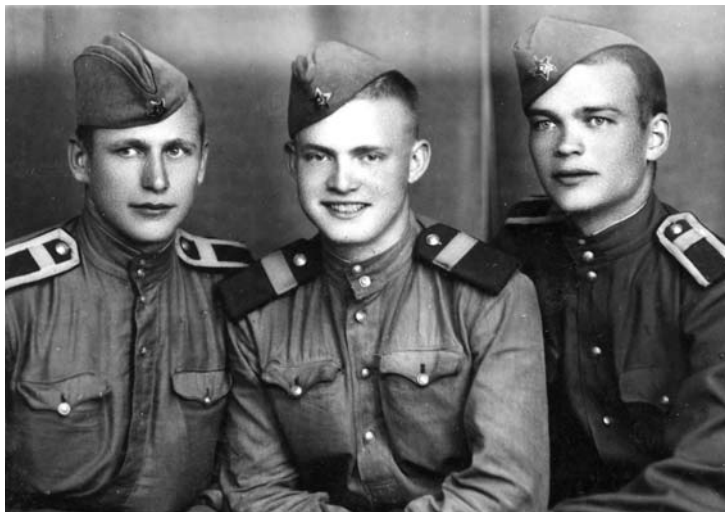
стелили телогрейку, верх затянули плащ-палаткой и укрылись шинелью. Всё, что было у нас. Легли спина к спине и уснули. Представьте, проспали почти до утра, благо фрицы не беспокоили. К утру похоронная команда стала трупы убирать, и нас выгнали из укрытия. А тут и кормилец наш, ротный старшина, явился, чайку горячего принёс.

И ожили. Вот ведь, и хворь не брала...

Оружие любит ласку, чистоту и смазку

Войска 3-го Украинского фронта, отбив мартовское сорок пятого года наступление немцев в Венгрии, перешли в контратаку. Наша дивизия вышла к городу Надьканижа, к нефтяному району. Сил у немцев было недостаточно, чтобы оборонять его, и они подожгли нефть, даже в скважинах. Огонь кругом. Мы стали обходить это место. А потом, обойдя, приняли прежнее направление.

В один из дней мы располагались за мадьярской деревушкой. Вдруг команда: «Противник с тыла!» Это выходили

27 июля 1946 г. Румыния. Пом. комзвода Ф. Головинов, ком. 4-го отд. Н. Майоров, ком. 3-го отд. А. Дубонос

немцы, оставшиеся за огнём в окружении. Не отошли вовремя. И вот идут. Начштаба собрал всех, кто попал под руку: ездовых, писарей, старшин... И я попал в цепь (был в то время комсоргом батальона). Команда: «Огонь!» Надо стрелять, у меня ППШ, жму на спусковой крючок, а автомат молчит. В чём дело? Передвинул затвор, нажимаю – один выстрел, и всё. Глянул, а на затворе нагар от предыдущей стрельбы, и он не идёт. Не чищен автомат...

А немцы идут. Вижу, рядом лужица воды, окунул в неё автомат, стрельнул малость, и вновь незадача. Опять макао: два – три выстрела. Какая досада! До немцев уже метров сто. Всё, думаю, пропал не понюх табаку. И в это время рядом ударил пулемёт – откуда-то прибежал свой пехотинец. Фрицы упали, поползли назад, а часть из них подняла руки. Так я был спасён.

С тех пор никогда не откладывал чистку оружия на потом. Значит, не зря люди говорят, что оружие любит ласку, чистоту и смазку. Так оно и есть.

Бандеровцы

Нашу дивизию после Яссо-Кишинёвской операции вывели в резерв в район Луцк – Ровно. Полк расположился за посёлком Киверцы, в лесу. Строго приказали по одному по лесу не ходить, в туалет – по два – три человека, с оружием. Кругом в лесах были банды бандеровцев. Воины, ещё не остывшие после боёв, вначале с пренебрежением отнеслись к этим предостережениям. Но вскоре бандиты показали себя. За лагерем раздели, забрали оружие и документы у одного солдата, у другого. Потом пропал офицер. Труп его нашли, голый и обезображенный. Мы стали понимать, что шутки плохи. А ведь это было в глубоком тылу. Наши войска ушли далеко вперёд, были уже в Польше.

Нас несколько раз бросали на прочёску лесов. Видели вырытые в земле, тщательно замаскированные «схороны» оуновцев, а их самих почти не встречали. Хотя во сне уже они стали сниться. Но страшное видение не заставило себя ждать.

Утром позвонили из райцентра и попросили выслать солдат в село километрах в восьми. Приехали. Жители стоят у дома, в котором находился сельский совет. Перед домом большая берёза, и на ней висит мужчина. Это был председатель сельсовета, а повесили его бандеровцы. Говорят, это уже второй случай. Мы походили по лесу, постреляли даже, с тем и уехали.

А через три дня нас вновь вызвали в то же село. И вновь увидели труп на той же берёзе. Но на этот раз висела женщина. Рассказали нам, что это учительница, приехала сюда на работу, а её после гибели председателя сельсовета назначили, можно сказать, силой на его место. Была комсомолкой. Через день назначения к ней явились трое и заявили, чтобы за ночь она собрала для них три мешка зерна, две свиньи, самогон и так далее.

Что могла сделать девчонка? Селян не знала, да они, видно, вряд ли помогли бы ей. Утром опять пришли трое. Она, конечно, ничего не сделала, её и вздёрнули на берёзе.

Мы были потрясены. Солдаты спилили эту берёзу, со всего села согнали мужиков, не миновать бы самосуда. Но подъехало к этому времени начальство из района и сотрудники НКВД...

Солдатская баня

Чтобы солдат хорошо воевал, ему нужно и оружие, и боеприпасы, и обувь, и одежда, и приварок, и курево, и шанцевый инструмент – лопата...

С оружием и припасами всё ясно – что положено по штату, то и получай, обихаживай и стреляй. Одежду и обувь старшина выдаст. Бельё солдату меняли через 10 дней. Правда, в условиях фронта это не всегда удавалось, особенно в войсках первой линии. Но о бане не забывали, опять же и гигиена, и вошек вовремя ликвидировать.

Помывка проходила во втором эшелоне. Подбирали домик, а чаще ставили палатку. Рядом устанавливалась железная бочка (вошебойка), под ней разводили костёр. Пока солдата водворяли в «баню», его обмундирование вешали

1948 г. Румыния

на шомпол и засовывали в бочку, где минут 40–45 пропаривали. Бывали, но реже спецмашины для этой цели.

Солдат тем временем моется, мыло ему выдают, чаще жидкое, а вот воды всего 2–3 тазика. Ну, летом куда ни шло, не озябнешь. А зимой под брезентом палатки не соскучишься.

Поэтому процесс шёл без задержки. Частенько после бани делали различные прививки (от столбняка, холеры и так далее).

Портянки давали два раза в год по две пары. Давали солдату НЗ (неприкосновенный запас) – 600 г сухарей, тушёнку, сахар и обязательно патроны – это на чёрный день.

Была и дневная норма в боевых частях – 3450 калорий. Всего же в армии существовало 14 норм. Самая высокая для экипажей боевых самолётов – 4710 калорий, самую низкую – 2810 калорий – получали караульные войска.

На передовой солдаты получали пищу два раза в сутки – утром и вечером, пока темно: первое, второе, чай, хлеб. Чай был подкрашенной жидкостью, чаще холодный. Подчас сахар плохо растворялся. Пищу готовили в походных кухнях сразу на роту, где-то в тылу. Доставлял еду старшина с ездовыми в термосах. Хлеб в буханках делили сами, похлёбку и кашу делили по котелкам поварёшкой (солдаты звали её разводящей). Водку в боевых частях по 100 граммов на брата (почему-то всегда мутную) вечером разливал старшина сам специальной меркой металлической. Делал он это так, словно совершал какой-то священный обряд причастия. Насколько помню, солдату полагалось на день 800 г хлеба, а сахару 700 г, но на месяц, и 200 г табаку.

Каждому выдавали котелок и ложку. Котелки были круглые и большие, неудобные при ходьбе. Встречались и пло-

ские, но реже. Если котелок можно было и потерять, а потом к кому-нибудь пристроиться, то ложку берегли пуще глаза, прятали её за голенищем сапога или обмоткой. Сейчас можно только поражаться, как тогда не было эпидемий. Практически ни котелок, ни ложку не мыли. Часто кашу ели под скрип песка на губах. И я не помню, чтобы кто-то маялся животом. За всё время пребывания на войне я единственный раз охрип и то из-за того, что выпил очень холодного виноградного вина из хорошего подвала.

Солдату полагалось денежное довольствие. Но не припомню, как распоряжался деньгами на фронте. В запасном полку их в основном тратили на покупку хлеба или махорки. Нужно было купить иголку, нитки, материю на подворотничок, бумагу для писем. Иголку с ниткой носили в пилотке или шапке...

За границей деньги клали на сберкнижку или отправляли по займу на оборону. Помню, когда вошли в Румынию, нам дали местные леи. На них мы с ребятами накупили белого хлеба и ели до отвала. А в австрийском Граце на шиллинги мы купили целое ведро мороженого весового и ели его ложками, сидя на полу.

После войны на моей сберкнижке была какая-то сумма денег, на руки мне их не выдали, но в военторге можно было отовариться перечислением. Так вот, в г. Констанца я купил на всю «военную зарплату» патефон и грампластинки...

Без руки

Наши войска сдали город Секешфехервар. Правда, за город дальше немцев не пустили, сзади поставили заградотряд с бронетранспортёрами. Слишком много было поставлено на карту. В случае если бы фрицы продвинулись дальше к Бичке, они бы отрезали 24-ю армию и выходили к Будапешту, где была окружена их группировка войск. Поэтому наше командование решило нанести удар мехкорпусом в острие немецкого клина.

Рано утром мехбригада пошла в наступление. Надо сказать, что артиллерийское обеспечение было слабеньким, ави-

ации не было видно. И немцы не преминули этим воспользоваться. Боевые порядки наступающих были смяты, запылали танки и транспортёры. Потянулись раненые, а за ними бежали наши солдаты. Окровавленный комбриг пытался остановить бегущих, кричал: «Гвардейцы, неужели нам в Дунае купаться?!» – но его обходили молча, правда, не так прытко, как до этого. Комбриг упал, его подхватили и понесли в тыл.

Немцы не преследовали. Наш батальон срочно выдвинули на высоты, чтобы закрыть этот участок. До конца дня шли и ползли раненые. Некоторые были очень тяжёлые, особенно обожжённые танкисты. Но меня лично поразил один солдат. Он шёл, раскачиваясь из стороны в сторону. Каждый шаг давался с трудом. Когда он подошёл, мы поразились. У него начисто около плеча была оторвана левая рука, торчала оголённая кость, крови не видно, всё обожжено или – в грязи. Но в правой руке он держал свою оторванную левую за ладонь.

Подошёл к нашим окопам, взгляд безразличный, в лице ни кровинки. Кто-то предложил ему сесть. Он послушно сел. Ему дали покурить. Он положил в сторону левую руку, жадно затянулся дымком от сигарки. Никто не проронил ни слова. Тогда солдат встал, взял руку и пошёл. Ему вслед: «Зачем берёшь руку?» А он в ответ: «Как же я буду без руки-то». И пошёл.

Вслед побежала медсестра, пытаюсь перевязать его. Он отмахнулся. Откуда-то подвернулась повозка, его опрокинули в неё и повезли...

Гибель парторга

Война шла к концу. Наши войска заканчивали штурмовать Берлин, была взята Вена, встретились с американцами на Эльбе. Наша дивизия почти на самом левом фланге 3-го Украинского и всего советско-германского фронта продвигалась в предгорьях Альп к Австрии. Мы брали высоту за высотой. У немцев не было сплошной обороны. Как правило, это были заслоны из пулемётчиков и миномётчиков. Огрызались они, и, бывало, убивали наших людей.

В один из последних дней апреля сорок пятого командный пункт батальона с утра расположили почему-то в домике на самой высотке, в боевых порядках пехоты. Немцы, видимо, засекли передвижение у домика и решили накрыть его миномётным огнём.

Всё командование батальона находилось внутри здания. Когда начался обстрел, заместитель комбата по политчасти капитан Малинин решил, что дом – ненадёжное убежище и, крикнув парторгу: «Енин, за мной!» – выскочил из дома и прыгнул в открытую щель. За ним, повинуясь приказу, прибежал лейтенант Енин. И почти в то же время прилетела мина немецкая и прямо в это укрытие угодила. Разорвалась на бруствере. Парторга убило сразу – перебило сонную артерию, замполита тяжело ранило.

Надо же такому случиться! Все, кто был в доме, остались невредимы, а парторга убили за восемь дней до конца войны. Погиб очень хороший человек, прошедший войну от звонка, но так и не увидавший нашу победу.

Как кончаются войны

У писателя В. Субботина есть книга, в которой он описывает своё видение этого исторического события. Для меня это было несколько иначе.

В первых числах мая сорок пятого меня вызвал заместитель командира 41-го стрелкового полка по политчасти подполковник Диктович, вручил предписание и приказал ехать на курсы младших лейтенантов 57-й армии. В это время я исполнял обязанности комсорга второго батальона.

Курсы размещались в венгерской деревне Панкац, недалеко от австрийской границы. Прибыл я туда на попутных машинах к вечеру 2 мая. Как положено, доложил о прибытии, и меня определили в роту, которая готовила политработников, а ещё в двух ротах готовили командиров. Размещались мы в большом сарае, где были сделаны трёхъярусные нары с соломенными матрацами, подушками из сена. Учебные классы располагались под открытым небом. Столовая была в другом сарае.

1953 г. Замполит доволен: его батарея за успехи получила в подарок баян

Начали мы грызть науку. Основы марксизма-ленинизма, партполитработу, тактику, огневую подготовку. Программа рассчитана на три месяца. Местное население – мадьяры – относились к нам лояльно, хотя близости с нами не было. Каждый сам по себе.

8 мая с вечера я был назначен дежурным по роте. После отбоя сходил к дежурному по курсам, доложил, что всё в порядке в роте, все спят. Он и мне разрешил идти поспать до четырёх утра. Когда шёл обратно, обратил внимание, что мадьяры стоят кучками, о чём-то горячо толкуют. Подумалось – о севе, о деревенских делах.

Пришёл, лёг спать, наказав дневальному разбудить в 4 часа. А часа в два или около трёх меня трясёт дневальный:

«Товарищ сержант, проснитесь». Встал. Ничего не пойму, где-то ракеты разноцветные пускают. Спрашиваю, в чём дело. Дневальный не знает. Тогда я вышел на улицу. Вдалеке к небу летят трассы пуль, и ракеты кругом.

Что там стряслось? Побежал к дежурному узнать. Лейтенант лежит вниз лицом, бьёт кулаками по топчану и плачет. «Что с вами?» Он вскочил, облапил меня и кричит: «Дурачок, война кончилась!» Меня так и подхватило, вырвался от него и в роту. На ходу ору: «Подъём, ребята, война кончилась!»

Все вскочили, в одних трусах высыпали на улицу. Потом заорали: «Ура!» Начали кого-то качать. Кто-то притащил оружие, хотя ключи от пирамиды были у меня, и патроны нашли. Началась бешеная стрельба с того места, где размещались строевики, ударила пушка, была у них «сорокапятка». Какое-то буйство неуправляемое, все обнимались, целовались. Многие говорили: «Выжили, целы. Конец».

Когда расстреляли патроны, на улицах появились местные жители, и наши солдаты стали с ними обниматься. Право слово, как хмельные. Потом к рассвету мадьяры привезли большую бочку вина на повозке прямо к сараю и стали нас угощать. Пьют солдаты и не хмелеют. Стали разбредаться по группам. Это были парни 1924–1926 годов рождения, молодые, но уже хлебнувшие лиха сполна.

Я остался один, как-то расслабился. Вот и опустил занавес последнего акта всемирной трагедии. Война умирала. Война безжалостная, очень жестокая. Так было всегда. Это считалось законом. Вспомнилась статья И. Эренбурга «Убей немца!». Он призывал мстить. Но, видно, началась новая эпоха в истории войн, и победу одержала самая гуманная, самая милосердная армия в мире – Красная Армия. Почти каждый фронтовик имел свой счёт к фашистским извергам, но мы не проявляли жестокости к мирному населению, против безоружных.

В ту ночь я много думал о далёкой Родине, о близких. Видел ликующих парней: русских, украинцев, белорусов, казахов...

Это они завалили самого страшного зверя в людском обличье. Потом мы слушали глуховатый голос Верховного Главнокомандующего И. Сталина. Он объявил о Победе. И вновь ликование, затем праздничный обед с водкой, нас поздравлял начальник школы.

Всё. Кончилась война. Мы победили.

После войны

Аттракцион

Наш полк стоял в румынском городе Рымнику-Сэрат. Прошло два года после окончания войны. Жизнь входила в нормальное русло. Рабочие работают, торговцы торгуют, брадобреи бреют. Каждый занят делом, зарабатывает на хлеб насущный, как может.

Открылся городской парк. В центре – приличная чаша бассейна с небольшим фонтаном, до краёв заполненная водой. Так вот один предприимчивый и, надо сказать, смекалистый румын решил здесь деньги делать. Смастерил из фанеры кольца, принёс маленькую уточку и пустил её в воду. Вот и аттракцион готов! Пожалуйста, покупайте кольцо, хотите – несколько, и попробуйте набросить его на шею утке. Набросите, вас ждёт премия – ещё одно кольцо.

Желающие быстро убедились, что задача почти невыполнимая. Только бросил кольцо, утка уже нырнула под воду. Пробовали бросать с разных сторон. Безрезультатно!

Как-то в один из вечеров к фонтану подходят три русских офицера. Все явно под хмельком. Началась охота. Офицеры уже порядком раскошелились, но всё без толку. Ребята завелись. Растёт толпа зевак. А уточка уходит под воду, дразнит «охотников», да и только.

И тогда один из воинов сбрасывает китель, сапоги и в брюках прыгает в бассейн с намерением поймать утку руками. Но не тут-то было! Утка мечется, а уходит от него. Кругом хохот.

Трудно сказать, чем бы всё это закончилось. Но тут подошёл комендантский патруль. Посрамлённый незадачливый охотник был препровождён в комендатуру. А утром получил от командира полка взбучку.

Аттракцион же прикрыли. Больше мы не видели ни предприимчивого румына, ни его проворной уточки.

Матрос с «Потёмкина»

Прочитал я как-то интересную бумагу, озаглавленную «В капитул Российских императорских царских орденов». И вот на что обратил внимание:

«По докладу командира 36-го флотского экипажа 2-го ранга Пальчикова от 31 марта 1906 года... лишается знака отличий военного ордена 4-й степени и медали в память боя при Чемульпо матрос 2-й статьи Иван Стрекалов, награждённый этими отличиями за бой 27 января 1904 года. Согласно приговору военно-морского суда Севастопольского порта, состоявшегося с 25 января по 4 февраля 1906 года и вошедшего в закон-

9 октября 1949 г. Тренер Н. Майоров и футбольная команда в части 64712 после удачно проведенного сезона

ную силу 23 февраля по делу о бунте на броненосце «Князь Потёмкин-Таврический», исключается из службы с лишением воинского звания и знака отличия военного ордена и медали «За бой «Варяга» и «Корейца» при Чемульпо».

Здесь же была изображена эта медаль диаметром 31 мм. В центре её изображён орден святого Георгия, окружённый лавровым венком. По окружности надпись: «За бой «Варяга» и «Корейца» 27 января 1904 года при Чемульпо». Медаль носилась на ленте Андреевского флага. Всего её получили 670 человек. Большинство матросов затем были направлены на «Потёмкин» и участвовали в восстании. Крейсер «Потёмкин» ушёл в Румынию. Часть экипажа там и осталась. Осели, оженлись.

Прочитав об этом, я вспомнил, как в 1947 году в Констанце в корчме несколько раз к нашим офицерам подсаживался высокий седой мужчина лет 60–65, хорошо говоривший по-русски. Он всем объяснял, что был матросом на «Потёмкине». При этом с тоской в голосе вспоминал Россию.

А однажды мужчина пришёл в полной форме: морской тельняшке-фланельке и бескозырке, на которой читалась надпись «Князь Потёмкин-Таврический». На фланельке две медали, одна из них, точно помню, на андреевской ленте, как наш орден «Слава». Мы рассматривали их, и сейчас, увидев изображённую на документе медаль «За Чемульпо», точно могу сказать, что именно такая была у того матроса. Значит, он, сердечный, ещё в 1904 году сражался на крейсере «Варяг» против японских самураев.

Живой герой сидел перед нами, а мы оказались бездушными. Лишь из приличия слушали его и наполняли его стопку цуйкой. А надо бы подушевней с ним, тосковавшим по родине...

Шпион

Мы продолжали службу за пределами родины. Обстановка в мире обострилась. В Южной группе советских войск, расположенной в Румынии и Болгарии, были сформированы несколько новых дивизий. В том числе и наша зенитная

артдивизия. Расквартировали её в г. Меджидия, в 30 километрах от г. Констанца – порта на Чёрном море. Начали прибывать солдаты 1928 года рождения. Как водится, «покупатели» из комсостава выискивали среди них нужных себе людей. Начальник клуба полка капитан Вдовин также присмотрел себе парня, умеющего малевать. У него неплохо получалось писать лозунги, оформлять стенды. Однако оказался художник на редкость неразговорчивым. Короче, кроме фамилии мы не знали о нём ничего.

Вскоре Коля Вдовин пришёл ко мне с просьбой остаться за него на месяц, пока он съездит в отпуск. Так я, будучи комсоргом полка, вступил в права начклуба.

Однажды начфин полка говорит, что по красной статье (была такая, 43-я, на культпросветимущество) остаются деньги. Я доложил заместителю командира полка по политчасти о ситуации. И он дал команду взять деньги под отчёт, и в Констанце купить краски, бумагу, настольные игры.

На другой день я оформил документы, получил деньги и собрался к поезду. Вдруг вызывают к начштаба, а тот настаивает, чтобы я взял с собой художника. Я стал возражать, дескать, он мне не нужен, сам справлюсь. Но начштаба настоял: пусть таскает покупки.

Мы сели в поезд Бухарест – Констанца. Поехали. Двое в купе. Двери стеклянные. Вижу, по коридору прошёл наш полковой начальник особого отдела. Я ещё подумал: что это он здесь делает? Смотрю, он обратно идёт и мне делает знак, чтобы я вышел в коридор. Я сказал художнику, что иду в туалет. И вышел. Особист меня вывел в тамбур, и официально суёт под нос своё удостоверение. А затем объясняет, как я должен вести себя по приезду в Констанцу, где идти и куда. И в конце; «Понятно?» О чём вопрос! С этими людьми лучше не спорить и не задавать лишних вопросов.

Вернулся в купе, а на душе кошки скребут: что бы всё это значило? Сошли с поезда, пошли по перрону мимо вокзала к воротам. Художник просит зайти в вокзал, чтобы выпить газ-

воды. Я говорю, что попьём на улице Короля, и продолжаю путь. Он топает за мной, сопит недовольно.

Миновали вокзальную площадь, свернули налево в узкую улочку, чтобы по ней пройти к центру. Вижу, в середине улицы стоит чёрный «мерседес», в нём люди в штатском. А вокруг никого. Только поравнялись с машиной, моментально раскрылись двери, и мой малый, не успев даже охнуть, очутился с кляпом во рту на заднем сиденье автомобиля. Взревел мотор, и машина скрылась.

Я стою, как ошалелый. Всё произошло с такой быстротой, словно мне почудилось. Ноги предательски дрожат, и пот течёт по позвоночнику, видимо, от страха. Не слышал, как сзади кто-то подошёл и положил руку на плечо. Вздвогнув, обернулся. Стоит наш особист, улыбается: «Спасибо, Вы нам очень помогли». Потом легонько подтолкнул: «Иди!»

Как и что покупал, плохо помню. Приехал в полк, рассказал замполиту о происшедшем. А он уже в курсе. Оказывается, наш художник завербован английской разведкой. Стало быть, шпион! Жутко прямо стало.

Вечером подошёл особист и попросил об этом никому не рассказывать. Что я и делал почти 30 лет.

В Киево-Печерской Лавре

В 1948 году мы, трое офицеров из одной дивизии, попали в Киев проездом в отпуск. В Киеве обычно снимали деньги со сберкнижки по поручению. За границей-то советских рублей не давали.

Мы прошлись по городу. Киев был сильно разрушен. Крещатик лежал в развалинах... На одном из углов стоял пивной ларёк. Мы пили пиво и краем уха слышали, что недалеко находится знаменитая Киево-Печерская лавра. Не долго думая, отправились туда.

На высоком берегу Днепра стоит старинная церковь, огороженная кирпичной стеной. У входа в церковь толпилось много народу, в основном пожилые женщины. Мы прислуша-

лись. Одна рассказывала, как она добиралась до Киева. Заинтересовались.

Женщина из Сибири. В 1941 году, провожая сына на фронт, она дала обет, что если он вернётся домой живым и невредимым, она пешком пойдёт в Киев молиться Богу. Счастье ей улыбнулось. Сын остался жив. И мать решила идти. Сын уговаривал не делать этого, но когда понял, что ему не удастся отговорить мать, предложил деньги на дорогу. Мать поехала, но потом сошла с поезда и последние 50 вёрст прошла пешком. Её собеседница пришла из Крыма. Тоже пешком.

Вот она, сила веры! Мне кажется, что у каждого разумного существа должен быть, если хотите, свой Бог, вера во что-то или в кого-то. Кроме вещизма и преклонения золотому тельцу...

В лавре мы решили осмотреть мощи святых или причисленных к ним церковью. В крутом берегу вырыты под землёй пещеры, соединённые ходами сообщения, высотой 82 сантиметра и достаточной ширины. Справа и слева углубления – застеклённые ниши, где лежат трупы людей. Тела покрыты покрывалом, видны головы, кисти рук и стопы ног. Своды ходов сообщения нигде ничем не подпёрты. Углубления вырыты лопатой в песчанике. Вход начинается у монастыря и тянется метров на 300–400. В конце – церквушка, тоже вырытая в песчанике. Обставлена соответственно ритуалу.

Итак, мы идём смотреть мощи. Не поклоняться, так как никто из нас не верит ни Богу, ни чёрту. Идём просто смотреть. У входа продают свечи, достаточно большие, чтобы хватило на весь путь. Монах – малый лет 35 – собрал группу из десяти человек, открыл дверь, и мы стали спускаться вниз. Товарищи офицеры идут в фуражках. И вдруг резкий окрик нашего вожатого: «Снимите, нехристи, шапки!» Это он нам. Мы поспешно сдёрнули фуражки с голов. Ощущение такое, вроде чем-то нашкодил.

В подземелье влажный прохладный воздух, но не затхлый. Видно, где-то есть вентиляция. Свечи зажгли. Дверь закрылась, и мы пошли. Монах объясняет, кто, где из святых лежит. Из его рассказов уяснили, что человек, причисленный к лику святого,

как правило, из монахов. Когда он чувствовал, что силы земные покидают его, брал заступ, спускался вниз и рубил землю, делая ход дальше и вырубая себе нишу, в которую ложился, почти замуравывая себя. Оставалось лишь маленькое отверстие для доступа воздуха и подачи воды. Уже с этого времени пищи он не принимал. И так, усыхая, умирал. Требовалось разрешение настоятеля монастыря на постройку себе прибежища под землёй и 15–20 дней голодовки, и ты – святой.

Но как сохранялась кожа? Бальзамирован ли труп? Не знаю до сих пор. Сопровождавший говорил, что ничего не делали. На то он и святой, чтобы не разлагаться, как все смертные. Но ведь так не бывает...

ЧК не дремлет

Приближается полночь – 1 января 1950 года. Офицеры полка собрались в столовой встретить полувековой юбилей. Общество украшает единственная женщина – жена комполка. Дама блистала, рыцари танцевали с ней по очереди. Столы накрыты прилично, было и хмельное зелье.

Мне нездоровилось – подстыл. Посему спиртного не пил. Где-то в час ночи замполит говорит мне: «Сходи в казарму, посмотри, как там». Прошёл по первому этажу. Все на местах. Солдаты спят, дневальные на постах. Поднялся на второй этаж. Тоже вроде порядок. Вышел в коридор, там помещались каптёрки батарей. В одной, слышу, разговор. Открываю дверь. Сидят три сержанта. Из них двое старшины батарей (в полку не было сверхсрочников), третий – командир радиолокационного взвода Черкасов. Парень служил срочную.

Я предложил всем идти спать. Вышли из комнаты на лестничную площадку. Старшины ушли, а Черкасов подошёл ко мне и стал изливать душу. Рассказал, что он видел в России (недавно вернулся из отпуска): там люди плохо живут, а политработники на занятиях говорят, что всё хорошо. Парень явно перебрал хмельного, и язык у него отвязался. Я говорю, что такой разговор не по пьянке ведут, и проводил его спать. Вернулся

в столовую, вечер шёл к концу. Доложил начальству, что всё в порядке, и ушёл отдыхать.

Часов в девять утра за мной прибежал посыльный – вызывают в штаб. Иду. Спрашиваю у дежурного, кто вызывал. Тот показывает на дверь начальника особого отдела. Захожу: «Звал?» Он показывает на стул: «Садись». Официально, руки не подаёт. Кабинет, надо заметить, больше чем у комполка, с двумя выходами. Сажусь. Не пойму, о чём пойдёт разговор. И тут слышу: «Расскажите, что было сегодня ночью?» Паясничаю: «Мы же с тобой водку пили по случаю юбилея». «А в казарме?» – спрашивает. «Вроде ничего, – отвечаю, – трое унтеров в каптёрке засиделись, турнул их оттуда». «А о чём толковали с Черкасовым?» Вон оно что! Значит, ему уже настучали. Тяну, вроде не помню. А опер мне почти дословно пересказывает наш ночной разговор. Откуда?! Мы же были с сержантом вдвоём, все спали, дневальные находились с другой стороны казармы. Соображаю, что сержанту не миновать крупных неприятностей. Пытаюсь смягчить, о водке что-то говорю. Особист даёт подписать бумагу о неразглашении содержания нашего с ним разговора.

Я вышел, а на душе маята. Хотел найти сержанта, но вовремя одумался, понял, что за ним уже следят. А через три дня Черкасова отправили в Союз под негласным надзором. Полк лишился классного специалиста.

Я встретил Черкасова у штаба, он уже собрался в дорогу, шёл на вокзал: «Уезжаю, товарищ лейтенант». Мне стало не по себе. Говорю: «Прощай, сержант, не суди меня строго». А он мне отвечает: «Не казись, я знаю, что это не ты». Да, подумал я тогда, работают ребята из «особняка». Но кто настучал на парня, так и не выяснил.

Смекалка

Полк принял новый командир – Иванов. Стал вводить новшества. Офицеров заставили учиться водить танки, машины. Для артиллеристов обязательной стала стрелковая подготов-

ка. Словом, заставил всех работать. Стал выбивать из нас фронтовой дух.

Зароптали офицеры. Начали искать контрходы. В коллективе всегда есть лидеры. Был и у нас такой – капитан Гиляровский. Признанный авторитет, умница, и специалист грамотный. И вот столкнулась власть с находчивостью. Ум пошёл на силу.

Полк как-то по тревоге подняли и вывели в поле. Последовала команда: «Зарыть, замаскировать и доложить!» стоял август, земля потрескалась. В таких условиях зарыть пушку или танк в землю – дело не лёгкое. Кирка отскакивает от земли.

Собирается совет: что делать? Решаем пройти с шапкой по кругу, на собранные деньги в деревне купить вина, закуски и пригласить комполка на обед. Сказано – сделано! Всё организовали. Нужно приглашать Батю. Идёт Гиляровский. «Товарищ полковник, офицерский состав приглашает Вас с нами отобедать». «Что там у вас?» «Помидорчики, огурчики, виноград есть, брынза и мёд натуральный». Полковник кричит: «Скажите офицерам, я буду».

Приходит. Все ждут. Вино в сторонке. Гиляровский: «Товарищ полковник, в такую жару не грех холодненького винца из погребка». Комполка поднял брови: «Вы об этом не говорили». «Да пока к Вам ходил, они организовали», – кивком показывает назад. «Ну, раз принесли, не выливать же...»

И пошло. Упоили-таки полковника. Гиляровский с маслеными глазками, ну сама невинность, ангел, а не чёрт, подбирается к Бате и показывает на солдат, бьющих землю: «Отдохнуть бы служивым». Полковник машет рукой: «Пусть отдыхают». И понеслось по рядам: «Отбой!»

Солдаты улеглись, пообедав. Благодать! Нежатся, не подзревая, конечно, кому они обязаны отдыхом. И не узнают, что в этот день находчивость, смекалка русская почти одолела солдафонство.

Форель – рыба царская

До того, как я попал на Карельский перешеек, считал себя рыбаком. С малолетства ловил рыбу. Много знал о ней. Во всяком случае, мог отличить ерша от окуня, пескаря от плотвы.

На перешейке много озёр и рек. И речушек уйма. Обзавёлся снастью и стал промышлять помалу. Один раз поймал приличную щуку. И стал хвалиться, естественно. Ну какой рыбак не расскажет о своём трофее. Некоторое время спустя появился у нас начальник артвооружения капитан Оранов. Слушал, слушал мои байки, да и говорит: «А ты царскую рыбу ловил?»

Что тут ответить?! Я и не знал такой, и в глаза не видел. Посрамлён был публично. Но любопытство своё берёт. Стал пытаться Оранова, что это за рыба, где водится и как её ловить. Он смилостивился и обещал свозить на ловлю форели.

Долго колдовали над снастью, а ночью поехали на мотоцикле в сторону Выборга на небольшую быструю речку. Вода в ней чистая и холодная. У нас по одной удочке с леской 0,3 мм, поводком 0,2 мм длиной 20 см. Крючок № 7. Мой капитан инструктирует: не шуметь, поплавок забрасывать из-за куста, после пойманной рыбы с этого места уходи – много шума.

Посреди речки лежит валун, вода омывает его с обеих сторон. Забрасываю выше по течению. Поплавок огибаёт камень и вдруг исчезает под водой. Я резко дёргаю, но ко мне возвращается леска с поплавком, но без поводка. Вот это да, и рыбу не увидел, а крючка нет! Поднялся повыше. Забрасываю. Поплавок делает круг и, когда почти подходит к берегу, резко уходит вниз. Подсекаю, и опять остаюсь без крючка.

Иду к Оранову жаловаться, а сам недоумеваю, что это за диковина такая. Он меня вновь вразумляет, и в этот момент подсекает рыбину. По удилищу видно, насколько она сильна и бойко ведёт себя на крючке. Минут пять – семь борьбы, и рыба на берегу. Вот она, красавица! Тело плотное, веретенообразное, спина тёмная, брюхо белое, тело украшено множеством тёмно-коричневых и красных кружков. Длинной примерно 25 сантиметров, вес где-то 200 граммов. А какая сильная!

Азарт взял меня. Пошёл искать своё счастье. К полудню поймал две штуки, поводков пять оборвал. Одна такое вытворяла на крючке! Это надо было видеть. Описать мои ощущения просто невозможно...

Вот за такие мгновенья, сильные ощущения я и люблю рыбалку. А форель... она многому научила. Это действительно царская рыба, и с ней надо на «Вы».

Медицина: наука или ремесло?

Полковой лекарь Херузе с пеной у рта всем доказывал, что медицина – наука, и ею могут заниматься лишь избранные. На этой почве он имел немало неприятностей, потому что и полковое начальство считал не вполне полноценным. Да мало того, имел неосторожность высказывать крамольные мысли вслух. Ну а этого начальство никогда не любило. И вот нашего майора Херузе сделали капитаном. Разжаловали за острый язык.

А, надо сказать, пропагандистом медицинских знаний он был отменным. Очень часто выступал в полковом клубе перед показом кино. И убедительно доказывал, что «лучший способ избежать при ранении столбняк или гангрену, если нет рядом сведущих медиков, – порох и спички». Засыпал на рану порох и пали. Больно? Но зато спасён. Будешь жить.

Узнал я от нашего лекаря, что наркоз, который впервые применил 16 октября 1846 года в Бостоне во время операции Коллинз Уоррен, во фронтовых условиях не всегда был под рукой. А до этого брадобреи во время войн, а таковых было немало, лечили в прямом смысле калёным железом. Выживал – твоё счастье. Умирал – так Богу угодно. «Мы, медики, – любил повторять Херузе, – существуем для того, чтобы предупредить болезни у солдат, если нет войны». Надо заметить, делал подобную профилактику наш доктор подчас оригинально.

Вот случай, которому я был очевидец. Полк в летнем лагере разместился в палатках. Все на занятиях. Я дежурил по полку и зашёл к врачу в палатку. Она была разделена простынёй по-

полам, в задней половине врач спал, а в передней вёл приём. В спальне стоял стол и две табуретки. Херузе сразу же предложил мне сыграть партию в шахматы. Мы сели за стол. Переставляем фигуры на доске. За палаткой слышен стон, кто-то входит. Врач, не выходя из-за стола, спрашивает: «Кто там?». «Сержант Половников», – отвечает. «Что ты?». «Ой, болит живот, товарищ капитан». «Садись!». А сам продолжает играть. Я ему тихонько шепчу: «Иди, больной ведь». Пошёл: «Ну, что у тебя? Покажи». Сержант стонет. Лекарь зашёл за простыню, взял графин с водой, налил её в стакан. Руку поднял высоко, чтобы громче вода шумела. Налил полстакана и отдал сержанту: «На, выпей, сейчас полегчает». Тот выпил. «Ну как?». «Вроде полегче». «Посиди немного, пройдёт». Сержант посидел минут пять, согласился, что стало лучше, и ушёл. Вот что значит внушение. Больной слышал, что льют, думал – лекарство, а организм принял установку как должное.

Или ещё случай. Были мы на разминировании территории Ленинградской области в районе Пулковских высот. Участок очень засорен минами. Появились случаи подрыва среди солдат. Нервы напряглись. А у некоторых начали сдавать. Так вот, утром к врачу приходит солдат Мудрик, жалуется на глаза: они красные и слезятся. Врач спрашивает: «Что куришь?». Мудрик: «Махорку». «По глазам вижу. Иди!» Тот пошёл и быстро встал в строй. Значит, струсил парень, дрогнул и табаком глаза засыпал, чтобы не идти на работу.

Тем временем в соседнем артполку заболел солдат-казах. Смотрели, вертели его, ничего не могут понять. Давление скачет у солдата, а его вроде не должно быть. Дошёл слух до нашего костоправа об этом уникаме. Херузе пошёл, посмотрел, послушал и говорит казаху: «Брось чай курить. Сдохнешь!» И ушёл. Вылечил.

А вот своего помощника старшего лейтенанта Кандыбу не спас. В одну из ночей Кандыба пошёл в женское общежитие при госпитале. Любовь крутить. Нагрязнул комендантский наряд. Дом оцепили и стали проверять комнаты. Кандыба

был на втором этаже и решил уходить через окно. Прыгнул и, видно, неудачно, на прямые ноги. Сорвал внутренности. Пока Херузе прибежал, помощник Богу душу отдал...

Встреча с маршалами

В 1953 году на Карельском перешейке Генштаб проводил командно-штабные учения. Руководил учениями начальник генштаба Маршал Советского Союза Василий Данилович Соколовский. Высокий, стройный мужчина носился по району учений на открытом «газике» без охраны. Кроме адъютанта я не видел никого.

Наша батарея обслуживала эти учения. Ставили палатки, мастерили столы, скамейки. Генералы, привлечённые к учениям, вели себя как дети. Что значит своя среда! Вот стоят в строю люди по 50 лет и более. Впереди блестит лысина 60-летнего генерала. Сзади стоящий, как мальчишка, слюнявит бумагу и бьёт ею в лысину. Шея тут же багровеет. Все прыскают от смеха, но не выдают обидчика.

Часто в перекур они зубоскалили. Один, например, задаёт вопрос: «Что такое солдат?» Другой отвечает: «Солдат есть механизм, артикулом предусмотренный». Третий из угла: «Не хочется мне вставить, Иван Васильевич, а так бы я тебе рожу-то поразглядил».

К концу учений приехал министр обороны Маршал Георгий Константинович Жуков. Всё враз изменилось: ни шуток, ни каламбуров. Все подтянулись, а нас за палатку сдуло.

Жуков проводит разбор. Вернее, разносит в своей манере, не взирая на ранги. Помню, одного полковника так измордовал, больно на него было смотреть. А под конец Жуков и говорит: «А тот майор пойдёт командовать батальоном!» Что означает – понизил полковника в звании на две звёздочки.

Неприятный осадок оставила та встреча с национальным героем...

«А я не начальник»

Полк наш расквартирован в посёлке Химмола, в 15 километрах от Финляндии. Подразделения разбросаны по всему посёлку. Собственно, он и был военным городком. Здесь же жили семьи комсостава, многие уже обзавелись детьми. Полковой врач старичок-добрячок лечил всех – и военнослужащих, и членов их семей. И дети с удовольствием посещали его кабинет. Он панибратски здоровался с ними за руку, при этом обычно спрашивал: «Ну, как дела, товарищ начальник?» И слышал в ответ: «Хорошо».

В один из вечеров полковой лекарь шёл по посёлку, а навстречу ему молодуха, не дурна собой, и за руку ведёт мальчика лет пяти. Это недавно прибывшая семья. Доктор остановился, поклонился женщине, а парню протягивает руку и говорит своё дежурное: «Ну, как дела, товарищ начальник?»

Мальчик не подал руки, насупился: «Я не начальник!». «А кто же ты?». «Я Вова». «Вот оно что...».

Тогда мальчик, глядя прямо в глаза доктору, спрашивает: «А ты полковник?». «Нет, друг, я подполковник». «А-а, значит, и ты не начальник!»

Ручками, ручками

Недалеко от Выборга находился Бабочинский артиллерийский полигон. На нём круглый год, по графику начальника артиллерии ЛенВО, артиллерийские части и подразделения проводили боевые стрельбы. На полигоне были два сектора. Один для стрельбы с закрытых позиций, другой – для стрельбы прямой наводкой. Стреляющие подразделения выделяли людей в оцепление вокруг полигона, а он, надо заметить, больших размеров. Во главе этой команды находился начальник оцепления из офицеров. В его обязанности, помимо обеспечения безопасной стрельбы, входило создание «мишенной обстановки».

Как-то летом меня нарядили командовать оцеплением. Расставил людей согласно расписанию и прибыл к начальнику полигона, чтобы получить инструктаж и приступить к делу.

Принял меня сухощавый маленький и очень старенький полковник. Видно, из дореволюционных спецов. Он мне всё обстоятельно рассказал, показал на схеме, где что и как поставить.

Меня больше интересовал сектор стрельбы прямой наводкой, так как наша батарея на другой день должна была там стрелять из 85-миллиметровых пушек по движущимся танкам. «Танки» – это макеты из досок, сколоченные в натуральную величину и поставленные на полозья. К макету одним концом крепится трос. А другой конец в полутора километрах намотан на барабан. От электродвигателя макет приводился в движение, и «танк» двигался на орудие под углом 30–35 градусов.

Всё просто – включили мотор и поехали. Извольте стрелять. Для obsługi хорошо, если макет не разобьют. А для стреляющих, наоборот, лучше попасть в цель. Всё всем ясно. Но как обратно доставить такую махину на исходные позиции? Не соображу. И решаю уточнить у полковника. Он так насмешливо поглядел на меня и спросил: «Вы знаете, молодой человек, в какой век мы живём? В атомный, в атомный! Так вот, танки нужно возвратить на исходные позиции ручками. Ручками!»

Мне оставалось козырнуть и сказать, что я всё понял. А затем идти настраивать солдатские ручки на тяжёлый труд.

Мордатый, полосатый

Ниже офицерских домов, огибая полукольцом военный городок, расположились озёра с чистой водой. Дальше за озёрами – сосновый бор. Место очень красивое. А вот перед озёрами сержанты сверхсрочной службы понастроили, кто как мог, для своих семей домики. Многие обзавелись хозяйством, имели свиней, коров. Чтобы корова давала молоко и побольше, она должна отелиться, иметь ребёнка, называемого телёнком.

Телят обычно привязывали на верёвку где-то на лугу, недалеко от дома. Дети офицеров баловали их, приносили травки или подсоленного хлеба. В один из дней на прогулку с четвёртого этажа спустился один товарищ по имени Гена.

Это он и раньше проделывал, так как ему уже было два с половиной года от роду. Выходит на крыльцо из двери, спускается по ступенькам и... Замер человек вначале от изумления, а потом от ужаса. На него идёт такой мордатый и полосатый зверюга – телёнок.

Коровий ребёнок, видно, решил, что ему угощение принесли. Зверь всё ближе, и ещё замычать вздумал – телячьи радости проявил. Тогда человечек больше не стал испытывать судьбу. Быстро повернулся и бросился бежать в подъезд. Одним махом одолел лестницы до второго этажа. Дальше духу не хватило. А потом любопытство всё же взяло верх, он выглянул в окно.

А зверюга с высоты, оказывается, не такая и страшная.

Рысь

Жили мы в военном городке в посёлке Агалатово, это километров 30 от Ленинграда. Городок располагался в лесу на старой советско-финской границе. Быт был плохо устроен. Магазинов не было, и женщины ездили за продуктами в Ленинград на автобусе. Мать Ирины и Гены в один из дней тоже поехала. Мы остались дома хозяйничать. Ирине было три года, а Гене год с небольшим, парень уже всюду ходил. И мы решили идти встречать мать по лесной дороге, а это километра полтора. Идём, рассуждаем. Вдруг Ирина впереди увидела кошку и закричала: «Папа, киска!» И к ней.

Я глянул и обомлел. Впереди, метрах в десяти, на дороге сидит рысь. Кисточки на ушах шевелятся, глаза смотрят, не мигая. Я Гену быстро поднял, на плечи посадил, а Ирину за себя поставил. А ей интересно посмотреть, выглядывает из-за спины.

У меня даже палки нет. Мы стоим, и рысь ни с места. Боюсь обратно повернуть, спину подставить. Что у зверя на уме, не знаю. Первой не выдержала рысь, отбежала немного и на дерево вскочила. Мы потихоньку задом стали отступать к домам. Добрались. Я побежал к охотнику, жившему рядом с нами. Он схватил ружьё и отправился в лес. Но рысь не нашёл.

А через день её убил охотник.

Пленник

Недалеко от военного городка уютно расположились несколько кирпичных четырёхэтажных домов для комсостава. Жильцы живут своей жизнью. Мужья, то бишь офицеры, ходят на службу, жёны варят похлёбку, убирают, стирают, провожают ребят в школу или просто на улицу погулять. Каждый занят своим делом.

Но как-то установившийся уклад был нарушен самым неожиданным образом. Возмутителем спокойствия стал гражданин лет пяти. Мама выпроводила его на улицу. Одеда соответственно погоде в пальто, шапку-ушанку, валенки. Надо заметить, что человек этот жил на третьем этаже. Спускаясь вниз, он зачем-то решил просунуть свою голову между прутьев перил. Задумано – сделано. Просунуть просунул, а обратно голова не идёт. Туловище с ногами здесь, а голова там. Что делать? Нужно кричать. Что он и сделал.

Повыскачили мамы из всего подъезда. Видно, кричал от души. И так и сяк пытаются освободить его из плена. Одна за туловище пыталась потянуть, другая на голову давит. А третья своими ладонями пыталась голову малыша с боков сдавить. Ничего не выходит. Из других домов сбежались люди. Все советуют, шумят. Кто-то за слесарями побежал. Малец-то орёт благим матом.

Сверху спускается мужчина в чине майора, еле пробирается сквозь шумящую публику, проходит мимо застрявшего человека. Посмотрел на него и эдак небрежно изрёк: «Шапку снимите». И, не останавливаясь, пошёл вниз.

Кто-то развязал тесёмки на шапке, потянул её с головы и – о чудо! – шапка осталась с той стороны перил, а голова свободно вышла назад. Пленник был спасён, затих, и уже раздельно от шапки доставлен домой.

Как Богданова женили

Ваня Богданов и Витя Ананченко – два друга, два старшины-сверхсрочника. Службу проходили в укрепрайоне под Ленинградом.

Часто приходилось им дежурить в дотах и капонирах. Служба не из лёгких. И когда вырывались парни в населённые пункты Агалатово или Вартемяки, отводили душу в шинке.

Шинкаря Любка жила и работала в Вартемяки. Это была добротная девица, но уже засидевшаяся в девах. Давно мечтала о замужестве. И господин Случай помог.

Богданов и Ананченко в свободное время решили развлечься, а денег не густо. И вот Витя предлагает: «Давай, Ваня, пойдём тебя посватаем к Любке». Тот согласился.

Пошли к ней домой. Там Люба и её мать. Витя и запел: «У вас курочка, у нас петушок». Бабка заохала, заходила, на стол стала собирать. Угощение получилось на славу. Ребята упились, и Люба решила воспользоваться этим.

Ваня утром проснулся, рядом с ним лежит Люба. Она к нему, он от неё. Люба ему и говорит: «Ваня, ты же мой муж. Что с тобой?» Парень очухался: «Пошла вон!» Она ему толкует: «Так вот же свидетельство о браке».

Ваня опешил, вскочил, и бежать из дому. Его Витя догнал. Начал расспрашивать. Богданов рассказал, что он вроде муж Любы. По-настоящему. Стали смотреть удостоверение личности Богданова. Там стоит штамп Вартемякского сельсовета и запись о том, что он и она вступили в брак такого-то числа.

Позже ребята узнали, как их оженили. Когда они захмелели, Любаша пошла к подруге своей, работавшей секретарём сельсовета. Рассказала о своём плане. Та согласилась. Взяла бумаги, штамп и пришла к Любе домой. В присутствии мальчиков всё оформили, подсунули Ване на подпись, тот подмахнул, не глядя. И пожалуйста – муж!

Влипли ребята. Ваня, конечно, больше не идёт в тот дом. Хотя Люба приходила, просила его вернуться. Он ни в какую. Тогда она говорит: «Ну, ты меня ещё вспомнишь, Ваня».

Через год прошёл слух, что Любаша родила. А ещё через месяц пришла повестка Ване Богданову явиться в суд, где и определили, что он будет платить 25 процентов из своей зарплаты на содержание ребёнка до его совершеннолетия.

Вот так мужиков печат! Позже я слышал, что Люба сошлась и живёт с малым, от которого родила. А Ваня? Он сколько ни судился, всё без толку. Так и платит алименты, сердечный...

Судебная ошибка?

Закон допускает рассматривать заявление в суде о взыскании алиментов на содержание детей и в отсутствии ответчика. А ведь это не всегда оправданно и может привести к роковой ошибке.

Об одной из таких ошибок мне рассказала судья Бежицкого нарсуда Ракчеева. Как-то она приняла заявление к производству. Муж поругался с женой и уехал в Сибирь. У них ребёнок, а муж не высылает супруге деньги на его содержание. Жена подаёт заявление в суд, указывая фамилию, имя, отчество, год рождения ответчика. А место жительства ей неизвестно.

Судья подаёт в розыск, и через определённое время ей сообщают о месте нахождения ответчика. Суд тут же решает взыскать 25 процентов в пользу ребёнка и направляет исполнительный лист по указанному адресу.

Проходит год. К судье на приём приходит мужчина. И говорит, что по решению Бежицкого суда он платит алименты уже год неизвестно кому и за что. Судья вначале вспылила, но затем её тронула исповедь посетителя, который рассказал, что жена «съела» его за алименты, хотя он не виноват и детей у него на стороне нет.

Судья попросила секретаря принести дело из архива. Установила фамилию и адрес заявительницы и послала за ней рассыльного. Та пришла, поздоровалась, на мужчину лишь глянула вскользь. Судья спрашивает: «От кого вы получаете деньги на ребёнка?». Та отвечает: «От мужа». «А где он?». «Сейчас работает на стальзаводе в Бежице». «Вы знаете этого мужчину?». «Нет». «А ведь вы с него берёте деньги, из Ленинграда».

Немая сцена. Пришлось исправлять ошибку. Ведь пострадал невинный человек, у которого случайно совпали все данные, указанные в заявлении нечестной женщины.

Свадебный подарок осени

Несколько лет назад я поехал в Калегаевку за чернушками. Поехал по совету приятелей первый раз в эти места. Стоял сентябрь на дворе. День выдался солнечный, тёплый.

Первое, что бросилось в глаза, когда сошёл с электрички, обилие рябины. Она везде, куда ни глянешь. Всё красно. Красота! На душе блаженство. За такие мгновенья можно многое отдать.

Грибов набрал много. Вышел к платформе пораньше. По пути сорвал несколько кустов рябины. Встретил деда, ожидающего поезд. Он спрашивает: «Ты знаешь эту ягоду?». «Конечно, это рябина». «Эх вы, молодёжь...».

И поведал мне такое, о чём я раньше и не слыхивал, и не знал. Горькая ягода? Так ведь это только для тех, кто торопится, не умеет ждать. Не рви раньше времени незрелые плоды, иначе не узнаешь сладости, счастья, любви.

Так что со смыслом оказывается деревце. На Руси исстари считали рябину символом семейного благополучия. Верили, что счастье приносит, поэтому у домов сажали.

Рыбаки, уходя в море, брали рябиновую палку: с ней любая буря нипочём. Тонкой веткой хозяйки слегка похлопывали коров, чтобы побольше давали молока.

Ведь верно, лесная красавица не избалована, растёт и на юге, и на севере. Иные деревца дают до 200 килограммов ягод. А за 100–150 лет, свой век, очень много набирается. В ягоде есть сахар, и его не меньше, чем в малине. Витамин С есть, а каротина в два раза больше, чем в моркови.

Уникальный продукт. Варенье свари, желе. А настойка – янтарь, и вкуса отменного. Свадебный подарок осени, вот что такое рябина в сентябре.

А, кроме того, рябинушка вместе с берёзкой нашу родину олицетворяет.

Никсон

На заводе в смене, которой я руководил, был разный народ: и хорошие, и не очень, добросовестные и ленивые. Были выпивохи и дуралеи.

Вспоминается один по фамилии Новиков, по кличке Никсон. Из-под Жирятина мужик. Силёнкой не разжился, а норовистый, чёрт. Особенно дома, когда подопьёт и начинает куражиться. То сын на него плохо посмотрел, то дочь чем-то не угодила. Тут же выгоняет всех из дома, закрывается и спит один.

Утром прибегает на завод жена жаловаться. Ну, поругаешь этого Никсона, в котором и было всего-то килограммов 45 живого веса. Он бубнит в ответ: «Не буду больше». Немного держится, а потом опять за своё.

Однажды зимой Никсон пришёл домой, уже затемно. За чем-то отправился в сарай и обнаружил там нарушение субординации в курином семействе. Петух сидел не в середине на насесте, а сбоку. Никсон к жене: «Почему петух сидит сбоку?» Жена пошла, пересадила, но Никсон опять за своё. И так всю ночь изводил своих домашних. Считал, что петух – голова семьи и должен всегда быть в почёте.

А сам? Даже не задумывался о том, что свой почёт надо заслужить...

Ну и дела!

Однажды по делам (я в то время был командиром народной дружины) зашёл к прокурору района. Когда входил в приёмную, из неё вышел молодой стройный мужчина лет тридцати, под конвоем милиционера. Я невольно задержал взгляд на волевом симпатичном лице этого человека, на его солдатской выправке, а затем вошёл в кабинет.

Прокурор ходил взад – вперёд. Только я закрыл дверь, он ко мне с вопросом: «Нет, ты видел?». Спрашиваю: «Кто это?». И прокурор рассказал мне такую историю.

Этот мужчина после долгих скитаний по свету вернулся в родительский дом. Приехал не один, а с женой, молодой осо-

бой – сибирячкой. Дама была, видать, эффектна собой, и муж похвалялся соседям и знакомым, куда они часто ходили в гости. Мужчина не дурак был выпить, неплохо пел и играл на гитаре.

На одной из вечеринок ему показалось, что жена много внимания уделяет другому мужчине, мило ему улыбается. Показалось, или так оно и было, но муж вдруг возревновал. Придя домой, стал выяснять отношения. Схватил гитару и стал бить жену. Разбил ей голову, и гитару тоже. Жену в больницу отвезли, а его в кутузку. Прокурор стал его вразумлять, дескать, ты же закон нарушил. Тогда задержанный и спрашивает: «Товарищ прокурор, жена моя?». «Да, твоя». «Гитара моя?». «Да, конечно». «Так что же вы хотите?!».

Вот такая логика...

Не может быть!

Много баек у охотников и рыбаков, да оно и неудивительно. Вот сидит рыбачок на берегу и час, и два, и три. Один. На поплавок глядит. Хорошо ещё, если поклёвывает, а если нет? И словом обмолвиться не с кем, да и нельзя, а вдруг рыба услышит. Вот и говорят в народе, что рыбак – это тихо помешанный. А охотник? Охотник, значит, – буйно помешанный. Сколько он, сердечный, за день оттопает по полям, по лесам.

И вот под вечер они собираются по кастам, обычно – рыбаки с рыбаками, а охотники с охотниками. Ну, а если ещё и ночуют у костра, вот тут и отводят душу острословы. Порой, право, диву даёшься, и не знаешь, верить на слово или сомневаться.

Вот что однажды слышал я, сидя у костра. Охотники состязались. Один рассказывает, что прошлый раз он подстрелил зайчика килограммов на десять, а уши у него какие-то особые, длинные и широкие, как локаторы. Другой решает не ударить в грязь лицом и рассказывает, что на днях лисицу уложил. Красавица! А хвост – это что-то особенное, метра на полтора будет. Жена расцеловала его за такой подарок.

Все кивают головами, соглашаются. Тогда третий вещает: «Знаете, братцы, позавчера перебрал зелья, уснул. Утром,

чуть свет, жена будит. Открыл глаза, она стоит у кровати, в руках поднос, на нём стопка водки и бутерброд».

Все, кто был у костра, тут же загалдели: «Этого не может быть!»

1949 г. Бежица. С женой Аней

3 сентября 1953 г. Семья Майоровых

9 мая 1985 г. Ветераны 84-й дивизии на Красной площади

Содержание

От составителя	3
Алексей Кондратенко. Идут в наступление строки	4
Николай Романовский. Дневник.....	29
Дорожные впечатления (1942 год)	29
Май – июнь. Люди переднего края.....	32
Бои местного значения.....	75
1943 год. Дорога на Орёл.....	106
В освобождённом Орле.....	146
А. М. Польшинкин, А. И. Кондратенко. Комментарии	154
А. И. Кондратенко. Краткая библиография.....	160
Произведения Н. В. Романовского	160
Публикации о Н. В. Романовском.....	162
Николай Майоров. ...И юность, опалённая войной	167
До войны.....	167
Калабай	167
Стреляный.....	168
Поджигатели.....	169
Бог в трёх лицах.....	171
Война	172
Смерть санитары.....	172
В разведке. Первое ранение.....	173
Голубой Дунай.....	176
Касаткин.....	178
Маршал Толбухин	181
Заснул.....	183
Среди трупов.....	184
Оружие любит ласку, чистоту и смазку	185
Бандеровцы.....	186
Солдатская баня	187
Без руки	189
Гибель парторга	190
Как кончаются войны	191

После войны.....	194
Аттракцион	194
Матрос с «Потёмкина»	195
Шпион	196
В Киево-Печерской Лавре	198
ЧК не дремлет	200
Смекалка	201
Форель – рыба царская	203
Медицина: наука или ремесло?.....	204
Встреча с маршалами	206
«А я не начальник»	207
Ручками, ручками.....	207
Мордатый, полосатый	208
Рысь	209
Пленник	210
Как Богданова женили	210
Судебная ошибка?.....	212
Свадебный подарок осени	213
Никсон.....	214
Ну и дела!	214
Не может быть!	215

**Библиотечка военно-исторического журнала
ОРЛОВСКИЙ ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК
Выпуск № 30**

Армия шла по орловской земле

Главный редактор: С.А. Ветчинников
Редактор: А.И. Кондратенко
Технический редактор: К.В. Стародубцев

Редакция вправе публиковать при-
сланные в свой адрес произведения,
письма и обращения читателей.

Ссылки на источники информации
актуальны на момент выхода.

Редакция уважает точку зрения ав-
торов на какие-либо события, их трак-
товки, хотя не всегда может их разде-
лять, следуя правилу: «Пусть в споре
рождается истина».

Цена свободная

Подписано в печать 11.12.2023 г. Дата выхода 11.12.2023 г. Формат 60x80 1/16

Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Arial

Объем 13,75 усл. печ. л. Тираж 200 экз. Заказ № 45

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.

Адрес издателя и редакции:

302001, г. Орёл, ул. 2-я Посадская, 26, Тел. (4862) 44-51-45.

E-mail: kartush@orel.ru www.kartush-orel.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета

в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»

г. Орёл, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862) 44-51-46.